
INSPIRIA
Эмма
ДОНОХЬЮ
Глубокая, душераздирающая и полная откровений панорама жизни, смерти и любви во время пандемии. Это невероятный роман.
Эмили Сент-Джон Мандел
притяжение
ЗВЕЗД

INSPIRIA

Притяжение звезд
Эмма Донохью

Аннотация
Эмма Донохью. Притяжение звезд
I. Красный
II. Коричневый
III. Синий
IV. Черный
От автора

Аннотация

Книга, которая невероятно актуальна сегодня. Эмма Донохью рассказывает о страшной эпидемии, поразившей Европу в XX веке.

В Ирландии, обескровленной войной, эпидемия «испанки» не сбавляет оборотов – в госпитале в центре Дублина не хватает докторов и сестер, а больные все прибывают. Под удар попадают и те, кому вынести его сложнее других – будущие матери на поздних сроках беременности. Медсестра Пауэр делает все, что в ее силах, чтобы спасти рожениц и помочь появиться новой жизни. В канун Дня Всех Святых в ее маленькое царство вступают еще две необыкновенные женщины – молоденькая волонтерка Брэйди Суини и доктор Кейтлин Линн, суфражистка, которая, по слухам скрывается от полиции из-за участия в восстании. За три дня их судьбы сплетутся невероятно крепко, соединенные любовью, смертью и надеждой, которая продолжает сиять даже в кромешной тьме.

Номинирована на престижную литературную премию Giller Prize.

«Глубокая, душераздирающая и полная откровений панорама жизни, смерти и любви во время пандемии. Это невероятный роман.» – *Эмили Сент-Джон Мандел.*

Эмма Донохью
Притяжение звезд

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Персонажи и события в этой книге вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, случайно и не входило в намерения автора.

I
Красный

Тем дождливым утром я вышла из дома за несколько часов до рассвета. Я ехала на велосипеде по блестящим мокрым улицам. Короткая зеленая пелерина спасала меня от дождя, но рукава пальто вскоре вымокли насквозь. Когда я проезжала переулок, в котором теснилось стадо коров, в нос ударил смрад навоза и крови. Мальчишка в мужском пальто выкрикнул мне вслед какое-то ругательство. Я нажала на педали и обогнала автомобиль, который ради экономии бензина тащился с черепашьей скоростью.

Как обычно, я оставила велосипед на аллее, навесив на заднее колесо кодовый замок (естественно, германского производства. Интересно, где я найду замену, когда его механизм заржавеет?). Распустила боковые тесемки юбки и достала из багажной корзинки вымокшую под дождем сумку. Я бы предпочла проделать на велосипеде весь путь до больницы и добралась бы туда вдвое быстрее, чем на трамвае, но наша главная терпеть не могла, когда медсестры появлялись на

работе вспотевшие.

Выйдя на мостовую, я едва не попала под дезинфекционную тележку. В воздухе над ней витал сладковатый смолистый аромат. Я увернулась от мужчин в масках, которые мыли брусчатку около водосточных канав из шланга, который тянулся из зарешеченного стока вдоль дороги.

Я миновала импровизированную часовенку в честь павших воинов — деревянный триптих, задрапированный британским флагом. Еще там стояла выщербленная Дева Мария в одеянии небесно-голубого цвета, полочку под ее ногами усыпали увядшие цветы. На триптихе были выведены десятки ирландских фамилий — из нескольких десятков тысяч павших, из сотен тысяч отправившихся на фронт. Я подумала о брате, который остался дома и доедал свой тост.

Яркий электрический фонарь на трамвайной остановке казался размытым пятном на фоне занимающейся зари. Фонарный столб был обклеен объявлениями: «*ИСТОЩЕНЫ И ОСЛАБЛИ ОТ СЛИШКОМ ТОРОПЛИВОЙ ЖИЗНИ? ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ СТАРЫМ?*»

Завтра мне исполнится тридцать.

Но я не позволяла себе страшиться этого числа. Тридцать означает зрелость, определенное

положение в обществе и силу, разве нет? Даже избирательное право — ведь его уже распространили на женщин старше тридцати, отвечающих имущественному цензу. Правда, перспектива голосовать представлялась мне нереальной, потому что всеобщих выборов в Великобритании не проводили уже восемь лет и не собирались проводить, пока не закончилась война, и только Богу известно, какая ситуация тогда будет в мире.

Мимо прогрохотали первые два трамвая; они были забиты до отказа, вероятно, на этой неделе отменили еще несколько маршрутов. Когда подошел третий, я кое-как втиснулась в вагон. Туфли на резиновом ходу скользили на мокрых от карболки ступенях лесенки. Вагон рассекал предрассветную тьму, его мотало из стороны в сторону, поэтому я, крепко вцепившись в поручень, с усилием поднялась наверх. Пассажиры на верхней площадке, похоже, вымокли до нитки, и я встала под навес, вдоль которого тянулась надпись:

> ПРИКРЫВАЙТЕ РОТ ПРИ КАШЛЕ ИЛИ ЧИХАНИИ… БОЛЕЗНЬ СЕЮТ ГЛУПЦЫ И ИЗМЕННИКИ.

Разгоряченная после велосипеда, я нырнула в

утреннюю прохладу, и теперь меня слегка познабливало. Двое мужчин на скамейке-империале подвинулись в разные стороны, освобождая мне место, и я втиснулась между ними, поставив на колени саквояж. Косой дождь моросил прямо на нас.

Трамвай, пронзительно визжа, набрал скорость и промчался мимо вереницы конных кебов, но зашоренные лошади не обратили на него ни малейшего внимания. Внизу, в конусе уличного света я заметила пару: держась за руки, они спешили по своим делам, и заостренные маски на их лицах напоминали клювы неведомых птиц.

Сквозь толпу пассажиров верхней площадки пробирался кондуктор. Его фонарик — плоский, точно фляжка для виски — испускал дрожащее сияние, освещая колени и ботинки. Я выудила из перчатки потную монетку, бросила ее в кружку, на дне которой болталась мутноватая жидкость, и подумала: неужели карболка и впрямь способна смыть с монет все бактерии?

— Этим вы оплатите проезд только до Колонны, — предупредил меня кондуктор.

— То есть тариф повысили?

— Ну что вы, это могло бы вызвать волнения. Но теперь за пенни можно доехать только до

Колонны.

Раньше я бы посмеялась над этой шуткой.

— А до больницы…

— Надо добавить к вашему пенни еще полпенни, — ответил кондуктор.

Я достала из саквояжа кошелек и нашла нужную монетку.

Мы проехали мимо железнодорожного вокзала: внутрь чинно входила вереница детей с чемоданами, которых родители отправили за город в надежде, что там они будут в безопасности. Но, насколько я могла судить, эпидемия свирепствовала уже по всей Ирландии. Это незримое исчадие зла имело десятки имен: «великая инфлюэнца», «солдатская/окопная болезнь», «синяя инфлюэнца», «черная инфлюэнца», «грипп» (всякий раз, услышав это слово, я представляла себе увесистую опухоль на плече, вроде гриба-паразита, вросшего в ствол дерева). Иногда для обозначения инфлюэнцы прибегали к эвфемизму: «заболевание». Или «фронтовой недуг», исходя из соображения, что это некий побочный эффект длившегося четыре года смертоубийства, инфекция, зародившаяся в окопах и распространившаяся по всему миру в условиях повальной неразберихи.

Мне, можно сказать, повезло. Я оказалась одной из тех, кто легко отделался. В начале сентября я слегла с ломотой во всем теле. Я уже была достаточно наслышана об этом жестоком гриппе и перепугалась не на шутку — но в считаные дни снова встала на ноги без каких-либо симптомов, только еще несколько недель все цвета чудились мне в каком-то серебристом ореоле, словно я смотрела на предметы сквозь запотевшее стекло. Если не считать этого, никаких последствий болезни не испытывала, ну разве что пребывала в несколько подавленном настроении. Но в общем беспокоиться было не о чем.

Доставщик — парнишка с торчавшими из-под шортов ногами-спичками — промчался мимо трамвая на велосипеде, подняв разноцветный веер маслянистых брызг. Должно быть, подумала я, трамвай еле тащился в редком потоке автомобилей, чтобы не тратить много электричества или в соответствии с новой инструкцией. Я бы уж давным-давно оказалась в больнице, если бы главная медсестра позволяла нам добираться до нее на велосипеде.

Но даже если бы я нарушила это правило, она бы все равно ничего не узнала, потому что последние три дня лежала в женском инфекционном

отделении, заходясь от кашля и не в силах произнести ни слова. Но мне не хотелось действовать за спиной главной, пользуясь ее беспомощным состоянием.

Южнее Колонны Нельсона трамвай, отчаянно визжа тормозами, замедлил ход и остановился. Я обернулась посмотреть на обугленную цитадель почтамта — одного из нескольких мест в городе, где забаррикадировались мятежники во время шестидневного восстания[1]. Какая бессмысленная и вредная затея! Ведь Вестминстер уже был готов предоставить Ирландии автономию, и введение гомруля[2] отложили только из-за разразившейся мировой войны. Вообще-то я совершенно не возражаю против того, чтобы Ирландия управлялась из Дублина, а не из Лондона, только добиваться этого следовало бы мирным способом. Ведь стрельба на дублинских улицах в шестнадцатом году не приблизила гомруль ни на дюйм, верно? Только дала многим повод возненавидеть горстку тех, кто пролил ради нас кровь.

---

[1] Примечания: 1

Речь идет о Пасхальном восстании 1916 года. В здании дублинского почтамта располагалась штаб-квартира восставших. — *Здесь и далее прим. перев.*

[2] Примечания: 2

Гомруль — самоуправление *(англ.)*. Движение за автономию Ирландии на рубеже XIX–XX веков.

Чуть дальше по улице, где многие здания вроде книжного магазина, где я покупала любимые комиксы Тима, были стерты с лица земли британской артиллерией во время краткого мятежа, восстановительные работы еще даже не начались. Некоторые переулки все еще оставались забаррикадированными спиленными деревьями и колючей проволокой. Наверное, пока шла война, цемент, смола, асфальт и древесина были в дефиците.

Делия Гарретт, подумала я. Айта Нунен.

Хватит!

Эйлин Дивайн, уличная торговка, у которой инфлюэнца переросла в пневмонию: весь вчерашний день она харкала зеленовато-красной слизью, а температура у нее скачками то взлетала, то опускалась, словно воздушный змей под порывами ветра.

Перестань, Джулия!

Между сменами я старалась не думать о пациентах, ведь все равно я ничем не могла им помочь, пока находилась вдали от них.

На афишной тумбе красовалась программа концерта-варьете, на которую по диагонали налепили полосу со словом «ОТМЕНЕНО». Поверх афиши финальных игр чемпионата Ирландии

по хёрлингу[3] наклеили другое объявление: «ОТЛОЖЕНЫ НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК». Многие магазины закрылись из-за гриппующих продавцов, в окнах большинства контор были опущены жалюзи и висели скорбные объявления. А редкие компании, что все еще оставались открытыми, казались заброшенными по причине отсутствия клиентов. Дублин смахивал на рот с выбитыми зубами.

Пахнуло эвкалиптом. Сидевший слева от меня на скамейке мужчина поднес ко рту и носу платок, смоченный в эвкалиптовой настойке. Многие прилаживали такие душистые платки себе на шарфы или на лацканы пальто. Раньше мне нравился этот древесный аромат — до того, как стал ассоциироваться со страхом. Но я уже не съеживалась, услышав, как рядом со мной кто-то чихнул, ведь у меня выработался иммунитет к этому штамму сезонного гриппа; я даже чувствовала облегчение от мысли, что уже переболела.

Сидевший позади меня мужчина зашелся раскатистым кашлем. За ним другой. Кхе-кхе — словно кто-то пытался срубить дерево не топором, а ножом. Пассажиры как по команде

---

[3] Примечания: 3

Разновидность хоккея на траве, распространенная в Ирландии и ряде англоязычных стран.

отстранились от кашляющих. Этот странный негромкий звук мог возвестить о начале гриппа, а мог быть невинным симптомом длительного периода выздоровления; кашель мог быть проявлением безобидной простуды или всего лишь нервным тиком, который, подобно зевоте, возникает сразу же, как только о нем вспомнишь. Но весь город был склонен предполагать худшее, что неудивительно.

Перед конторой гробовщика стояли три катафалка в ряд, в первый уже была впряжена лошадь для первой сегодня погребальной процессии. По переулку топали двое мужчин в фартуках, неся на плечах длинные доски, — для новых гробов, догадалась я.

Теперь, после рассвета, уличные фонари совсем потускнели. Наш трамвай прогрохотал мимо моторного омнибуса, скособочившегося под тяжестью пассажиров. Я увидела, как двое мужчин бьют башмаками по задней оси. Человек десять-двенадцать в траурных одеяниях уже сидели на скамейках впритык друг к другу, словно их упрямая решимость могла им помочь вовремя попасть на отпевание. Но женщина-водитель в полном отчаянии прижала лоб к рулевому колесу.

Сидевший справа мужчина направил маленький фонарик на газетную страницу, ткнув меня при этом в локоть. Я больше не покупала газет из боязни огорчить Тима. Иногда я приносила в дом книги, но вот уже неделю как библиотека потребовала вернуть все взятые книги и закрылась на карантин.

Вверху газетной полосы я заметила дату и вспомнила, что сегодня Хеллоуин. На странице рекламировались горячий лимонад, страхование жизни и «Синнаминт, бактерицидные таблетки для горла». Рядом с маленькими рекламными блоками подверстали многочисленные благодарственные объявления: «Искренняя благодарность Церкви Пресвятого Сердца и Душ Праведных за выздоровление нашей семьи». Мужчина перевернул страницу, но следующие две полосы были без текста — просто квадраты грязно-белого цвета. Он раздраженно крякнул.

Наш сосед по лавке подал голос:

— Перебои в электроснабжении. Типография, должно быть, решила поэкономить энергию.

Женщина позади нас заметила:

— И правильно, газовщики уж как стараются, чтобы все работало без сбоев, даром что у них персонал уполовинился.

Мой сосед обратился к последней странице. Я старалась не обращать внимания на заголовки, освещаемые пляшущим лучом его фонарика: «Мятеж на флоте против кайзера: дипломатические переговоры на высшем уровне». Люди надеялись, что Центральные державы не смогут долго противостоять коалиции союзников[4]. Но это твердили уже много лет.

Половина этих новостей — выдумка, напомнила я себе. Их искажают, чтобы поднять моральный дух или, во всяком случае, подвергают цензуре, чтобы не допустить его дальнейшего падения. Например, ирландские газеты перестали публиковать список почета — имена солдат, павших на разных театрах войны. Тех, кто записался в армию ради короля и империи, или во имя правого дела по защите малых народов, или, может быть, из желания найти денежную работу, или в поисках приключений, или — как мой брат — только потому, что на фронт записался его лучший друг. Я регулярно изучала новые списки почета, ища там Тима, почти все те три года, что он был на

[4] Примечания: 4

Союзники в Первой мировой войне — общее название членов коалиции стран (Англия, Франция, Россия, Италия, Греция и др.), находившихся в состоянии войны с блоком Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и др.).

фронте и присылал мне письма из разных мест (Галлиполи, Салоники, Палестина: от этих географических названий у меня до сих пор кровь стыла в жилах). Каждую неделю колонки имен отгрызали дюйм за дюймом площадь газетной страницы, удлиняясь под заголовками, звучавшими словно названия партий макабрической салонной игры: «Без вести пропавшие», «Попавшие во вражеский плен», «Раненые», «Раненые-контуженые», «Умершие от ран» и «Погибшие в бою». Изредка появлялись фотографии. Иногда указывались особые приметы, иногда родственников просили предоставить дополнительную информацию. Но с прошлого года потери оказались слишком велики, а газетной площади было мало, поэтому приняли решение, что с определенной даты публикация имен производилась только по запросу тех, кто готов был за это платить, скажем, по три пенни еженедельно.

На газетной странице я заметила только один заголовок, касающийся эпидемии, — в самом низу справа: «Рост числа сообщений об инфлюэнце». Просто шедевр замалчивания. Как будто речь шла о том, что растет только количество сообщений об эпидемии, или, возможно, что эпидемия — всего лишь плод коллективного

помешательства. Интересно, подумала я, выбор такого заголовка — это личное решение владельца газеты принизить значение опасности или он получил приказ сверху?

Впереди на фоне бледного неба высился величественный силуэт старомодного здания госпиталя. У меня свело живот. От радостного возбуждения или от нервозности? В последнее время трудно было отличить одно от другого. Я с усилием протиснулась к лесенке, и сила гравитации помогла мне преодолеть ведущие вниз ступени.

Стоявший на нижней площадке мужчина шумно откашлялся и харкнул на пол. Люди вокруг него отшатнулись, торопливо отодвигая от плевка башмаки и полы платьев.

Женский вопль:

— Вы бы еще стрелять по нам начали!

Сойдя с трамвая, я заметила аршинные буквы новых официальных заявлений на расклеенных повсюду плакатах:

НОВЫЙ ВРАГ В НАШИХ РЯДАХ: ПАНИКА
ОБЩЕЕ ОСЛАБЛЕНИЕ СИЛЫ ДУХА, ИЗВЕСТНОЕ КАК УСТАЛОСТЬ ОТ ВОЙНЫ, РАЗВЯЗАЛО ЭТУ ИНФЕКЦИЮ.
ПОРАЖЕНЦЫ – ПОСОБНИКИ БОЛЕЗНИ.

Похоже, власти пытались нас взбодрить, как всегда, несколько истерически, но мне показалось несправедливым, что больных обвиняют в пораженчестве.

Над больничными воротами, отражая последние отблески уличных фонарей, сияли позолоченные чугунные буквы: Vita gloriosa vita. Жизнь, славная жизнь.

Помню, как в первый день работы — мне тогда было двадцать один год, — прочитав этот девиз, я буквально покрылась мурашками. Отец все три года оплачивал мою учебу в сестринском училище, после которого меня направили сюда работать медсестрой отделения три дня в неделю, и именно в этом внушительном четырехэтажном здании — мрачной, но по-своему красивой викторианской постройки — я обучилась всем премудростям профессии.

Жизнь, славная жизнь. Только теперь я заметила, что засечки на буквах почернели от сажи.

Я пересекла двор следом за двумя монахинями в белых чепцах и с ними вошла в здание. Говорят, из монахинь получаются самые усердные и самоотверженные медицинские сестры. И за все годы работы здесь рядом с ними я, естественно, чувствовала себя далеко не лучшей из лучших. Как

совершенно справедливо считалось, эта больница — как почти все больницы, школы и сиротские дома в Ирландии, — хотя и финансировалась правительством, не могла бы существовать без помощи сестер-монахинь. Хотя практически весь наш персонал принадлежал к римско-католической церкви, двери больницы были открыты для любого жителя столицы, который нуждался в медицинской помощи (правда, большинство протестантов были достаточно зажиточны, чтобы отправиться на лечение куда угодно).

По-хорошему, сейчас мне положено находиться в деревне. У меня накопилось три дня отгулов, и я договорилась с отцом, что приеду к нему на ферму немного отдохнуть и подышать свежим воздухом, но в последний момент пришлось известить его телеграммой, что в отпуске мне отказано. Меня некем было заменить, поскольку многие сестры — включая главную медсестру — пали жертвой гриппа.

Строго говоря, ферма принадлежала отцу и его нынешней жене. Мы с Тимом вполне благодушно относились к мачехе — а она к нам. Хотя своих детей у нее не было, она всегда держалась с нами довольно отчужденно, да и мы с ней тоже. Зато теперь, когда мы выросли и жили в Дублине

самостоятельно, у нее не имелось поводов на нас обижаться. Вообще-то, медсестрам платили ужасно мало, но мы с Тимом умудрились снять небольшой домик, в основном благодаря его военной пенсии.

Но сейчас меня переполняла тревога. Эйлин Дивайн, Айта Нунен, Делия Гарретт — как мои пациентки обходились без меня?

В последнее время внутри больницы было куда прохладнее, чем снаружи; лампы светили тускло, печи скудно подкармливались углем. Каждую неделю поступали новые гриппозные больные, в палаты постоянно втаскивали новые койки. Царивший в больнице строгий порядок, который удавалось поддерживать на протяжении всех четырех лет военной неразберихи и вечной нехватки всего, даже в течение шести дней Восстания, с постоянной стрельбой на улицах и атмосферой хаоса, под бременем нынешней эпидемии стал медленно рушиться. Заболевшие сотрудники исчезали, как пешки с шахматной доски. Оставшиеся старались вовсю, работали еще усерднее, еще быстрее, взваливая на себя куда больше забот, чем могли выдержать, но наших усилий все равно не хватало. Инфлюэнца стала неустранимой помехой в работе, отчего

исправный механизм то и дело глох.

Причем не только в больнице, напомнила я себе, но и во всем Дублине. Во всей стране. И, насколько я могла судить, во всем мире. На разных континентах, как я предполагала, на сотнях языков повсюду появлялись плакаты, призывавшие людей при кашле прикрывать рот ладонью. Ситуация у нас была ничуть не хуже, чем в других странах, и жалеть себя было так же бесполезно, как паниковать.

Войдя в здание, я что-то нигде не заметила нашего привратника и понадеялась, что он не заболел. Только приходящая уборщица поливала карболкой мраморный пол под статуей Пресвятой Девы в голубом одеянии.

Я миновала приемный покой и направилась к лестнице, ведущей наверх к родильному отделению и инфекционному стационару. Под белой маской я узнала младшую сестру; от косынки на голове до подола платья она была покрыта кровавыми брызгами, словно побывала на скотобойне. Привычные стандарты и впрямь расшатывались.

— Медсестра Кавана, вы из хирургии?

Она мотнула головой и возбужденно ответила:

— Сейчас иду туда, медсестра Пауэр. Меня по-

просили осмотреть мужчину, который упал на улице. Лицо побагровело, вцепился обеими руками в воротник…

Я похлопала младшую медсестру ладонью по руке, чтобы ее успокоить.

Судорожно сглатывая, она продолжила рассказ:

— Я попыталась усадить его на брусчатку и расстегнуть крючки на воротнике, чтобы он смог дышать…

— Очень хорошо.

— …а он вдруг резко закашлялся и…

Медсестра Кавана растопырила липкие пальцы и указала на свою грудь, всю в свежих пятнах крови.

Я учуяла резкий металлический запах.

— О боже! Его уже оформили к нам?

Но, проследив за ее взглядом, я заметила накрытые простыней носилки на полу и поняла, что оформлять уже поздно, мы ничем не могли ему помочь. Кто бы ни вынес носилки на улицу и помог медсестре Кавана доставить несчастного в больницу, его уже и след простыл.

Я присела на корточки и, сунув руку под простыню, дотронулась до горла мужчины, чтобы нащупать пульс. Ничего.

Какая жуткая болезнь. Некоторые заболевшие сражались с ней месяцами, а она коварно забиралась в их организм, принимая обличье пневмонии — осложнения после гриппа, — и бой приходилось вести буквально за каждый дюйм тела. А другие капитулировали в считаные часы. Был ли этот бедняга упрямцем, который стоически противился боли, лихорадке и кашлю, покуда вдруг посреди улицы не обнаружил, что не в силах ни идти, ни говорить, и только и смог извергнуть фонтан живой крови на медсестру Кавана? Или, быть может, еще сегодня утром он прекрасно себя чувствовал, в то время как внутри его набрякала смертельная буря?

Третьего дня водитель кареты «Скорой помощи» рассказал мне ужасную историю: они с бригадой санитаров поехали по телефонному вызову: позвонила молодая женщина, которая сообщила, что сама в полном здравии, но одна из ее соседок по квартире вроде бы заболела, и две другие тоже неважно себя чувствуют… Когда же карета прибыла по нужному адресу, они обнаружили там четыре трупа.

Я поняла, что сестра Кавана не рискнула оставить без присмотра носилки перед приемным покоем и сбегать за подмогой, потому что кто-то

мог случайно споткнуться о труп. Я вспомнила, как сама была младшей медсестрой: меня тоже охватывал парализующий страх, что, следуя одному правилу, я нарушу другое.

— Я найду санитаров, и они отнесут его в морг, — пообещала я ей. — Идите выпейте чаю.

Сестра Кавана с трудом кивнула.

— А вам разве не надо носить маску? — поинтересовалась она.

— В прошлом месяце я переболела гриппом.

— Я тоже, но…

— Ну и хорошо… (Я старалась говорить с ней добродушно, не раздраженно). Им же нельзя заразиться дважды.

Медсестра Кавана только моргала, словно кролик на рельсах, застывший от ужаса перед приближающимся поездом.

Я пошла по коридору и сунула голову в комнату санитаров.

Группка курильщиков в мятых круглых шапочках и в белых куртках, смахивающих на мясников. Почуяв табачный аромат, я сразу мечтательно вспомнила о «Вудбайне»[5] (главная медсестра отучила всех наших от дурной при-

---

[5] Примечания: 5

Дешевая марка сигарет без фильтра, популярная среди британских солдат начала XX века.

вычки, но иногда я позволяла себе эту слабость).

— Прошу прощения, в приемном покое находится труп.

Один из санитаров с металлической накладкой в пол-лица слюняво фыркнул:

— Ошибся дверью, а?

Фамилия этого санитара была Николс, или «безносый Николс» (жуткое прозвище, но подобные словесные трюки помогали мне запоминать имена). Блестящая тонкая медная маска, скрывавшая отсутствие у него носа и левой щеки, неприятно напоминала настоящее лицо и даже имела голубоватый оттенок, как у свежевыбритой кожи, а под носом были приклеены усы из настоящих волос.

Рядом с ним сидел человек с дрожащими руками. О'Шей — кличка трясун О'Шей.

Третий санитар — по фамилии Гройн — вздохнул:

— Еще одной душой на том свете больше!

Все трое служили на фронте санитарами. Говорили, они записались в армию вместе, но разница заключалась в том, что О'Шея и Николса отправили на передовую, где нехватка санитарного инвентаря была настолько острой, что когда у санитаров заканчивались носилки, им приходи-

лось выносить раненых с помощью подручных средств — на шинелях или на мотках проволоки, а вот Гройну повезло попасть в тыловой госпиталь, и он даже ни разу не слышал пушечного выстрела. И приехал с фронта без единой царапины, целехонький, как письмо, вернувшееся к отправителю. Но они все равно остались друзьями, и из всей троицы Гройна я, хоть режь меня, терпеть не могла.

— Мы будем его звать Анонимным поступившим, — издевательски произнес Гройн. — Скрывшимся за занавесом. Примкнувшим к большинству.

У этого человека был неисчерпаемый запас остроумных эвфемизмов для великого уравнителя — смерти. «Отбросила коньки», говорил Гройн об умершей пациентке, или «откинула тапочки», или «ушла считать червей».

Еще он воображал себя певцом.

— Пока, милок, прощай! — заунывно затянул он. — Прощай и будь здоров!

Николс гнусаво подхватил вторую строчку:

— Смахни слезу, дружок ты мой…

Я стиснула зубы. Несмотря на то что у всех нас за плечами были многие годы обучения — у меня имелись диплом по теории, полученный в учи-

лище, и еще один по практической госпитальной работе, и третий по узкой специальности, — эти мужчины обожали говорить с нами свысока, как будто мы, женщины, слабый пол, нуждались в их помощи. Но вежливость всегда окупалась, поэтому я спокойно попросила:

— Когда у вас выдастся свободная минутка, вы не могли бы вдвоем отнести анонимного пациента вниз?

— Все, что пожелаете, медсестра Пауэр, — отозвался О'Шей.

Гройн нагнулся к переполненной медной пепельнице, затушил в ней недокуренную сигарету и припрятал в карман, чтобы докурить потом. При этом он напевал:

Не плачь, не вздыхай до утра.
Нет худа, милок, без добра.
Прости-прощай, браток,
Бывай и будь здоров, дружок!

— Благодарю вас, джентльмены!

Направляясь к лестнице, я почувствовала легкое головокружение. Сегодня у меня во рту не было ни маковой росинки.

Спустившись в подвальный этаж, я пошла не сразу в морг, а во временную столовую, которую

устроили в больничной кухне. Нашу столовую в цокольном этаже переоборудовали в отделение для больных гриппом, поэтому теперь еду для персонала подавали в квадратном помещении без окон, где пахло мебельным лаком и овсянкой и еще витал запах тревоги.

Нас, врачей и медсестер, еще державшихся на ногах и выходивших на смену, осталось так мало, что очередь в столовой была довольно короткой. Люди стояли у стен и жадно поглощали массу яичного цвета с чем-то, похожим на сосиски. Я заметила, что примерно половина носила маски: те, кто еще не переболел гриппом или (как медсестра Кавана, предположила я) опасались лишать себя ощущения безопасности, которое давали им тонкие полоски марли.

— Двадцать часов работы и всего четыре часа сна! — раздался за моей спиной девчачий возглас.

Я ее узнала: это была практикантка нынешнего года, которой казалось в новинку работать в отделении полную смену: молоденьким практикантам недоставало нашей выносливости.

— Новых пациентов теперь кладут в коридорах, — недовольно пробурчал врач. — По-моему, это очень негигиенично.

— По мне, лучше уж так, чем их отфутболивать, — заметил его коллега.

Оглядевшись, я поразилась, до чего тут собралась разношерстная компания. Некоторые врачи были явно преклонного возраста, но и они требовались в больнице, по крайней мере до конца войны, чтобы подменить молодых докторов, отправившихся на фронт. Я видела врачей и сестер, побывавших на фронте и получивших ранения, но недостаточно серьезные для полноценной военной пенсии, так что они снова вернулись в больницу, несмотря на заработанные шрамы, хромоту, астму, мигрень, колиты, малярию или туберкулез. В детской хирургии, как я слышала, работала медсестра, которую одолевал хронический страх насекомых, якобы ползающих по ее телу.

Я уже была второй от начала очереди. В животе заурчало.

— Джулия!

Ко мне сквозь толпу возле стола с едой протиснулась Глэдис Хорган, я ей улыбнулась. Мы подружились на курсах почти десять лет назад, но с тех пор, как я стала работать акушеркой, а она — в отделении офтальмологии и отоларингологии, виделись довольно редко. Некоторые

выпускницы нашего училища потом устроились в частные клиники или в дома инвалидов, и с учетом вышедших замуж, или тех, у кого болели ноги или случился нервный срыв, из нашей группы остались немногие. Глэдис жила при больнице вместе с небольшой группой медсестер, а я вместе с Тимом, и это тоже немало способствовало тому, что жизнь нас развела: едва у меня заканчивалась смена, я мчалась домой позаботиться о брате.

— Разве ты не должна быть в отпуске? — нахмурилась Глэдис.

— В последний момент все отменилось.

— Кто бы сомневался! Ну, держи хвост трубой!

— Ты тоже, Глэдис!

— Надо бежать, — сказала она. — О, тут растворимый кофе!

Я скорчила гримасу.

— Ты его пробовала?

— Один раз. Для разнообразия. Та еще гадость!

— Ну хоть взбодриться…

Глэдис залпом выпила кофе, облизала губы и поставила пустую чашку на стол с грязной посудой.

Мне хотелось с кем-то поболтать, поэтому я взяла себе стакан водянистого какао и ломтик

хлеба из муки грубого помола; каждый день хлеб был темный, варьировалась только мука — ячменная, овсяная или ржаная, — кроме того, в него подмешивали всякую всячину: сою, бобы, саго и даже, всем на потеху, древесные опилки.

Поднимаясь по лестнице, я, чтобы восполнить время, потраченное на разговор с санитарами, которых попросила перенести анонимного мертвеца в морг, на ходу жевала хлеб и пила какао. Главная медсестра (в тот момент она лежала наверху, в женском инфекционном отделении) была бы до глубины души возмущена моими вульгарными манерами. Но сейчас везде, как выразился бы Тим, если бы мог хоть что-то сказать, была полная жопа.

Я и не заметила, как окончательно рассвело: лучи позднего октябрьского солнца били в выходящие на восток окна.

Сунув в рот последний кусочек хлеба, я вошла в дверь, на которой висела бумажка с рукописной надписью: «Родильное/Инфекционное отделение». Это было никакое не отделение, а просто кладовая, переоборудованная в палату в прошлом месяце, когда нашему руководству стало ясно не только, что пугающими темпами росло число рожениц, заболевавших гриппом, но и что

этот грипп представлял особую опасность и для них, и для младенцев.

Старшая медсестра в отделении была, как и я, непрофессиональной медсестрой, более того, она была моим наставником, когда я получала диплом по акушерскому делу: сестра-монахиня Финниган. И мне было лестно, когда на прошлой неделе она выбрала себе в ассистентки для работы в этой крошечной палате именно меня. Поступающие гриппозные роженицы на поздней стадии беременности направлялись сразу сюда, а из родильного отделения на втором этаже к нам переводили пациенток с высокой температурой, болями или кашлем. У нас еще ни разу никто не рожал, и сестра Финниган считала это Божьей милостью, поскольку наше примитивное оборудование не позволяло принимать роды. Я накрепко запомнила строчку из нашего учебника: женщине с ребенком «важно создать окружающую обстановку, способствующую полной безмятежности». Что ж, наша палата-времянка скорее могла вызвать раздражение: помещение было тесное, на тумбочках около кроватей стояли лампы на батарейках вместо обычных электрических ночников, у нас имелись раковина и окно, но не было камина, поэтому,

чтобы пациентки не мерзли, их приходилось укутывать в одеяла.

Вначале здесь стояли две железные койки, но на прошлой неделе нам удалось втиснуть между ними и третью — чтобы принять Эйлин Дивайн. Едва войдя в палату, я сразу посмотрела на нее, лежавшую на центральной койке, между Айтой Нунен, похрапывавшей слева, и Делией Гарретт справа: Делия в халате, закутанная в одеяло, с шарфом, обмотанным вокруг шеи, читала журнал. Но средняя койка пустовала и была застелена чистым бельем.

Кусок хлеба колом встал у меня в глотке.

— Торговка ведь была слишком больна, чтобы ее выписали? — Не опуская журнала, Делия Гарретт злобно посмотрела на меня.

Ночная сиделка поднялась со стула.

— Медсестра Пауэр!

Сестра Люк.

Работу в родильных отделениях церковь считала неприличной для монахинь, но, учитывая нехватку акушерок, главной медсестре удалось убедить монашеский орден направить сестру Люк (опытную сиделку) в родильное/инфекционное отделение. *Временно*, как все говорили.

Мне не хватило духу произнести вслух имя

Эйлин Дивайн. Я допила какао, которое теперь горчило, как желчь, и ополоснула чашку под краном.

— Сестра Финниган еще не приходила?

Монахиня указала пальцем на потолок.

— Вызвали в родильное.

Это прозвучало, как один из веселых эвфемизмов, которыми Гройн заменял слово «смерть».

Сестра Люк поправила эластичную ленту повязки на глазу — и напомнила мне марионетку, дергающую за собственные ниточки. Как и многие монахини, она добровольно пошла на фронт, и после того как ей взрывом шрапнели выбило глаз, вернулась домой. Между белым платком-покрывалом и белой маской виднелся лишь участок кожи — островок вокруг уцелевшего глаза.

Сестра подошла ко мне и, кивнув на пустую кровать, тихо произнесла:

— Бедная миссис Дивайн впала в кому около двух часов ночи и в половине шестого испустила дух, requiescat in pace[6].

И торопливо осенила крестным знамением свой белоснежный нагрудник.

При мысли о несчастной Эйлин Дивайн мое

---

[6] Примечания: 6
Да упокоится с миром *(лат.)*.

сердце сжалось. Костлявая дурачила всех нас. Так в тех краях, где я выросла, мы, дети, называли смерть: костлявая, всадница-скелет, которая, держа ухмыляющийся череп под мышкой, объезжала один за другим дома своих жертв.

Я, ни слова не говоря, повесила плащ с пелериной и заменила вымокшую под дождем соломенную шляпку на белый чепец. Потом вынула из саквояжа фартук и, расправив его руками, надела поверх зеленого форменного платья.

Тут Делия Гарретт выпалила:

— Я проснулась и увидела, как мужчины ее уносят, накрыв ей голову простыней!

Я подошла к ее кровати.

— Это очень печально, миссис Гарретт, но грипп глубоко засел у нее в легких и в конце концов заставил сердце остановиться.

Делия Гарретт, содрогнувшись, шмыгнула носом и отбросила со лба мягкий локон.

— Мне вообще не нужно было ложиться в больницу. Мой доктор сказал, что у меня легкая форма.

С тех пор как она прибыла к нам вчера из протестантского родильного дома, опекаемого ее

достославной Церковью Ирландии[7], где двух сиделок-акушерок разом свалил грипп, Делия Гарретт постоянно повторяла эту фразу. Она появилась у нас в шляпке с лентами и в перчатках, а не в стареньком платке, как большинство наших пациенток; это была двадцатилетняя особа с южнодублинским аристократическим говором, вся из себя шикарная.

Сестра Люк стянула за рукава свой плащ-макинтош, потом сняла с крючка широченную черную пелерину.

— Ночь прошла для миссис Гарретт благоприятно, — сообщила она мне.

— Благоприятно! — Услышав это слово, Делия Гарретт прикрыла рот тыльной стороной ладони и закашлялась. — На этой убогой бугристой жесткой кровати в комнате, где справа и слева люди *мрут*?

— Сестра лишь имеет в виду, что симптомы гриппа у вас не ухудшились.

Я сунула термометр в нагрудный кармашек, где лежали серебряные часы на цепочке. Потом проверила пояс и пуговицы. Все пряжки и застежки должны были находиться сбоку, чтобы не

---

[7] Примечания: 7
Крупнейшая протестантская церковь в Ирландии.

поцарапать пациентку.

— Так отправьте меня сегодня же домой, зачем тут держать?

Монахиня предупредила меня, что пульсовое давление — симптом высокого артериального давления — у пациентки все еще высокое.

Мы с сестрой Финниган не могли решить, связано ли с гриппом повышенное давление Делии Гарретт, вообще-то типичное после пятого месяца беременности. Какой бы ни была причина гипертензии пациентки, единственным лечением для нее оставались покой и отдых.

— Сочувствую, миссис Гарретт, но ради вашего же блага нам следует за вами наблюдать, пока вам не станет лучше.

Я мыла руки над раковиной, почти наслаждаясь едкостью карболового мыла. Если бы мне не было больно, я бы не поверила, что это и впрямь мыло с карболкой.

Мое внимание привлекла спавшая на левой кровати.

— А как состояние миссис Нунен, сестра?

— Без изменений.

Монахиня хотела сказать: по-прежнему общается с феями. Со вчерашнего дня Айта Нунен пребывала в бреду, она бы и папу римского не

заметила, если бы тот приехал из Ватикана ее навестить. Одно хорошо: ее беспамятство носило спокойный характер, а не вылилось в горячечный бред, в котором страдалицы могли буйствовать, драться или плеваться.

— Я ей сделала припарку, — добавила сестра, — как раз перед тем, как она впала в забытье, нужно будет сменить в одиннадцать часов.

Я кивнула. Суета с приготовлением горячего влажного компресса с льняным семенем, который больным клали на грудь, была моим проклятием. Старые медсестры свято верили в целительную силу льняных припарок, а я считала, что эти компрессы ничуть не действеннее обычной бутылки с горячей водой.

— Когда придет сестра Финниган?

— Боюсь, сегодня вам придется положиться только на себя, сестра Пауэр. — Сиделка указала пальцем на потолок. — Сегодня сестра Финниган — за главную в родильном отделении: там сразу четыре роженицы на сносях, а из персонала остался один доктор Прендергаст.

Врачи в больнице были такой же редкостью, как четырехлистный клевер. Пятеро наших врачей ушли на фронт и сейчас служили в Бельгии или во Франции, один (его арестовали за участие

в Восстании) все еще сидел в тюрьме Белфаста, а шестеро болели инфлюэнцей.

У меня от волнения пересохло во рту.

— То есть я сегодня за старшую медсестру по отделению?

Сестра Люк едва заметно пожала плечами. Мол, это тот случай, когда *нас лучше не спрашивать почему.*

Руководство вольно принимать неумные решения — это хотела сказать монахиня? Или мне не стоит жаловаться на новые обязанности, возложенные на мои плечи?

— Медсестра Джоган тоже выбыла из строя, — добавила она.

Я вздохнула. Мари-Луиза Джоган могла бы мне помочь, она была квалифицированной сиделкой, хотя имела мало опыта в акушерстве; в условиях нынешней острой ситуации ей позволили получить сертификат медсестры раньше срока.

— Полагаю, мне дадут в помощь младшую сестру или хотя бы практикантку?

— Полагаю, никого не дадут, медсестра Пауэр.

Монахиня расправила головной плат и застегнула черную пелерину на шее. Она была готова меня покинуть.

— Ну, хотя бы волонтерку? Помощницу?

— Переговорю с руководством, посмотрим, чем можно вам помочь.

Я через силу поблагодарила ночную сиделку.

Едва за ней закрылась дверь, как я засучила рукава, хотя в палате было прохладно. Все под мою ответственность, подумала я. Хочешь не хочешь, а надо взять себя в руки. Нет смысла ныть.

Первым делом — больше света. Я подошла к небольшому окну и раскрыла зеленые жалюзи. Высоко над дублинским портом заметила дирижабль, выслеживавший германские подводные лодки.

Меня учили, что каждому пациенту требуется пространство объемом в тысячу кубических футов или площадью десять на десять футов на каждую кровать. В этой импровизированной палате каждой пациентке отводилась площадь скорее десять на три фута. Крутя рукоятку фрамуги, я приоткрыла ее сверху, чтобы впустить в помещение больше воздуха. Делия Гарретт капризно заметила:

— Тут и так все время сквозняк!

— Вентиляция в палате необходима для скорейшего выздоровления, миссис Гарретт. Хотите, я принесу вам еще одеяло?

— Не беспокойтесь! — И она уткнулась в свой

журнал.

Заправленная койка между ней и Айтой Нунен смотрелась немым укором: как могила на моем пути. Мне вспомнилось осунувшееся лицо Эйлин Дивайн, которая держала свои вставные зубы в стакане на тумбочке (каждый рожденный ребенок, похоже, стоил любой жительнице большого города пригоршни зубов). Еще я вспомнила, с каким наслаждением она принимала горячую ванну, которую я ей устроила третьего дня, — первую в жизни, призналась она мне шепотом. *Роскошь!*

Мне захотелось выкатить ее опустевшую койку в коридор, чтобы в палате было побольше свободного места, да только там на нее все время будут натыкаться. К тому же я не сомневалась, что очень скоро сюда поступит очередная беременная с гриппом.

Медицинскую карту Эйлин Дивайн, висевшую за ее кроватью на стене, уже сняли и, вероятно, отправили в угловой шкаф, в папку «31 октября» (мы архивировали истории болезней по дате выписки, которая иногда соответствовала дате смерти). Если бы мне пришлось писать заключение намеренно бисерным почерком, чтобы уместить запись под текстом на лицевой и обо-

ротной сторонах листа, я бы сформулировала так: «Крайне истощена». В свои двадцать четыре года мать пятерых детей, страдавшая хроническим недоеданием представительница хронически недоедавших поколений, бледная как полотно, с красными кругами вокруг глаз, плоскогрудая, с плоскостопием, с тонкими, как тростиночки, ногами и руками, на которых как голубые паутинки проступали вены. Эйлин Дивайн всю свою сознательную жизнь будто шла по краю обрыва, и инфлюэнца просто столкнула ее вниз.

Вечно на ногах, не зная отдыха, эти дублинские мамаши, хлопочущие по дому и занятые стряпней для своих *мистеров* и *спиногрызов*, питающиеся объедками и литрами поглощающие слабый чай. Мне казалось, что условия их жизни в трущобах следовало бы отражать в историях болезни, как частоту пульса и дыхания, но в этих документах допускались лишь медицинские показатели. Поэтому вместо слова «нищета» я писала «недостаточное питание» или «истощение».

Чтобы зашифровать формулировку «слишком часто рожавшая», я могла написать «анемия, сердечное перенапряжение, болезнь спины, хрупкость костей, варикозное расширение вен, подавленность, недержание мочи, свищ, разрыв

шейки матки, или пролапс матки». От нескольких пациенток я слышала присловье, от которого у меня кровь стыла в жилах: «Если не родишь двенадцать детей, значит, мужа не любишь». В других странах, как мне рассказывали, женщины, забеременев, прибегали к тайным способам, которые в Ирландии не только считались противозаконными, но даже не упоминались вслух.

Сосредоточься, Джулия!

И чтобы напугать себя, я мысленно произнесла: «Исполняющая обязанности старшей медсестры по отделению».

Ну что ж, сейчас мне нужно было сконцентрироваться на живых. Обход всегда начинался с осмотра наиболее тяжелых больных. Поэтому я обогнула смахивавшую на скелет пустую койку Эйлин Дивайн и сняла медкарту со стены слева.

— Доброе утро, миссис Нунен.

Мать семерых детей даже не шевельнулась. Сегодня шел шестой день с тех пор, как Айту Нунен перевели к нам, и хотя ее не мучил характерный для гриппа кашель, температура держалась высокая, а голова, спина и суставы болели так, словно ее переехал автобус. Так она выразилась, когда еще могла связно говорить.

Айта Нунен подробно рассказала нам о своей

работе на оружейном заводе, где она закладывала в снаряды тринитротолуол, — от этого у нее пожелтели пальцы. Она собиралась вернуться на завод после того, как переболеет гриппом, несмотря даже на, как она с усмешкой заметила, свою увечную ногу (ее правая нога после последних родов раздулась и была вдвое толще левой; опухшая и холодная, с сухой и белой как мел кожей нога не сгибалась; Айте Нунен нельзя было на нее опираться, и вообще распухшую ногу следовало держать на весу, но как это сделаешь в течение рабочего дня?). Она собиралась вернуться на оружейный завод в январе, после выписки — ради хорошей зарплаты и бесплатной еды, — и надеялась, что ее дочка будет приводить туда своего малыша, чтобы поесть. Мистер Нунен сидел без работы с самого локаута, когда хозяева разгромили рабочий профсоюз. Он попытался записаться в армию, но ему дали от ворот поворот из-за грыжи (хотя его приятелю с сухой рукой удалось-таки пройти призывную комиссию и отправиться на передовую), и теперь он зарабатывал игрой на шарманке для прохожих. Айта Нунен беспокоилась о детях, оставшихся дома: мужей в отделение не допускали из-за эпидемии, а ее благоверный был не большой любитель

писать письма. Она была кладезем сплетен и шуток и, кстати, твердых убеждений; возмущалась восстанием шестнадцатого года и поведала, что ее заводская бригада — все девчонки были верны его величеству — ни дня не прохлаждалась и снарядила в ту неделю восемьсот снарядов.

Но вчера у Айты Нунен появились хрипы, подскочила температура, и сознание поплыло. Несмотря на большие дозы аспирина, ночью, насколько я могла судить по температурному графику, у нее было два скачка жара — до 39,8° и 40,5°.

Я попыталась поставить Айте Нунен термометр под язык, не будя, но она очнулась, и я выдернула термометр изо рта, прежде чем она разгрызла стекло оставшимися зубами. Такую оплошность хотя бы раз допускала любая медсестра, чей пациент потом долго выплевывал осколки стекла и шарики ртути.

Женщина, моргая голубыми глазами, огляделась вокруг, словно впервые увидела палату, и поежилась, пытаясь освободиться от жгутов, которыми была прикреплена припарка к ее груди. Платок сполз с ее головы, обнажив коротко стриженные волосы, топорщившиеся, как иголки у ежа.

— Я медсестра Пауэр, миссис Нунен. Смотрю, вам сделали стрижку.

— Сестра Люк сложила ее волосы в бумажный пакет, — пробормотала Делия Гарретт.

Некоторые пожилые сестры считали, что стрижка помогает сбить температуру, волосы, мол, все равно потом отрастут, а вот если у гриппозной больной волосы сами выпадут, то потом не вырастут вовсе. Это конечно, предрассудок, но я сочла за лучшее не спорить на этот счет с ночной сиделкой.

Делия Гарретт дотронулась кончиками пальцев до своих ухоженных волос.

— Если бедняжка в конце концов станет лысой, как яйцо, наверное, ей можно будет смастерить парик из собственных волос.

— Позвольте мне измерить вам температуру, миссис Нунен.

Я распустила шейную тесемку на ее ночной рубашке. Термометр под мышкой надо было держать две минуты, а не одну, и показывал он на один градус меньше, но зато отсутствовал риск, что пациент разгрызет стекло. На шее Айты Нунен я заметила цепочку с крошечным распятием — крестик был не больше фаланги моего пальца. Многие люди видели в священных символах та-

лисманы, отпугивающие зло. Я сунула термометр в ее горячую потную подмышку.

— Ну вот и славно.

Айта Нунен выпалила невпопад:

— Бекон в нарезку!

— Правильно.

Я никогда не вступала в пререкания с бредящими пациентами.

Может быть, проголодавшись, она мечтала о завтраке? Хотя в ее состоянии это вряд ли: у больных инфлюэнцей пропадал аппетит. Тощая в свои тридцать три года, бледная — только щеки горят. Живот торчал твердым холмиком. В истории болезни Айты Нунен значилось: «одиннадцать родов, семь выживших новорожденных», — и двенадцатые роды ожидались не ранее чем через два с половиной месяца (поскольку она не сообщила, когда забеременела или почувствовала первое шевеление плода, сестре Финниган пришлось наобум назначить дату родов, основываясь на высоте матки).

В мои обязанности не входило излечить Айту Нунен от всех ее недугов, напомнила я себе, мне нужно было лишь помочь ей безопасно пережить нынешний кризис, вернуть, так сказать, ее лодку в привычный поток почти сносной, как мне

представлялось, жизни.

Я прижала два пальца правой руки к впадине между связкой и костью ее запястья, а левой рукой вынула из кармашка тяжелые круглые часы. За пятнадцать секунд я насчитала двадцать три удара и умножила их на четыре. Пульс: 95, чуть выше верхней границы нормы. Записала данные крошечными циферками и буквами в ее карту (в военное время нам вменялось экономить бумагу). Пульс был *регулярно неровный*, что характерно для больных с повышенной температурой. *Давление: в норме*. Уже хорошо.

Когда я вынимала термометр из подмышки Айты Нунен, он прилип к ее дряблой коже. Ртутный столбик стоял у отметки 38,3°, что соответствовало 38,9° при пероральном измерении: тревожиться не стоит, но утренние показатели всегда ниже дневных, и температура наверняка будет повышаться в течение дня. Карандашом внесла данные в ее температурный график. Многие болезни протекают по характерному циклу: заражение, инкубационный период, первые симптомы с повышенной температурой, снижение температуры, выздоровление: этот график похож на гору.

Айта Нунен пустилась откровенничать. Тяжело

сопя, она забормотала своим простонародным говорком:

— В гардеробе, с кардиналом!

— Угу. Успокойтесь! Мы обо всем позаботимся.

Я сказала *мы*? И вспомнила, что сегодня я тут совсем одна.

Сморщенная грудь Айты Нунен напряженно вздымалась и опадала, ее груди казались двумя иссохшими плодами, гниющими на чахлых ветках под порывами ветра. Шесть вздохов за пятнадцать секунд. Умножив на четыре, я записала: «Частота дыхания: 24». Высоковато. «Незначительное западение грудной клетки при вдохе, ноздри раздуты».

Она поманила меня тонкими пожелтевшими пальцами, я склонилась над ней и ощутила тонкий аромат льняной припарки и еще неприятный запах — гнилой зуб? Я старалась дышать ртом, чтобы не чувствовать вони.

Она поведала мне:

— У меня ребенок.

Я точно не знала возраст ее самого младшего, кое-кто из этих несчастных женщин умудрялся рожать дважды в год.

— У вас дома малыш? — спросила я.

Но Айта Нунен кивнула вниз: украдкой, не

дотрагиваясь до обтягивающей живот пропотевшей ночной рубашки и даже не глядя туда.

— А, ну как же, еще один на подходе, — согласилась я, — но ему еще не скоро.

У нее запали глаза; она страдала обезвоживанием? Я поставила чайник, чтобы приготовить ей мясного бульона. В этой теснотище у нас была только пара спиртовок для готовки, и на одной всегда пыхтел чайник с бульоном, а на другой — широкая кастрюля, в которой мы стерилизовали инструменты: в отсутствие автоклава мы старались их получше прокипятить. Я разбавила бульон холодной кипяченой водой из кувшина, чтобы Айта Нунен не обожглась, передала ей чашку с крышкой и удостоверилась, что, даже в бреду, она не забыла, как пить из крошечного отверстия в крышке.

Сильно встряхнув термометр, я вернула ртуть обратно в стеклянную колбочку внизу. Потом поставила в стакан с карболкой, поболтала там, вытерла насухо и сунула себе в нагрудный кармашек.

Делия Гарретт отшвырнула журнал и злобно откашлялась в наманикюренные пальцы.

— Хочу домой к моим дочуркам!

Я взяла ее пухлое запястье и стала измерять

пульс, разглядывая ее семейный портрет в серебряной рамке на тумбочке около кровати (вообще-то личные вещи пациенток из гигиенических соображений разрешалось держать только в ящике тумбочки, но мы смотрели на этот запрет сквозь пальцы).

— А кто за ними присматривает, когда ваш муж на работе?

Она всхлипнула, но сдержалась.

— Наша пожилая соседка, но она им не нравится, и я их понимаю.

Пульс вполне нормальный, хотя в ритме небольшие сбои. Термометр мне был не нужен, потому что температура ее кожи ничем не отличалась от моей. Но что меня обеспокоило, так это ее давление. «Пульсовое давление: скачкообразное», — записала я. Трудно было сказать, какое давление соответствовало ее нервозному состоянию.

— Можно считать, вам повезло, миссис Гарретт, что у вас такая легкая форма. Я тоже переболела в легкой форме, еще в сентябре.

Я пыталась ее отвлечь, потому что мы никогда не ставили пациенток в известность, что незаметно измеряем частоту дыхания, иначе они начинали дышать учащенно. Записала в исто-

рию: «Частота дыхания: 20».

— Как вас зовут? — Делия Гарретт чуть прищурила красивые глаза. — Каким именем вас крестили?

Больничные правила не позволяли нам делиться с пациентками личными сведениями. Сестра Финниган учила нас поддерживать авторитет, держась от больных на дистанции. «Если будете фамильярничать с пациентками, они станут вас меньше уважать».

Но времена нынче были странные, и это была *моя* палата, следовательно, если уж мне доверили быть сегодня здесь за главную, я могла вести себя по-своему. Хотя у меня совсем не возникало ощущения, что я тут главная, а так, скорее отбывала дежурство час за часом.

Я почти неосознанно ответила:

— Вообще-то Джулия.

И удостоилась редкой улыбки Делии Гарретт.

— Мне нравится это имя. Значит, *вас* загнали в эту кладовку, Джулия Пауэр, заставив разрываться между умирающей и малахольной?

Тут я невольно прониклась теплыми чувствами к богатой протестантке, несмотря на всю ее вздорность. И покачала головой:

— Когда я болела, за мной дома ухаживали…

Между прочим, мой брат. Но когда вы в положении, этот грипп может привести… к осложнениям.

Мне не хотелось ее пугать списком этих осложнений: выкидыш, преждевременные роды, мертвый плод и даже смерть роженицы.

— У вас сегодня голова не болит?

— Легкая пульсирующая боль, — мрачно заметила она.

— Где?

Делия Гарретт оторвала руки от груди и взмахнула ими вверх, к ушам, словно отгоняла мух.

— Не замечаете расстройства зрения?

Делия Гарретт шумно выдохнула.

— Да на что тут смотреть?

Я кивнула на ее журнал.

— Читать скучно, мне нравится рассматривать фотографии.

В душе она все-таки была еще молоденькая девушка.

— Ребенок не доставляет вам неудобств? Я имею в виду: он толкается?

Она помотала головой и, желая что-то сказать, закашлялась.

— Нет, только кашель. И все болит!

— Возможно, сегодня придет еще одна записка

от мистера Гарретта.

Ее симпатичное лицо омрачилось.

— Какой смысл запрещать посещения членам семьи, когда уже весь город охвачен гриппом?

Я пожала плечами:

— Таковы правила больницы.

Хотя, думаю, дело было не в желании держать пациенток на карантине, а в попытке избавить наш оскудевший персонал от лишних хлопот.

— Но если вы сегодня за старшую медсестру, в вашей власти дать мне микстуру от кашля и отпустить меня домой, особенно если роды у меня будут не раньше Рождества!

В отличие от неимущих пациенток, Делия Гарретт точно знала, когда ей придет срок рожать: семейный врач подтвердил ее беременность еще в апреле.

— Простите, миссис Гарретт, но выписать вас может только врач.

Она недовольно поджала губы.

Может быть, стоит перечислить ей все существующие риски? Но это не пойдет ей на пользу, с ее-то повышенным давлением, она и так нервничает из-за непонятного ей заточения, да еще может встревожиться, узнав, что есть серьезные причины ее тут держать…

— Послушайте, взвинчивая себя, вы только причиняете себе вред. Это вредно и для вас, и для ребенка. Ваше пульсовое давление…

Но как объяснишь опасность повышенного давления светской даме с обычным домашним образованием?

— …то есть сила, с которой кровь бежит по сосудам, существенно выше нормы.

Она выпятила нижнюю губу.

— Разве сильный ток крови — это плохо?

— Ну, это все равно что открыть водопроводный кран на полную мощность.

Семейство Гарретт, вероятно, имело доступ к горячей воде днем и ночью, в то время как большинство моих пациенток вынуждены были носить малышей через три или четыре лестничных пролета к колонке с холодной водой во дворе.

— О! — Она наконец поняла и затихла.

— Так что для вас же будет лучше сохранять спокойствие и присутствие духа — и вы скорее вернетесь домой.

Делия Гарретт упала на подушки.

— Хорошо?

— А когда я могу получить завтрак? Я уже несколько часов как проснулась и очень *слаба*.

Аппетит — чудесный знак.

— На кухне недостает персонала, но уверена, что тележка с едой появится очень скоро. А пока… вам не надо в туалет?

Она отрицательно помотала головой.

— Сестра Люк мне уже приносила судно.

Я посмотрела в ее медкарте, когда у нее был стул. Сегодня еще ни разу. Инфлюэнца частенько останавливает процесс пищеварения. Я достала из шкафчика бутылку касторового масла и налила столовую ложку.

— Это для регуляции.

Делия Гарретт скривилась от неприятного вкуса масла, но проглотила.

Я повернулась к другой кровати.

— Миссис Нунен?

Бредившая женщина даже не открыла глаза.

— Вы хотите в туалет?

Айта Нунен не сопротивлялась, когда я откинула влажное одеяло и подняла ее из постели. Вцепившись в мою руку, она проковыляла через дверь в коридор.

Головокружение? Вкупе с красным лицом это могло быть признаком обезвоживания. Я напомнила себе проверить, сколько она выпила мясного бульона.

Когда Айта Нунен сильно навалилась на меня, у меня заболел бок. Любая медсестра, которая стала бы уверять, будто после нескольких лет работы у нее нет болей в спине, — лгунья, с другой стороны, медсестра, которая стала бы во всеуслышание жаловаться по этому поводу, вряд ли сохранила бы место.

Усадив пациентку на стульчак, я вышла из кабинки и немного подождала. Сейчас, когда она в полузабытьи, подумала я, в состоянии ли ее тело вспомнить, что надо делать?

Странное это занятие — работа медсестры. Для пациентов мы совершенно незнакомые люди, но по необходимости они доверяют нам самые интимные стороны жизни. После чего мы вряд ли снова увидимся.

До моего слуха донесся легкий треск рвущейся газетной бумаги и мягкое шуршание, когда Айта Нунен подтерлась.

Я вошла к ней.

— Ну, вот и все.

Я одернула на ней рубашку, прикрыв голубые ручейки вен на ее распухшей ноге (облаченной в эластичный чулок) и на другой, тощей ноге в обычном черном чулке.

Я помыла ей руки над раковиной: взгляд, отра-

женный в зеркале, казался помутневшим.

— Идите сюда, пока я не скажу, — хрипло выпалила она.

— Что?

— Этот мерзавец удумал какую-то гадость.

О чем, интересно, она думает?

Вернувшись в тесную палату, я уложила Айту Нунен в кровать, натянув оба одеяла до подбородка. Потом обернула ее плечи платком, но она его сбросила. Поднесла к ее губам чашку с бульоном. Судя по тяжести, чашка была наполовину полна.

— Попейте, миссис Нунен, это вам полезно.

Она, хлюпая, попила.

На столике старшей медсестры (сегодня это был *мой* столик) едва уместились два подносика с завтраком. Я сверилась с талонами из кухни и дала Делии Гарретт ее завтрак.

Подняв алюминиевую крышку с тарелки, она издала жалобный вопль:

— Опять этот рисовый пудинг с печеным яблоком!

— Черную икру сегодня не завезли.

Она коротко улыбнулась.

— А это вам, миссис Нунен…

Если бы мне удалось уговорить больную хоть немного поесть, это придало бы ей сил. Вытянув

ее ноги, распухшую (очень осторожно) и нормальную, я поставила подносик с едой на одеяло перед ней.

— Хотите вкусного чаю вместо мясного бульона?

Но чай в чашке уже остыл и был совсем невкусным: при дороговизне военного времени нашим поварам приходилось давать пациентам не чай, а жиденькие опивки.

Айта Нунен нагнулась ко мне и доверительно сообщила возбужденным шепотом:

— Начальник уехал на заработки.

— Неужели?

Видимо, она имела в виду мистера Нунена, предположила я. Хотя странно называть начальником мужчину, который бродил с шарманкой по улицам, чтобы хоть как-то содержать больную жену и семерых детишек. Бредовое состояние приносило ей даже какое-то облегчение, думала я, ведь можно было болтать все, что взбредет в голову!

Делия Гарретт перегнулась через край кровати, чтобы поправить сползшую тарелку Айты Нунен.

— Почему *мне* не дают жареного?

— Вам нельзя ни жирного, ни соленого из-за

высокого давления, понимаете?

Она только фыркнула.

Я прижалась к койке Айты Нунен — между ее кроватью и соседней даже не было места, чтобы поставить стул, — и порезала одну из двух сосисок на мелкие кусочки. Что бы сказала сестра Финниган, увидев, как я злостно нарушаю заведенные ею правила? Сейчас она суетилась наверху, принимая новорожденных, и не могла мне дать совет по поводу тех тысяч мелочей, которые мне хотелось знать, но о которых я никогда у нее не спрашивала.

— Смотрите: это чудная яичница-болтунья, — солгала я.

И поддев вилкой желтоватую массу, явно приготовленную из яичного порошка, поднесла к губам Айты Нунен.

Та открыла рот. Когда же поняла, что я пытаюсь вложить вилку ей в руку, она повиновалась и, шумно хрипя, принялась жевать, делая паузы, чтобы перевести дыхание.

Мой взгляд невольно сместился на пустую кровать в центре. Над ней из стены торчал одинокий гвоздь, на котором, я помнила, раньше висела медицинская карта Эйлин Дивайн. Я встала и пальцами выдернула гвоздь. Потом вытянула за

цепочку часы из кармашка и взвесила на ладони теплый металлический диск. Отвернувшись от пациенток, чтобы те не видели, чем я занята, я острием гвоздя кривовато нацарапала на сверкающей крышке часов, рядом с другими пометками, похожую на полную луну окружность — в память о покойной Эйлин Дивайн.

Это вошло в привычку после того, как умерла моя первая пациентка. Помню себя тогда — с красными от бессонницы глазами, двадцати одного года, — мне хотелось каким-то образом, для себя, отметить это событие, после чего продолжать работу. Судьба любого новорожденного всегда была неопределенной, но мы в больнице гордились тем, что смертность рожениц у нас оставалась низкой, потому крошечных лун на обороте моих часов было немного. Большинство появилось прошлой осенью.

Я вставила гвоздь обратно. Требовалось вернуться к работе. В каждом отделении наступал момент покоя между периодами общей суеты, и медсестры ухитрялись воспользоваться этой редкой возможностью восстановить силы. Я положила мешок с резиновыми перчатками и щеточками для ногтей в кастрюлю с водой и поставила на огонь. Покуда они кипятились, по-

дошла к противоположной стене и исследовала содержимое полупустого буфета, изображая из себя опытную специалистку, пусть и не чувствуя себя ею. Все эти годы от меня требовалось одно: не рассуждать и подчиняться указаниям старшей медсестры по отделению, поэтому сегодня мне было так странно сознавать, что рядом нет никого, кто отдавал бы мне указания. Это странное ощущение свободы приводило меня в восторг, но и немного пугало.

Я села за рабочий стол заполнять листки назначений. С начала войны никто заранее не знал, каких медикаментов не будет хватать, поэтому оставалось только вежливо просить отдел снабжения. Я не стала заказывать ватные тампоны и палочки, потому что они все равно пропали — *временно.* Некоторые вещи были уже заказаны несколько недель назад, о чем я узнала из списка сестры Финниган.

Закончив заполнять листки, я вспомнила, что отнести их в отдел снабжения некому, а покидать палату мне не позволено. Я мысленно посетовала и сунула бумажки в нагрудный кармашек.

Айта Нунен с прилипшим к подбородку ошметком яичной массы лежала, уставившись в стену. Порезанная сосиска на ее тарелке так и осталась

нетронутой, но зато целая исчезла. Может быть, это Делия Гарретт, опершись о пустую койку, перегнулась и стащила сосиску?

Пряча от меня глаза, молодая женщина лукаво улыбалась.

Ладно, от одной жалкой сосиски — уж не знаю, из чего их сейчас делали, — она не умрет, да и Айта Нунен все равно ее не захотела.

Бредившая пациентка внезапно дернулась вбок, и ее поднос с грохотом упал между кроватью и шкафом. Чай из чашки разлился по всему полу.

— Миссис Нунен! — воскликнула я и, переступив через разбросанную посуду, изучила сияющее пятно румянца на багровой щеке. Я буквально почувствовала, как ее лицо пышет жаром. В моей руке уже был наготове термометр.

— Зажмите его под мышкой, пожалуйста!

Но она не отреагировала, и я, подняв ее руку, сама вставила термометр под мышку.

Во время ожидания я считала хриплые вдохи-выдохи Айты Нунен и одновременно измеряла ей пульс. Ничего не изменилось. Но ртутный столбик подскочил до 40,1°. Жар мог убить инфекцию, но мне не понравился вид больной: из-под редких волос на лбу выступила сильная испарина.

Я обошла валявшиеся на полу поднос и тарелку, чтобы достать из кухонного шкафчика лед. Единственный оставшийся кубик плавал в луже талой воды. Поэтому я налила в миску холодной воды и, прихватив ворох чистых льняных салфеток, принесла к ее кровати. Смачивая одну за другой салфетки в воде и предварительно выжимая, я обложила ими ее шею и лоб.

Айта Нунен поежилась от холода, но улыбнулась, бессознательно выразив благодарность — скорее незримому благодетелю, чем лично мне. Как же мне хотелось, чтобы разум этой женщины вдруг прояснился, и она сказала бы, что ей нужно! Сбить температуру помог бы аспирин, но назначения имел право делать только врач; сегодня единственным дежурным врачом-акушером был доктор Прендергаст, но когда еще я его увижу?

Сделав для Айты Нунен все, что в моих силах, я нагнулась поднять с пола поднос и тарелку. У чашки отбилась ручка, разломившись пополам. Я вытерла шваброй чайную лужу, пока никто на нее не наступил.

— А разве вы не можете позвать кого-то на помощь? — спросила Делия Гарретт.

— Ах, все сейчас ужасно заняты.

Строго говоря, подтирать лужи на полу в отсутствие санитарки-уборщицы, младшей медсестры или практикантки должны были санитары, но я решила не связываться. Если вызывать этих молодцов из-за пролитого чая, они обидятся и в следующий раз пропустят мимо ушей более серьезную просьбу, например когда пациентка будет истекать кровью.

Судя по выражению раскрасневшегося лица Айты Нунен, ее обуревали беспокойные мысли.

— Чудесный денек, чтобы поплавать в канале!

Ей почудилось, что она плавает? Интуиция подсказала мне сунуть руку под одеяло и проверить…

Она напрудила в постель. Я подавила горестный вздох. Должно быть, когда я водила ее в туалет, она даже не помочилась. Теперь надо было перестилать постель, этим обычно занимались две санитарки, да и пациентка всегда оказывала посильную помощь, но я сегодня дежурила одна, а от Айты Нунен можно было ожидать чего угодно.

— Я взяла себе напрокат машину, да ее сбросили с балкона…

Теперь она бредила о какой-то давнишней или выдуманной неприятности.

— Давайте, миссис Нунен, встаньте на минутку с постели, я поменяю вам мокрую одежду и простыни.

— Разломали мои святые дары, сволочи!

— Мне нужно в туалет, — объявила Делия Гарретт.

— Вы не могли бы подождать минутку…

— Не могу!

Как раз в этот момент я снимала с матраса мокрую простыню.

— Хотите, я дам вам судно.

Она высунула из-под одеяла голую ступню и отрезала:

— Нет, я сама схожу.

— Боюсь, это запрещено.

Делия Гарретт зашлась оглушительным кашлем.

— Я вполне в состоянии найти дорогу, мне все равно нужно размять ноги. Они затекли оттого, что я лежу в постели бревном.

— Я отведу вас, миссис Гарретт. Дайте мне секунду.

— Да я сейчас просто лопну!

Я не могла заблокировать дверь или погнаться за ней по коридору.

И сказала строго:

— Прошу вас, оставайтесь в палате!

Оставив Айту Нунен и ее мокрую постель, я выскочила в коридор. На первой двери висела табличка «Инфекционное женское».

Внутри было тихо.

— Прошу прощения, сестра… Бенедикт?

Или ее звали сестра Бенджамин? Монахиня миниатюрного росточка, в жизни меньше не встречала. Подняв голову от рабочего стола, она строго взглянула на меня.

— Я сегодня дежурю по родильному/инфекционному, — сообщила я.

Мой голос прозвучал на повышенных тонах, в нем угадывалась скорее спесивость, нежели озабоченность. Я ткнула большим пальцем за спину, как бы подразумевая, что она еще не в курсе, где находится наша маленькая палата-времянка. Для начала мне следовало самой представиться, но я уже упустила удобный момент.

— Сестра, вы не могли бы одолжить мне сиделку или практикантку?

— А много у вас пациентов в родильном/инфекционном?

Я почувствовала, как мое лицо вспыхнуло.

— В настоящий момент всего две, но…

Дежурная медсестра перебила меня:

— А у нас здесь сорок…

Я оглянулась, считая про себя. Под ее началом было пять сиделок.

— Тогда не могли бы вы передать… (Только не главной медсестре, напомнила я себе. В этот суматошный день главная медсестра сама могла лежать на одной из этих коек; я внимательно оглядела ряды кроватей. По правде говоря, я была не уверена, что узнаю ее без формы)… Не могли бы вы передать кому-то, кто подменяет главную медсестру, что мне срочно нужна помощь.

— Я не сомневаюсь, что наше руководство в курсе, — ответила сестра Бенедикт. — Просто всем нужно немножечко поднапрячься и выполнять свою работу.

Я закусила губу.

Монахиня, словно любопытная птичка, склонила голову набок, как будто запоминая, какую именно я допустила оплошность, чтобы потом обо всем доложить сестре Финниган.

— Как я всегда говорю, медсестра — она как чайный лист…

Я ничего на это не ответила, иначе мой голос прозвучал бы как звериный рык.

И финальная реплика — с легкой улыбкой:

— …ее крепость проявляется, только когда она

попадает в кипяток.

Я заставила себя кивнуть в знак согласия с этой житейской мудростью, чтобы сестра Бенедикт не написала на меня рапорт, обвинив в нарушении субординации.

Я вышла и бесшумно затворила за собой дверь. Но потом, вспомнив о лежавших у меня в нагрудном кармашке назначениях, была вынуждена вернуться.

— Сестра, можно мне оставить у вас заявки для отдела снабжения?

— Конечно!

Я судорожно достала мятые бумажки и положила их на стол.

В свою крошечную палату я возвращалась почти бегом.

Айта Нунен все так же неподвижно лежала в пропитанной мочой кровати. Нужду молодой женщины я сочла более неотложной.

— Давайте сходим в туалет, миссис Гарретт.

Она фыркнула.

Я шла за ней следом. Как только мы оказались в коридоре, она перешла на рысь, прижав руку ко рту.

— Поскорее!

Но, преодолев половину коридора, она согну-

лась пополам — и ее вырвало.

Я сразу заметила в рвотной массе предательски торчащие кусочки сосиски.

Вынув из кармана фартука чистую тряпицу, я вытерла Делии Гарретт рот и очистила верх ее ночной рубашки.

— Все в порядке, дорогая! От этого проклятого гриппа случается расстройство пищеварения.

Теперь мне и впрямь понадобился санитар, чтобы убрать с пола следы рвоты… Но она схватилась за живот и опрометью бросилась к туалету. Я заторопилась за ней, шлепая резиновыми подошвами по мраморному полу.

Звуки из-за дверцы кабинки сообщили мне, что у нее еще и понос.

В ожидании Делии Гарретт я стояла, скрестив руки на груди, и тут мое внимание привлек плакат, на котором еще не высохла типографская краска, вернее, слово «кишечник».

РЕГУЛЯРНО
ОСВОБОЖДАЙТЕ КИШЕЧНИК
ПОДДЕРЖИВАЙТЕ
БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ
ИНФЕКЦИЯ

ПОРАЖАЕТ ЛИШЬ СЛАБЕЙШИХ В СТАДЕ
ЕШЬ ЛУК В ОБЕД – И БОЛЕЗНИ НЕТ!

Ну вот, приехали: анонимный мертвец на улице забрызгал кровью форму медсестры Кавана, а правительство не нашло ничего умнее, как прописывать лук на обед. А уж что касается *слабейших в стаде* — какая же это жестокая бессмыслица! Нынешний грипп не имел ничего общего с сезонной простудой, которая выкашивала самых старых и слабых (даже если простуда и приводила к пневмонии, то забирала жизни так аккуратно, что ее даже прозвали «подругой престарелых»). А новый грипп косил всех подряд, без разбора: и мужчин, и женщин в полном расцвете лет.

Теперь за дверцей кабинки стало тихо.

— Миссис Гарретт, позвольте я проверю стул, прежде чем вы спустите воду?

Если бы это был выкидыш, он бы сопровождался кровотечением.

— Что за гадости вы говорите!

Она дернула за цепочку, и вода с шумом потекла из бачка сверху.

Обратно в палату Делия Гарретт шла пошатываясь. Я надеялась встретить по пути санитара и

попросить его вытереть кляксу рвоты с мраморного пола, но ни один мне не попался. Я помогла ей обойти пятно, уверяя себя, что здоровье пациентки важнее грязного пола.

— Оботру вас в кровати губкой, дам новую рубашку, — пробормотала я, — и вам сразу полегчает. Но сначала мне нужно проведать миссис Нунен.

Бредящая пациентка была вялая и не сопротивлялась; она позволила мне поднять ее с мокрой кровати, усадить на стоявший рядом стул и обтереть. Я надела на нее свежую ночную рубашку и тесемками покрепче привязала полы к ногам.

Делия Гарретт пожаловалась на озноб.

Я достала из шкафа сложенное одеяло и передала ей. Айту Нунен я завернула в другое одеяло: мне нужно было перестелить постель.

— Фу! Оно же воняет!

— Значит, оно безопасно, миссис Гарретт. Эти одеяла развешивают в пустой палате и жгут фосфор в ведре, чтобы фосфорный газ убил все бактерии.

— Как наших бедняг-солдат в окопах, — пробурчала она.

Эта капризная женщина не уставала меня удивлять.

Слава богу, Тим не попадал под газовые атаки. Пару раз у него был солнечный удар в Турции, один раз подхватил окопную лихорадку, но ему удалось ее побороть, хотя многие солдаты так и не избавились от инфекции, и болезнь тлела у них внутри, чтобы в любой момент вспыхнуть вновь. В том и состояло ее коварство: физически мой брат ничуть не изменился по сравнению с тем, каким был до войны, когда он работал в галантерейной компании (сейчас она закрылась), и, когда выпадал свободный часок, ходил кататься на роликах со своим другом Лиамом Кэффри.

Дверь распахнулась, и я от неожиданности вздрогнула.

Доктор Прендергаст, в своем костюме-тройке, наконец-то устроил обход. Я была рада его видеть, вот только момент для визита он выбрал крайне неудачный. Только бы он не стал спрашивать, отчего обе мои пациентки сидят, завернутые в одеяла, на стульях. И что это в коридоре испачкало его начищенные башмаки — уж не рвота ли Делии Гарретт? Если сестра Финниган узнает, какая разруха началась в палате в первый же день моего назначения, она в жизни мне больше не доверит эту обязанность.

Но Прендергаст сосредоточенно возился с те-

семками маски, закладывая ее за свои большие уши. Для мужчины его возраста у него была еще на удивление густая шевелюра, напоминавшая огромный клок ваты.

— Доктор, вам известно, что мы потеряли миссис Дивайн прошлой ночью?

— Я выписал свидетельство о смерти, медсестра, — произнес он усталым голосом.

Значит, он дежурил еще со вчерашнего утра. Он взялся обеими руками за висевший у него на шее стетоскоп, как пассажир мотающегося из стороны в сторону трамвая вцепляется в поручень над головой.

— Эта болезнь необычайно коварна, — пробурчал он. — Сколько уже раз я убеждал чьих-то родственников перестать волноваться, потому что больной по всем признакам пошел на поправку, но затем вдруг…

Я кивнула. Медсестрам настрого запрещали отнимать у врачей даже минутку их времени, а мы стояли и обсуждали умершую пациентку… Поэтому я сняла со стены медкарту Айты Нунен и передала ему.

— Миссис Нунен на двадцать девятой неделе, доктор. У нее бред уже двое суток, температура поднималась до сорока пяти и пяти.

Тут я увидела, что край ее одеяла свесился на пол. Я украдкой подняла его и подоткнула под нее. Только бы он не заметил, что она обмочилась.

Доктор Прендергаст зевнул, прикрыв рот ладонью.

— Я вижу легкую синюшность. Как ее дыхание?

— Не затруднено. Может быть, давать ей аспирин?

Медсестрам не полагалось высказывать свои суждения относительно назначения медикаментов, но врач был настолько утомлен, что я надеялась его убедить.

Доктор Прендергаст вздохнул.

— Большие дозы аспирина у некоторых пациентов вызывают отравление, так что попробуйте дать ей виски — сколько она сможет принять.

— Виски? — переспросила я, смутившись. — Чтобы сбить жар?

Он покачал головой.

— Чтобы унять боль и тревогу и стимулировать сон.

Я записала это назначение в медкарте — на тот случай, если потом кто-то поинтересуется.

— А как самочувствие миссис…

Его взгляд затуманился.

— …Гарретт, — напомнила я ему, передавая ему ее медкарту. — Недавно ее вырвало, у нее была диарея, и, похоже, ее пульсовое давление… э-э… довольно высокое.

Я постаралась сформулировать это в достаточно мягкой форме, потому что многоопытный врач мог возмутиться, что какая-то акушерка осмелилась определить давление пациентки одними пальцами, для чего он сам использовал современный научный прибор.

Прендергаст на секунду задумался: сейчас, испугалась я, он скажет мне, что у него нет времени измерять ей давление. Но нет, он достал из саквояжа сфигмоманометр.

Я быстро просунула розовую руку Делии Гарретт в манжету прибора, туго закрепила над локтем застежкой, и он стал накачивать воздух грушей. Это было не сложнее, чем перевязать руку веревкой. По-моему, любую медсестру можно было обучить пользоваться такой штукой, если бы врачи не относились к своим привилегиям столь ревностно.

— О! — встрепенулась молодая аристократка.

— Еще минутку потерпите, — попросила я.

Она раздраженно кашлянула.

Доктор вставил себе в уши желтые наконечни-

ки стетоскопа, прижал плоский диск к сгибу ее руки ниже локтя, потом стал медленно выпускать воздух из груши и слушать.

Через минуту он надиктовал мне:

— Систолическое артериальное давление — сто сорок два, — и добавил после паузы: — Диастолическое — девяносто один, сестра.

Я послушно вписала в медкарту: «Диастолическое артериальное давление — 91».

На Прендергаста эти показания, похоже, не произвели особого впечатления.

— Учащенный пульс характерен для последних месяцев беременности, — пробурчал он, пока я складывала его прибор в саквояж. — Если она будет вести себя слишком беспокойно, дайте ей брому.

Он разве не слышал, что я ему сказала: ее вырвало! И седативное средство вроде брома было тяжелым испытанием для желудка. Я бы не стала его давать Делии Гарретт…

Но меня научили никогда не перечить врачу; у нас считалось, что, если нарушить субординацию, в больнице тотчас воцарится хаос.

Прендергаст потер глаза.

— Я отправляюсь домой.

— Кто из акушеров в ваше отсутствие… — на-

чала я.

— В женских отделениях будет помогать частнопрактикующий терапевт…

— Врач общего профиля? — уточнила я разочарованно. То есть не тот, кто нам нужен. — Он уже в больнице?

Прендергаст покачал головой.

— Только едет к нам. Кстати, доктор Линн — дама.

Мне показалось, я расслышала в его голосе легкое презрение. В наши дни врачей-женщин можно было счесть по пальцам, и я еще ни разу не работала под их началом. Но мне хотелось знать, к кому следует обращаться за помощью моим пациенткам, пока ему на замену не прибыла врач-терапевт.

Делия Гарретт вскочила.

— Вы можете снять с меня эту грязную тряпку?

— Да, как только дам миссис Нунен лекарство, а вы уж не стойте, пожалуйста, на ногах!

Она обиженно закашлялась и опустилась на стул.

Я налила в чашку-поильник виски с горячей водой и добавила немного сахару для вкуса. Сделав первый глоток, она тут же залпом высосала все до дна. После этого я пошла к шкафу с постельными

принадлежностями за чистой ночной рубашкой для Делии Гарретт.

Переодевая ее, я обратила внимание на растяжки на животе — похожие на белых червяков следы прошлых двух беременностей и нынешней.

Мне еще не приходилось ощущать материнский инстинкт, который, как уверяли меня взрослые женщины, рано или поздно во мне проснется. Я решила заняться акушерством, потому что меня привлекал связанный с этой профессией драматизм, но никогда не представляла себя главным действующим лицом этого таинства вызревания плода, лишь внимательным соглядатаем.

Мне завтра *тридцать*! Сигнал, что моя пора расцвета позади. Но тридцать вовсе не значит, что я старуха. Кто скажет, что мне уже поздно выходить замуж и «рожать» детей? Возможно, если взвешивать все «за» и «против», это менее вероятно, даже маловероятно, если учесть, сколько мужчин погибло на фронте, упав ничком на траву в далекой стране, или вообще невероятно, при том что мало кто из фронтовиков сможет вернуться на наш маленький остров.

Я надела на Делию Гарретт новую ночную

рубашку и завязала боковые тесемки, потом уложила ее обратно в кровать и плотно завернула в одеяло, чтобы она не мерзла под осенним ветром, влетавшем в высокое оконце.

Я сняла с матраса насквозь промокшую простыню Айты Нунен. На мое счастье, прорезиненная пеленка под нижней простыней впитала почти всю мочу, так что верхняя простыня и наматрасник остались сухими.

Одного я не могла до конца понять: хочу я замуж или нет. Были у меня варианты, и немало: милые молодые люди. И я не могла укорять себя за то, что капризно отвергла все возможности — я просто ими не воспользовалась.

— Это вы — медсестра Пауэр?

Я резко развернулась и увидела в дверях молоденькую девушку в обычной одежде. Медно-рыжие волосы, покрытые маслом и зачесанные назад, с выбивавшимися на затылке кудряшками.

— А вы кто?

— Брайди Суини.

Без должности, значит, она даже не практикантка. Масса девушек во время войны проходила ускоренный курс основ медицинской помощи, и ничего удивительного, что они в этом деле мало

смыслили.

— И кто же вы, мисс Суини, — поинтересовалась Делия Гарретт, — сиделка-волонтерка?

Незнакомка усмехнулась.

— Никакая я не сиделка!

Делия Гарретт закатила глаза и вернулась к своему журналу.

Брайди Суини снова обратилась ко мне:

— Меня прислала сестра Люк вам в помощь.

Ага, значит, монахиня не смогла найти для меня никого получше, кроме девушки, неподготовленной, необразованной, судя по говору, с невинным взглядом только что вылупившегося цыпленка, словно с ней в жизни еще ничего не случалось. Я чуть не дала Брайди Суини затрещину — так я была разочарована.

У больницы не осталось средств даже для найма младшего медицинского персонала.

— Надеюсь, она предупредила, что ваша работа не будет оплачена?

— Я и не ожидала, что мне заплатят.

У рыжей Брайди Суини были бледная кожа, голубые глаза и едва заметные бровки. Ее прозрачные ушки напоминали детские: левое чуть-чуть выпячивалось, словно она старалась уловить каждое сказанное ей слово. Тонкое паль-

тишко, стоптанные туфли — не будь сейчас в больнице критическая ситуация, главная медсестра выгнала бы ее не раздумывая.

— Что ж, мне необходим курьер, и я рада, что вы здесь, — учтиво произнесла я и представила пациенток: — Это миссис Гарретт, а это миссис Нунен.

— Добрый день, дамы! — сказала Брайди Суини с коротким поклоном.

Я достала из шкафа фартук. Девушка была худая и без пальто показалась мне совсем заморышем: ей пришлось дважды обернуть тесемки фартука вокруг талии и только потом завязать.

— Я никогда не была в больнице, — заметила она и с нескрываемым любопытством принялась разглядывать Айту Нунен, которая покачивалась на стуле возле своей кровати и что-то напевала себе под нос.

— Кстати, мисс Суини, я полагаю, у вас есть иммунитет?

Она, похоже, не поняла этого слова.

— К инфлюэнце, к гриппу. Раз уж вы пришли в инфекционное отделение без маски…

— А, да, был у меня грипп.

— Но я имела в виду грипп этого года, который особенно опасен, — уточнила я.

— Переболела им давным-давно. Так что мне надо делать, медсестра Пауэр?

Какое облегчение — наконец-то хоть кто-то задал мне этот вопрос.

— Давайте начнем с кровати миссис Нунен, ее надо перестелить.

Мне надо было удостовериться, что оба матраса лежат ровно: пружинный матрас в холщовом наматраснике на деревянной раме и волосяной в хлопчатобумажном чехле; красновато-коричневый водонепроницаемый прорезиненный коврик должен быть туго натянут, как и нижнее одеяло и нижняя простыня поверх него.

Дыша парами виски, Айта Нунен попыталась вскарабкаться на кровать.

— Еще минутку. — Я вежливо преградила ей путь рукой.

Из шкафа с постельными принадлежностями я вытащила свежую пеленку, верхнюю и нижнюю простыни и два одеяла.

— Когда мы стелем простыни и одеяла, расправляем все очень тщательно, чтобы складки не врезались в кожу миссис Нунен, ясно?

Брайди Суини кивнула.

Я помогла Айте Нунен улечься в кровать, и она, глубоко вздохнув, выкрикнула:

— Какая чушь!

Новенькая спросила:

— Что вы говорите?

Я покачала головой.

Лицо девушки застыло в испуге.

— Простите, мне нельзя с ними говорить?

Я улыбнулась.

— Просто хотела вас предупредить, чтобы вы не обращали внимания на странные восклицания миссис Нунен. — И я постучала пальцем по голове. — От высокой температуры у них, бывает, мутится рассудок.

Я обернула плечи пациентки платком и подложила другой платок ей под затылок.

Айта Нунен замахала чашкой-поильником.

— Ну что за увальни! Разбили мой фарфор вдребезги!

— Какая жалость! — с этими словами Брайди Суини поправила ее подушки.

Эта девушка — прирожденная сиделка, сделала я вывод. Такому не научишься в училище.

Я скомкала грязное белье и, сунув ворох в корзину, указала пальцем в сторону коридора.

— Это все нужно отнести к дверце, на которой висит табличка «Прачечная», а не «Мусоросжигательная».

Брайди Суини подхватила корзину и умчалась.

Делия Гарретт спросила:

— Она что, прямо с улицы к нам попала?

— Вообще-то, по рекомендации сестры Люк…

Смешок.

— У нас сейчас такая нехватка персонала, что я с радостью приму любую помощь, которая позволит мне уделять пациенткам больше внимания.

— А я и не говорю, что вам не надо ее принимать, — буркнула она в журнал.

Когда Брайди Суини вернулась, я объяснила ей назначение марлевых изделий в жестяных банках (квадраты — для компрессов, тампоны — для обработки ран и бинты — для перевязки), тампонов из льняной пакли, одноразовых салфеток, суровых ниток для перетягивания кровеносных сосудов и хирургических ниток, так называемых кошачьих кишок.

— Что, их правда делают из кишок кошек?

— На самом деле из овечьих. По правде сказать, я не знаю, почему эти нитки так называются, — призналась я.

Она обвела взглядом нашу палату.

— Значит, эти дамы находятся здесь, чтобы вы вылечили их от гриппа?

Я тихо вздохнула.

— Хотела бы я знать, как их вылечить. От этого нет лекарства. Болезнь должна протекать естественным образом.

— И как долго?

— Несколько дней или недель (я вспомнила о тех беднягах, кого болезнь без предупреждения убила на улице или дома), или может тянуться месяцами. Если уж совсем начистоту, это дело случая. Мы только и можем что держать их в тепле и покое, кормить и поить, чтобы они подкопили сил и смогли побороть инфлюэнцу.

Моя молодая помощница явно была воодушевлена. Она спросила тихо:

— А почему миссис Нунен такого цвета?

А, вот это просто — тут я могла ее чему-то научить. И стала объяснять:

— У них темнеет лицо, если в кровь не попадает достаточно кислорода. Это называется синюшность, потому что кожа приобретает синий оттенок.

— Да у нее не синяя, а скорее багровая.

— Все начинается с легкого покраснения кожи, которое можно ошибочно принять за здоровый румянец. Если пациентке становится хуже, ее кожа делается темно-красной, почти коричневой (тут я подумала о багровых осенних листьях). В

более тяжелых случаях коричневатый цвет может сменится лавандовым, и такими становятся губы. Если пациентке не хватает воздуха, ее щеки, и уши и даже кончики пальцев могут посинеть.

— Какой ужас!

Я повернулась к Делии Гарретт и успокоила ее:

— Не волнуйтесь, у вас нет никакой синюшности.

— То есть кожа буквально становится синей? — уточнила Брайди Суини.

Я покачала головой.

— Я видела, как кожа лица темнеет, становясь фиолетовой, багровой, а потом даже черной.

(У найденного утром медсестрой Кавана на улице анонимного мертвеца, когда она к нему подбежала, лицо уже посерело).

— Это прямо как тайный шифр! — произнесла восторженно Брайди Суини. — Красный — коричневый — синий — черный.

— Когда я училась на курсах, у нас были… (интересно, она знает слово «мнемонический» или «аллитерационный»?) особые ухищрения, с помощью которых мы запоминали медицинские факты.

— Какие?

— Ну… например, четыре буквы «т» обозначают

причины постнатального кровотечения, кровотечения после родов, — это ткани, тонус, травма и тромбоцитопения[8].

— Вы так много знаете! — восхищенно пробормотала девушка.

Я повела ее знакомить с содержимым полок и шкафов.

— Если я отдам вам бывший в употреблении металлический инструмент, вам следует в обязательном порядке его простерилизовать, мисс Суини. Опустите его с помощью щипцов в эту кастрюльку и кипятите десять минут строго по часам.

— Прошу прощения, у меня нет…

— Часы — вон там, на стене. Потом расстелите чистую салфетку — они лежат в той картонной коробке — и щипцами положите на нее прокипяченный инструмент. Если вы что-то не успели прокипятить, все можно продезинфицировать в этом тазике, куда налит сильный раствор карболовой кислоты.

— Поняла.

Но понимала ли Брайди Суини всю важность того, что я ей рассказывала?

---

[8] Примечания: 8
Пониженный уровень тромбоцитов в крови.

— Когда все инструменты высохнут, перенесите их щипцами на стерильный поднос вот на этой полке — здесь все стерильное, то есть предельно чистое, готовое к использованию врачом. Никогда не дотрагивайтесь до них, пока я вас об этом не попрошу, вам ясно?

Она кивнула.

Делия Гарретт закашлялась, и ее кашель перешел в утробное уханье.

Я подошла к ней и измерила пульс.

— Как ваш желудок?

— Пожалуй, успокоился. Я думаю, что все из-за дурацкой касторки.

Но я очень сомневалась, что небольшая доза касторового масла могла вызвать одновременно понос и рвоту.

— Это просто смешно — держать меня взаперти из-за легкого гриппа, — продолжала она. — Мои детки выпрыгивают всегда точно в срок, именно в ту неделю, когда мне положено, потом я провожу в постели полдня — без каких-либо осложнений! Почему эта девушка так на меня смотрит?

Брайди Суини торопливо прикрыла улыбку рукой.

— Я не знала, что вы…

Делия Гарретт гневно сверкнула глазами, поло-

жив руки на живот.

— Вы решили, что это жир?

— На нашей двери висит табличка «Родильное/инфекционное отделение», мисс Суини, — напомнила я.

— Прошу прощения, — пробормотала она. — Я не знала, что это значит.

— Так, теперь я покажу вам, как надо мыть руки.

Она развеселилась:

— Думаю, я умею!

— Вы когда-нибудь слышали о послеродовом сепсисе? — резко спросила я.

— Конечно.

— Сепсис может возникнуть у роженицы в любой момент после родов в течение трех дней, и раньше уровень смертности от такого сепсиса был ужасающий. И наше единственное современное противоядие — это дезинфекция, то есть противодействие попаданию микробов в организм пациенток. Вы должны понять, что тщательное мытье рук может спасти жизнь!

Брайди Суини ошеломленно кивнула.

— Закатайте рукава повыше, — распорядилась я, — чтобы их не намочить.

Она заколебалась. И когда заголила правую

руку, я заметила след от сильного ожога. Поймав мой взгляд, она едва слышно пробубнила:

— Кастрюля с горячим супом.

— Наверное, больно было?

Брайди Суини коротко передернула плечами, точно обезьянка.

Мне хотелось надеяться, что она не неловкая, впрочем, девушка и не производила такого впечатления. У нее были красные руки, из чего я сделала вывод, что она привыкла к тяжелому физическому труду.

— Сначала мы наливаем в тазик кипяток из этого чайника, мисс Суини, а потом добавляем холодной воды из этого кувшина.

Она опустила руки в тазик.

— Чудная теплая вода!

— Теперь берите прокипяченную щеточку для ногтей и хорошенько потрите ею руки, особенно ногти и кожу вокруг.

Я смотрела, как она моет руки.

— Потом ополосните их чистой водой и смойте все мыло. И напоследок опустите их в тазик с третьей сменой воды… предварительно растворив в ней чашку карболовой кислоты.

Я наполнила чашку карболкой и добавила:

— Такой антисептик, как карболовая кислота,

вообще-то представляет опасность…

— …если ее проглотить или плеснуть себе в глаза, — кивнув, закончила она.

Но я поправила:

— Если рассчитывать только на нее, забыв о том, как важно тщательно мыть руки.

Брайди Суини кивнула, вытирая руки о фартук.

К нам никто еще не приходил забрать подносы и посуду после завтрака.

— Вы можете отнести все это на кухню?

— А где… — начала она.

— В подвале, это двумя этажами ниже.

В отсутствие юной помощницы я измерила температуру, пульс и частоту дыхания пациенток. Без изменений. В случае с Делией Гарретт это была обнадеживающая новость; а вот состояние Айты Нунен заставило меня слегка поволноваться. Виски, возможно, подействовал на нее благотворно, облегчив боли и затрудненное дыхание, но не сбил температуру.

Брайди Суини вернулась, и я ее поблагодарила.

— У меня теперь куда меньше забот, когда появилась помощница.

Она взглянула на красные распухшие костяшки пальцев и принялась их чесать.

— Кожное раздражение?

Смутившись, она кивнула.

— Чешется все время, просто с ума меня сводит.

Худенькие девушки почему-то частенько страдают от чесотки.

— Вот, — сказала я, — это должно унять зуд.

Я достала из шкафа баночку с мазью, но Брайди Суини даже не шевельнулась, чтобы ее взять; тогда я пальцем зачерпнула немного и хорошенько втерла в красные пятна. На тыльной стороне ее левой ладони виднелся багровый круг: лишай, признак нищеты, который встречался у многих моих пациенток. Но он уже не казался ярко-пунцовым, а значит, перестал быть заразным.

Брайди Суини тихо подхихикнула, словно ей стало щекотно. В воздухе пахнуло эвкалиптом. За исключением покрасневших пальцев ее кожа была белая, даже голубоватая.

— Зимой вам не стоит переохлаждать руки или мочить их. Когда выходите из дома, всегда надевайте теплые варежки.

— Я редко выхожу.

Делия Гарретт многозначительно кашлянула.

— Когда закончите чистить перышки, принесите мне чашку чаю. Умираю от жажды!

Я указала Брайди Суини на чайник, а сама сняла с полки банку с чаем и чашку.

— Пациентам можно давать чай без ограничения.

— Хорошо, — сказала она и обратилась к пациентке: — Вам с сахаром, миссис Гарретт?

— Две ложки. И с молоком. Хотя нет, это консервированное молоко — такая дрянь, сойдет и черный.

Я продолжала наставлять Брайди Суини:

— Если захотят, можно предлагать им крахмальное печенье.

Делия Гарретт была исключением; обычно роженицы из бедных семей поступали к нам, отощавшие до предела, просто кожа да кости, и мы в родильном отделении старались откармливать их перед родами.

Брайди Суини сама была худющая, но крепкая, жилистая, пища сквозь нее проходила, как брошенный в воду камень.

— Если хотите, мисс Суини, можете заодно и нам заварить чайку.

Я решила воспользоваться возможностью выбежать из палаты по своим надобностям. Но уже в дверях обернулась и заметила:

— Надеюсь, вам хватает ума знать, что вы ни-

чего не знаете?

Брайди Суини вытаращила глаза, а потом коротко кивнула: этакий бутончик на стебельке.

— Меня учили, — пояснила я, — что хорошая медсестра всегда точно знает, когда следует позвать на подмогу доктора. Другими словами, хороший курьер всегда знает, когда следует звать на подмогу медсестру. Если этим дамам понадобится стакан воды, или еще одно одеяло, или чистый носовой платок, дайте им, но, если их что-то начнет беспокоить, сбегайте в туалет и позовите меня.

Она коротко, почти комично, отсалютовала мне.

— Я быстро: одна нога здесь, другая там. — И выбежала из палаты.

Что бы сказала сестра Финниган, узнав, что я оставила больных на эту неопытную девушку? Но я же и так делала все что могла. Как и мы все.

Итак, я оставила Брайди хозяйничать в палате, а сама выскочила в туалет.

После туалета мне отчаянно захотелось хоть одним глазком поглядеть на большой мир, я подошла к окну и уставилась на редких прохожих. Хотя дождь перестал, в воздухе веяло сыростью. Какая-то дама в длинной меховой шубе — стран-

ный был наряд, ведь еще даже ноябрь не настал — вышла из кеба, неся большой саквояж в одной руке и объемистый деревянный чемодан в другой, и торопливо зашагала к воротам больницы. На ходу она сбросила большой капюшон, под которым оказались старомодно завитые пряди. Ну, подумала я, привратник сейчас ей скажет, что посещения у нас запрещены.

Когда я вернулась в палату, Брайди Суини допивала свой чай, и в уголках ее рта виднелись крошки от печенья.

— Какая вкуснятина!

Не думаю, что она съехидничала. Я поднесла ко рту свою чашку и, отпив, почувствовала суховатый привкус сажи, собранной с какого-то пола.

— Все поломано-переломано, — пробормотала Айта Нунен.

Брайди Суини подошла и прошептала мне на ухо:

— Она случаем не выпивает?

— Нет, нет. Доктор Прендергаст назначил ей виски от гриппа.

Она кивнула и постучала пальцем себя по лбу.

— Может, она того?

Но я ее успокоила:

— У нее временное помутнение рассудка.

— То есть… ей станет лучше?

Тут я заметила, что мои пальцы скрестились сами собой — очень крепко. Глупое суеверие, знаю. Я прошептала в ответ:

— Эти мамочки на самом деле куда здоровее, чем выглядят. Когда у нее спадет жар, готова поспорить, что быстро переболеет и в январе разрешится своим двенадцатым…

— Двенадцатым?

Брайди Суини произнесла это слово с неподдельным ужасом, поэтому я не стала уточнять, что из ее детей выжило только семеро. Вместо этого я спросила:

— Вам известна поговорка «Если не родишь двенадцать детей, значит, мужа не любишь»?

Она скорчила гримасу:

— Какая мерзость!

Поморщившись, я отозвалась:

— И я так считаю. Но нам с вами за это памятник не поставят.

Брайди Суини коротко рассмеялась.

За окном сгустились тучи, снова пошел дождь, уныло забарабанив по приоткрытой фрамуге. Дождевые ручейки побежали по стеклу.

— Давайте закроем окно, пока нас не залило? — предложила Делия Гарретт.

— Простите миссис Гарретт, но свежий воздух необходим, особенно при респираторных заболеваниях.

Она спрятала лицо под подушку.

Я отрядила Брайди Суини собирать тряпкой дождевую воду с пола, пока лужа не добралась до кроватей. Потом отправила ее в складскую принести льда из электрического рефрижератора. Это такая большая машина, кубики льда образуются в отдельном морозильном отделении сверху.

— Если льда не окажется, поднимись этажом выше и спроси там.

Сама я измеряла больным температуру, пульс и частоту дыхания. Потом сменила им носовые платки и положила в другие позы: Айту Нунен привалила к подушкам в полусидячем положении, отчего, как мне показалось, ей стало чуть легче дышать.

Тем временем вернулась Брайди Суини с тазиком, полным льда, и я смогла оставить ее за главную, покуда сама водила женщин по отдельности в туалет.

Мне она казалась покладистой и надежной, чтобы доверить уход за пациентками, и я попросила ее показать, как она моет руки — Брайди Суини не пропустила ни единого этапа, — после

чего позволила ей протереть Айте Нунен лицо и шею губкой, смоченной в ледяной воде.

— И дайте мне знать, когда она допьет свою микстуру с виски, хорошо?

Делия Гарретт картинно покашляла.

— А можно и мне виски вместо этого ужасного чая?

Алкоголь, конечно, оказывал благотворное расслабляющее действие при беременности, но…

— Извините, только по назначению врача.

Правда, в настоящий момент ни одного врача у нас не было. Интересно, когда эта Линн соизволит сегодня появиться?

— Хотите горячего лимонаду, миссис Гарретт? Или ячменной воды?

— Фу!

В другом углу палаты Айта Нунен схватила руки Брайди Суини и сильно прижала их к своему животу.

Меня охватил ужас.

— Что такое, миссис Нунен?

Моей юной помощнице пришлось прижаться коленями к кровати, чтобы не упасть. Она смотрела на покрытый одеялом холм под своими ладонями. А Айта Нунен вцепилась в ее запястья и стонала, но скорее от ажитации, чем от боли.

На лице рыжей Брайди было написано изумление.

— Ребенок *двигается*! Он толкается внутри!

Делия Гарретт произнесла с неприкрытой иронией:

— Да уж пора бы ему!

А я сообщила Брайди Суини:

— Любой младенец в животе матери плавает и кувыркается.

— Он хочет оттуда вырваться? Как будто он живой!

Я нахмурилась. Уж не насмехается ли она надо мной?

— Разумеется, он живой, мисс Суини! — И тут же поправилась: — Живой внутри своей матери, он же ее часть!

— А я считала, он оживает только после появления на свет!

Я опешила. Но какое, должно быть, это было чудо — когда Господь создал Адама из праха земного и вдунул в него душу, и это произошло разом. Но мне не стоило удивляться, потому что некоторые наши пациентки поступали к нам готовыми разродиться, но мало что смыслящими в природе вещей.

Я сняла с полки фолиант «Акушерства» Джел-

летта[9], пролистала его тонкие хрустящие страницы и продемонстрировала Брайди Суини рисунок с подписью «Матка с доношенным плодом».

Ее глаза расширились.

— Боже милостивый!

Я не сразу поняла, что она приняла схематичный рисунок за изображение разрезанной пополам настоящей матки.

— Нет-нет, это рисунок-схема того, как выглядит матка, если бы мы могли заглянуть внутрь. Видите, как скрючился младенец?

— И он вверх ногами!

Я улыбнулась.

— Ему так намного удобнее. Вы очень многое узнали только за первый день на работе, правда, мисс Суини?

— Он просто маленький акробат, — пробормотала она.

— И почти все время спит.

Тут в беседу встряла Делия Гарретт:

— Моя вторая была совсем не такая. Кларисса постоянно брыкалась, как мул, и ночью, и утром,

---

[9] Примечания: 9

Генри Джеллетт (1872–1948) — выдающийся ирландский акушер-гинеколог, автор множества трудов по акушерству для студентов-медиков и практикующих врачей.

и днем. Но эта девчушка — тихоня. — И она с безрадостной нежностью погладила свой выпуклый живот.

— Или мальчуган?

Услышав предположение Брайди Суини, она помотала головой.

— Не люблю мальчиков. К тому же моя свекровь сразу определяет пол ребенка по тому, как я ношу. А покажите-ка мне эту картинку!

Когда я передала ей «Акушерство» Джеллетта, она, взглянув на рисунок, поморщилась, хотя и с нескрываемой гордостью.

— Да вы только посмотрите, как у нее все внутри скособочено! Неудивительно, что у меня желудок взбунтовался.

Я поставила книгу обратно на полку. Было уже почти одиннадцать — пришла пора менять компресс, который сестра Люк положила Айте Нунен. Сперва я нагрела на спиртовке льняную настойку до такой густоты, чтобы в ней стояла ложка. Потом развязала боковые тесемки рубашки, сняла с груди пациентки марлевый тампон и отлепила старую затвердевшую корочку. Потом начисто обмыла ее покрасневшие ключичные кости ватными тампонами, смоченными в мыльной воде, покуда Брайди Суини стояла рядом и по моей

просьбе передавала нужные принадлежности.

Айта Нунен бурчала, тяжко вздыхая:

— Идите ко мне, когда я скажу!

Я нагнулась к ней, ощущая смрад ее дыхания, и стала измерять пульс. Но больше она ничего не сказала. Пульс был довольно учащенный, но пульсовое давление снизилось. Лицо было осунувшимся и желтоватым.

Я налила льняную настойку на тампон, положила его на марлю и простерилизованную льняную салфетку. Положив припарку между ее тощих грудей, накрыла фланелевой повязкой. Концы повязки требовалось перекинуть ей за спину и завязать на слабых плечах. Между нами говоря, мы с Брайди Суини немного схалтурили. Я бы не пожалела времени на выполнение довольно-таки кропотливой работы, если бы искренне верила в реальную пользу припарок.

Айта Нунен тяжело, с присвистом дышала. Я дала ей ложку сиропа ипекакуаны, чтобы хоть немного снять заложенность дыхательных путей. Через минуту она выхаркнула темную мокроту. Я собрала ее в платок и отправила Брайди выбросить его в мусоросжигательную печь.

Она долго отсутствовала, и когда вернулась, я спросила:

— Вы не заблудились? Я уж подумала, что вы упали в мусоропровод…

— Я задержалась в туалете, — призналась Брайди Суини. — Там такая щеколда, на которую можно закрыть дверь кабинки, и кран с горячей водой, и миленькие квадратики бумаги. Мне нравится у вас в больнице!

Я не выдержала и расхохоталась.

— Особенно запахи.

Интересно, какие: эвкалиптовая мазь, льняная настойка или карболка? Или виски? Для меня все эти ароматы не могли заглушить ни фекальную вонь, ни кровавый смрад рождения и смерти.

— Обычно у нас образцовый порядок. Но вы попали в момент, когда тут царит полная неразбериха. И пациентов вдвое больше обычного, и персонала вчетверо меньше.

Ее лицо просияло: наверное, потому что я и ее сочла частью нашего персонала.

Тут меня осенило: а ведь она по-своему красивая, с этим белым личиком и костистым телом, этакая жемчужинка, сверкающая в мусорной куче. Интересно, где сестра Люк ее нашла?

— Вы живете где-то поблизости, мисс Суини?

— Прямо за углом.

Мне показалось или она в самом деле попыта-

лась уклониться от ответа? Живет с родителями, сделала я вывод, уж больно юной она выглядела.

— Можно узнать, сколько вам лет?

Она пожала плечами.

— Почти двадцать два.

Как же кокетливо она это выговорила: «почти».

— Я не просто из любопытства…

И следующий ее вопрос меня удивил:

— Может, будете называть меня Брайди?

— Конечно, если вы так хотите… хочешь.

Я не знала, что еще сказать, поэтому взглянула на свои часы.

— Скоро полдень, так что можешь сейчас пойти пообедать.

— У меня с собой нет, но я и не хочу.

— Нет-нет, нас тут кормят в столовой возле кухни.

Она все еще медлила.

— А вы?

— О, я еще не проголодалась.

Ей бы хорошо сменить городское платье и обувь, но на что?

— Можешь раскатать рукава обратно и привести в порядок волосы, прежде чем спуститься вниз.

Вспыхнув от смущения, Брайди нащупала выбившиеся кудряшки и убрала их от лица.

Я уже пожалела, что сделала ей замечание про волосы, как-никак, это же был всего лишь первый день ее работы в больнице, и какая разница, насколько опрятно она выглядела?

А она безуспешно пыталась приладить резинку для волос.

— Тебе есть чем расчесаться? — спросила я.

Она помотала головой.

Порывшись в своей сумке, я нашла каучуковый гребень.

Брайди аккуратно расчесалась и вернула мне гребень.

— Спасибо, что одолжили мне.

— Оставь у себя!

— Ну что вы!

Вообще-то я предпочитала пользоваться другим гребнем: этот с виду походил на черепаховый, хотя на самом деле был сделан из целлулоида.

— О, не говори так много, Джулия! — пропел баритон из коридора. Гройн! — Ты в порядке, Майкл, ты здоров?

Что-то очень ты суров…

Делия Гарретт недовольно проговорила:

— Это тот неотесанный чурбан, который вчера

меня сюда привел!

Санитар, толкнув дверь спиной, вошел в палату. Он напоминал мне зловещего слугу из «Франкенштейна»[10].

Вместо приветствия я заметила:

— Всегда с песней на устах, Гройн!

Он театрально поклонился мне, затем развернулся лицом и вкатил в палату кресло-каталку с новой пациенткой.

Молодая женщина, я бы даже сказала девушка (если бы не ее заметный живот), с черными, как уголь, волосами и искаженным от страха и кашля личиком.

Еще один симпатичный член нашего избранного сестринства.

— В родильном сказали привезти ее сюда.

Я взглянула в медицинскую карту, которую мне передал Гройн. Сверху была лишь одна строка: «Мэри О'Рахилли, 17 лет, первая беременность».

О всех женщинах, рожавших у нас, мы знали все-все, даже если не могли сказать заранее, что произойдет во время родов. Первородящие же вроде Мэри О'Рахилли — совсем другое дело. Акушер приемного покоя даже не указал ожидаемую

---

[10] Примечания: 10

Имеется в виду увечный слуга Франкенштейна Фриц, помогавший хозяину раскапывать могилы.

дату родов: наверное, у него было дел по горло.

— Миссис О'Рахилли, давайте я помогу вам встать с кресла.

Она встала сама без видимых усилий, но вся дрожала. Озноб, решила я, или нервы, или то и другое. Малорослая, худая, она казалась еще меньше из-за большого живота. Я жестом пригласила ее присесть на стул в изножье пустой кровати и сказала:

— Посидите тут, пока мы вас не переоденем.

Санитар схватил кресло и покатил к двери.

— Гройн, не слышали, когда мы сможем увидеть нового врача?

— А, даму-мятежницу?

Этого санитара хлебом не корми, только дай посплетничать. У меня не было привычки интересоваться слухами, но на сей раз я не сдержалась и выжидательно подняла брови.

— Разве вы ничего про нее не слыхали? — спросил он.

— Намекаете на то, что она член «Шинн-Фейн»?[11]

На гэльском языке «Шинн-Фейн» означало «мы сами». Они утверждали, что гомруля недостаточ-

---

[11] Примечания: 11

Левая партия в Ирландии, созданная в 1905 году и объединявшая сторонников независимости.

но, и выступали за предоставление республике полной независимости.

— Ни на что я не *намекаю*, — заявил Гройн. — Она — заблудшая дочь викария из Мейо, социалистка, суфражистка, смутьянка-анархистка.

Данная им аттестация была весьма шокирующей, но я по собственному опыту знала, что этот санитар был готов облить помоями любую женщину, поставленную над ним. Впрочем, перечисленные им подробности показались мне весьма своеобразными…

— Неужто дочь викария?

— Может, большинство сторонников независимой Ирландии такие же добропорядочные католики, как и мы с вами, но среди них попадаются и чудаки-протестанты (он не заметил, как гневно сверкнул взгляд Делии Гарретт). Она же наверняка была среди закоперщиков восстания. И уж точно зашивала раны этим щенкам-террористам, сидя на крыше муниципалитета.

Потом ткнул пальцем вверх, имея в виду канцелярию главного врача на третьем этаже, и продолжал:

— Похоже, пока другие болеют, руководство не нашло никого лучше, кроме нее.

— Так, — проговорила я с неудовольствием. —

Полагаю, сейчас не время злословить.

Новая пациентка вытаращила глаза и произнесла:

— Вы говорите, больница наняла преступницу?

Санитар кивнул.

— Мисс Линн депортировали вместе с прочими смутьянами и посадили в тюрягу в Британии, а потом, не прошло и года, их всех выпустили и вернули сюда, хотя у них руки по локоть в крови!

Мне пришлось пресечь его монолог, пока пациентками не овладела паника.

— Если отвлечься от политики, я уверена, что к *доктору* Линн не обратились бы сегодня за помощью, если бы она не была квалифицированным врачом.

Услышав, с каким нажимом я произнесла слово «доктор», Гройн криво усмехнулся:

— Ну, тогда умолкаю.

Санитар неизменно произносил эту фразу, когда ему было еще что сказать. Он устало положил локти на перекладину кресла-каталки, как на барную стойку. В наше время парень просто не мог не отпустить ехидное замечание по поводу, так сказать, слабого пола! Дама, доставляющая почту, или труженица оружейного завода, или

даже пожарный в юбке! Когда это кончится?

— Не смеем больше вас задерживать, Гройн, — сказала я.

Он понял намек.

— Желаю здравствовать, дамы!

И вытолкал пустую каталку из палаты, пританцовывая и напевая:

Ты так долго не решался,
Ты чего-то опасался?
Соберися с духом, Майкл,
Отчего ты так суров?

— Что за балагур этот парень! — заметила Брайди.

Я поджала губы.

— Он вам не нравится, медсестра Пауэр?

— На мой вкус, у Гройна слишком мрачное чувство юмора.

— Ну, все равно он забавный, — возразила она.

Мы сняли с Мэри О'Рахилли платок, платье и панталоны, но оставили чулки, чтобы ноги были в тепле. Ее сотрясала то мелкая, то крупная дрожь. Стараясь внимательно рассмотреть черные гладкие волосы, я натянула ей через голову ночную рубашку.

«В этом вам будет удобнее», — обычно говорила

я пациенткам во время процедуры переодевания, хотя на самом деле мы их переодевали из гигиенических соображений; к нам нередко поступали сильно завшивленные женщины.

Если бы отделение было оборудовано должным образом, я бы просто на всякий случай отпарила одежду Мэри О'Рахилли, но в нынешних условиях я только и могла попросить Брайди завернуть платье и остальное в бумагу и убрать на самую верхнюю полку в шкафу. Я показала ей, как завязывать боковые тесемки ночной рубашки, надела на девушку больничный жакет и повязала на шею больничный платок.

Лицо Мэри О'Рахилли исказила гримаса, и ее тело напряглось.

Я подождала, пока боль пройдет.

— Сильная была схватка, дорогая?

(Нас учили не называть боли при схватках *острыми*.)

— Я бы сказала, не очень сильная.

Но первородящим не с чем было сравнивать остроту боли.

— Вы не знаете, когда вам срок родить?

— Приблизительно. Моя соседка говорит, может, в ноябре.

— Когда у вас была последняя менструация?

Ее лицо отразило непонимание.

— Месячные.

Она порозовела.

— Извините, не поняла. Где-то прошлой зимой…

Я не стала у нее допытываться, когда она впервые ощутила движения ребенка, потому что первородящие редко фиксировали первое шевеление плода, а потом уже было слишком поздно для определения сроков по этому полезному признаку.

— Насчет схваток — где именно вы их в основном ощущаете?

Мэри О'Рахилли неопределенно взмахнула рукой над животом.

Но это выглядело более типично для того, что мы называли ложными схватками: скорее предупредительные выстрелы, чем полноценная атака, которая обычно характеризовалась болями в области спины. Насколько я могла судить, этой девчушке до родов оставалось еще несколько недель.

— С каким интервалом происходят схватки?

Роженица с несчастным лицом пожала плечами.

— Они разные?

— Не помню, — прошептала Мэри О'Рахилли.

Все симптомы, которые она описала: нерегулярность, внезапное начало и прекращение спазмов, на мой взгляд, указывали на ложные родовые схватки.

— Скажите, миссис О'Рахилли, вы давно ощущаете эти схватки?

— Я не знаю.

— Несколько часов?

— Несколько дней.

Сокращения шейки матки в течение одних суток — довольно распространенное явление. Но если бы это были настоящие схватки, то у Мэри О'Рахилли могли бы уже и отойти воды.

Ее голос сорвался от волнения:

— Значит, я скоро рожу?

— Посмотрим. Да, довольно скоро.

— Но ведь тот мужчина сказал…

Я еле подавила смешок. Гройн носил раненых на носилках, напомнила я ей. В госпитале он, естественно, нахватался каких-то сведений о ранениях и горячке, но едва ли о деторождении.

Я подумала, что мои слова могли бы вызвать у Мэри О'Рахилли улыбку, но сейчас она слишком боялась. Как и большинство моих пациенток — даже не раз рожавших, — она, вероятно, никогда

до сих пор не лежала в больнице.

Расспрашивая ее и узнавая все больше, я надеялась получить какие-то сведения о ее возможных проблемах со здоровьем. К примеру, проклятьем городских детей был рахит: зубы прорезывались слишком поздно, малыши начинали ходить не раньше двух лет, у многих была искривленная грудная клетка, или ноги, или позвоночник. Но нет, у Мэри О'Рахилли было хотя и маленькое, но вполне симметричное тело и пропорциональный таз. Никакой припухлости ниже талии, свидетельствующей о больных почках. Была бы вполне нормальная беременность, не подхвати она грипп.

Она поежилась и кашлянула в крохотную ладошку.

— Я была очень осторожна, сестра, полоскала горло яблочным уксусом и пила его.

Я машинально кивнула. Многие верили в целительную силу мелассы или ревеня, способных обезопасить их от гриппа, словно существовал какой-то один бабушкин рецепт, который мог спасти нас всех.

Как бы невзначай я положила на грудь Мэри О'Рахилли руку с часами в ладони, чтобы незаметно измерить частоту дыхания. Дыхание было

несколько учащенным: она судорожно вдыхала и выдыхала между приступами кашля. Потом вложила ей под язык термометр.

«Пульс ровный, но немного слабый», — написала я в ее медицинской карте.

— Кстати, эти синие пятна у вас на запястье… вы упали? У вас внезапно закружилась голова? Откуда они?

Она помотала головой.

— Нет, просто у меня легко возникают синяки.

Через минуту я взглянула на термометр: ртутный столбик показал температуру чуть выше нормальной.

— Не такая уж вы тяжелая больная, — сообщила я ей.

Мы с Брайди уложили ее на среднюю кровать (смертный одр Эйлин Дивайн).

Перестань, не думай ты об этом, ты же не хочешь сглазить бедняжку?

— Люди боятся приближаться друг к другу, — произнесла Мэри О'Рахилли задыхающимся шепотом, — потому что зараза так быстро распространяется! Позавчера фараоны выбили дверь в доме рядом с нами и нашли там в квартире целую семью, лежавшую на одном матрасе. Все они были мертвые.

Я кивнула, подумав, как соседи могли обходить эту квартиру стороной и даже не стремились узнать, живы ли ее обитатели… впрочем, можно ли кого-то осуждать в эту пору всеобщего ужаса?

Я попросила роженицу перевернуться на спину, чтобы я могла прощупать ее живот. Если мочевой пузырь у нее полный, это могло причинять ей боль, поэтому я спросила, не хочет ли она сначала сходить в туалет.

Она отрицательно помотала головой.

Тут подала голос Делия Гарретт:

— А вот *я* как раз хочу!

Брайди предложила сопроводить ее.

Я, засомневавшись, согласилась:

— Ладно, полагаю, если будешь крепко держать миссис Гарретт, она не упадет.

— С какой стати я упаду?!

Когда они вышли, я проверила Айту Нунен — та все еще пребывала в полусне-полубреду.

И вновь занялась Мэри О'Рахилли. Задрала повыше ночную рубашку, но прикрыла простыней пах и верхнюю часть бедер. Как и у многих беременных подростков, у нее были бросающиеся в глаза лиловые полосы внизу живота, похожие на царапины от когтей: юная кожа еще не привыкла к такому сильному растяжению. Но у молодости

имелось и важное преимущество: после родов мышцы вновь должны сократиться до прежних размеров.

Я села на край кровати, лицом к ее голове. Сильно растерла ладони одну о другую, стараясь их разогреть, но, когда я положила руки на ее тело, девушка так и подпрыгнула.

— Извините, руки сейчас станут теплее. Постарайтесь расслабиться, чтобы я могла прощупать живот.

Я перемещала ладони от одного участка живота к другому, не отрывая их от ее кожи и стараясь не постукивать пальцами, как по клавишам пианино, чтобы не заставлять мышцы сокращаться. Я закрыла глаза и постаралась представить себе ее внутренний ландшафт, основываясь на ощущениях ладоней, которые стали моими глазами во тьме. Вот она — отвердевшая верхняя часть матки шириной шесть пальцев под пупком. Если судить по размеру, то ребенок вполне или почти доношен. Значит, инфлюэнца, слава богу, не смогла вытолкнуть ядрышко из этого ореха досрочно.

Один плод (мы, акушерки, опасались близнецов). Нормальное положение: головкой вниз и лицом к позвоночнику матери. Я нащупала крошечный задик, потом выгнутую аркой спинку.

— Ваш ребенок лежит в правильном положении.

— Да?

Головка вроде бы удачно располагалась в районе таза; впрочем, это мало что говорило о том, вправду ли у нее начались схватки или это ложная тревога, потому что у первородящих плод мог занять нужное положение за целый месяц до родов.

Вернулась Брайди, сопровождавшая Делию Гарретт, присела на кровать Мэри О'Рахилли с другой стороны и, не спрашивая, взяла ее за руку.

— А что это вы сейчас делаете, медсестра Пауэр?

— Подай мне, пожалуйста, вон ту штуковину с верхней полки — да-да, вон ту, похожую на слуховую трубу, я с ее помощью прослушаю сердцебиение младенца. Миссис О'Рахилли, дышите глубже!

Я приставила широкий конец деревянной трубы к ее животу сбоку, чуть ниже центра, где я нащупала спинку малыша, и сунула узкий конец себе в ухо.

— А что…

Это заговорила Брайди, и я шикнула на нее,

приложив палец к губам. Глядя на секундную стрелку моих часов, я принялась отсчитывать удары.

«138 ударов в минуту», — записала я в медкарту. Ну что, это норма.

Мэри О'Рахилли зашлась мучительным кашлем, и тогда я усадила ее в кровати, отправив Брайди к чайнику с кипятком, чтобы она сделала горячий лимонад.

Но вначале я попросила молодую роженицу выпить полный стакан воды. И когда у нее снова начались схватки, сверилась с часами: с момента прошлого приступа прошло двадцать минут. Я уложила ее на левый бок и попросила вдохнуть на счет «три» и выдохнуть на счет «три», а затем повторить вдох и выдох. Если это были ложные схватки, то выпитая вода вкупе с положением лежа и дыхательными упражнениями могли облегчить боли.

Я проверила Айту Нунен: та еще спала.

— Все в порядке, миссис Гарретт? Расстройства желудка не ощущаете?

Она цокнула языком.

— Как раз наоборот. Теперь меня словно закупорили.

Я удивилась: как у нее так быстро мог возник-

нуть запор после диареи.

Мэри О'Рахилли перестала тихо постанывать от боли.

— Эта схватка была такой же, как раньше, или слабее?

Та смущенно переспросила:

— Что значит такой же?

Наверное, предположила я, начались настоящие схватки. Но если приступы все еще происходят с двадцатиминутным интервалом в течение целого дня… о боже, ей еще довольно далеко до родов. Конечно, внутреннее обследование шейки матки с целью выяснить, насколько она расширена, сказало бы мне куда больше, но я всячески старалась оттянуть эту процедуру, потому что на курсах мне накрепко вбили, что всякий раз, когда посторонняя рука проникает внутрь женщины, есть риск занести инфекцию, которая может ее убить.

У тебя еще масса времени, Джулия!

К тому же последнее, чего мне хотелось, это чтобы одна из моих пациенток начала рожать в этой тесной комнатке именно в тот момент, когда на всю больницу остался один врач-акушер.

— Знаете, вам может полегчать, если вы соберетесь с силами и погуляете, миссис О'Рахилли.

(Прогулка могла не только помочь шейке матки расшириться, но и отвлечь беременную от физического дискомфорта, благо у нее появится какое-то занятие).

Изумившись, она спросила:

— Погулять? Где?

Я стала мысленно перебирать варианты. Но не могла же я отправить гриппозную роженицу бродить по коридорам, а здесь иголку некуда было воткнуть…

— Ну, ходите взад-вперед вокруг кровати. Вот, уберем стулья, чтобы не мешали. И пейте свой лимонад на ходу.

Не успела я и слова сказать, как Брайди быстро составила стулья один в другой и затолкала их под мой рабочий стол.

Мэри О'Рахилли опасливо обошла вокруг кровати и, совершив разворот, вернулась назад.

— Все хорошо? Вам тепло?

— Да, спасибо, мисс.

— Медсестра Пауэр, — поправила я ее.

— Простите.

— Ничего страшного.

Мэри О'Рахилли придерживала живот сквозь ночную рубашку, приложив палец к пупку.

— Здесь болит? — спросила я.

Она покачала головой и кашлянула с лимонным выдохом, прикрыв рот ладонью. А мне просто хотелось понять, как я узнаю, что у нее открылась шейка матки.

— В районе пупка? — уточнила я.

Ее голос задрожал, но она продолжала ходить.

— А он сам отсюда вывалится или врачу надо будет… применить силу, чтобы его вытолкать наружу?

Я была немного обескуражена этим вопросом.

— Дело в том, миссис О'Рахилли, что ребенок выйдет вовсе не здесь.

Молодая роженица, моргая, смотрела на меня.

— Вспомните, где это началось… — проговорила я. И после паузы шепнула: — Там, внизу.

Новость ее потрясла. Она широко раскрыла рот, потом закрыла, ее глаза заблестели, и она закашлялась.

Брайди стояла около кровати Мэри О'Рахилли с томом «Акушерства» Джеллетта, который она сняла с полки, даже не спросив у меня разрешения.

— Вот, смотрите, на этом рисунке вы видите темя ребенка, а на другом…

Она перелистнула страницу.

— А здесь уже вся головка вышла…

Мэри О'Рахилли резко отвернулась от рисунков, но при этом понимающе кивнула. А потом отошла, точно не могла больше смотреть на это.

— Спасибо, Брайди!

Я жестом велела ей поставить книгу на место, пока она не перешла к более пугающим разделам: неправильное положение плода, аномалии в развитии, хирургическое вмешательство в роды.

Охваченная ужасом Мэри О'Рахилли переминалась с ноги на ногу рядом с кроватью.

Пуритане, полагавшие, что неведение — залог непорочности, всегда меня злили.

— Вообще-то вам должна была все это разъяснить мать, — заметила я. — Разве она не привела вас в мир точно таким же образом? Я видела, как это происходит, десятки… да нет, сотни раз, и должна вам сказать, это прекрасное зрелище.

(При этом я старалась не думать о случаях, когда возникали осложнения. Молоденькая блондинка, ставшая моей первой пациенткой в этой больнице, три дня лежала со схватками, потом акушер с помощью кесарева сечения извлек из ее чрева одиннадцатифунтового[12] малыша, но она умерла от занесенной инфекции.)

---

[12] Примечания: 12
Без малого 5 кг.

Мэри О'Рахилли едва слышно произнесла:

— Мама умерла, когда мне было одиннадцать.

И я пожалела, что завела этот разговор.

— Простите. А что с ней…

— Рожала, вернее, пыталась родить моего младшенького братика…

Она говорила тихо, почти шептала, как будто выкладывала мне какой-то секрет, причем весьма постыдный, а не рассказывала о повседневной трагедии. Даже если эта девчушка и не имела ни малейшего представления о процессе деторождения, ей было известно важнейшее обстоятельство: связанный с этим риск.

Вот почему, наверное, у меня вырвалось:

— Моя мать умерла точно так же.

Теперь все три женщины глядели на меня.

Казалось, Мэри О'Рахилли от моих слов даже стало легче.

— Правда?

— Но в ее случае, — продолжала я, — мне, кстати, было четыре, мой братик выжил.

Брайди, широко раскрыв глаза, глядела на меня с сочувствием.

Мэри О'Рахилли торопливо перекрестилась и продолжала свою круговую прогулку.

Мне казалось, будто я оказалась вместе с

незнакомыми людьми в дырявой лодке посреди штормового моря.

Делия Гарретт издала глухой стон.

— Мой кишечник… Мне бы надо облегчиться! Но, сестра Джулия, я точно знаю, что ничего не получится.

Я с удивлением взглянула на нее. До сих пор все мое внимание было приковано к новенькой…

Запор мог быть первым признаком родовых схваток. Но роды у Делии Гарретт ожидались не ранее чем через восемь недель, мысленно возразила я сама себе. Коль скоро это были ее третьи роды, уж она-то должна была понять, приближаются схватки или нет.

Или же она настолько не хотела оставаться в больнице, что готова была проигнорировать любой намек на приближающиеся роды. К тому же этот грипп был печально известен тем, что провоцировал преждевременное появление младенцев на свет.

Она закашлялась, не в силах остановиться.

— Скажите, миссис Гарретт, когда вы чувствуете позыв, ваш кишечник становится тугим?

— Как барабан!

Это был еще один симптом.

Я попросила ее лечь на спину и слегка подо-

гнуть колени, и начала пальпировать живот. Таз приподнят, голова плода опущена вниз — хорошее положение.

— Брайди, трубу!

Делия Гарретт попыталась сесть, ее глаза сверкнули ужасом.

— Вы не станете тыкать меня этой штукой!

— Хорошо, я воспользуюсь ухом.

Приложив щеку к ее разросшемуся животу, я попросила сделать глубокий вдох.

— Говорю же вам, я умираю хочу в туалет!

— Нельзя, миссис Гарретт, но вы можете воспользоваться судном.

Брайди кинулась за ночным сосудом.

А я опять приложила ухо к горячей натянутой коже живота. И услышала пульсирование… Даже без измерения пульса я могла сказать, что он очень медленный — и это явно пульсировала кровь Делии Гарретт.

Ее громкий кашель ударил меня по вискам.

— Дайте-ка я послушаю в другом месте…

Но женщина так яростно ерзала и сопротивлялась, что я не смогла ощутить пульсацию, которую рассчитывала распознать, — сердцебиение плода, почти вдвое более частое, чем у его матери.

— Прошу вас, миссис Гарретт, вы не могли бы минутку полежать не шевелясь?

— Мне больно лежать на спине!

— Понимаю, — произнесла я убаюкивающим тоном, словно успокаивала перепуганную кобылу.

— Да что вы можете понимать? — визгливо вскрикнула Делия Гарретт. — Вы же старая дева!

Брайди, широко раскрыв глаза, молча перехватила мой взгляд.

Я улыбнулась и покачала головой, всем видом показывая, что не оскорблена. Во время родовых схваток, когда дело уже идет к кульминации, женщины нередко теряют голову и ведут себя странно. И это хороший знак.

Лицо Делии Гарретт исказилось, и она громко застонала.

Я засекла время.

В ожидании конца приступа я решила проведать Айту Нунен, все еще лежавшую в забытьи, с пунцовым лицом.

Мэри О'Рахилли, стараясь никому не мешать, все еще мерила шагами узкое пространство между койками: три шага до окна и три шага обратно.

— Миссис О'Рахилли, как вы себя чувствуете?

— Хорошо. Можно мне немного посидеть?

— Конечно. Делайте что хотите.

Обойдя ее, я приблизилась к Айте Нунен и, приоткрыв ей губы, вложила термометр под язык. Больная не шевельнулась.

Вернувшись к Делии Гарретт, я встала коленями на ее кровать, потому что мне нужно было проверить еще один признак: уперлась ли голова плода в таз, или плод все еще находится в свободном плаванье.

— Пожалуйста, лежите ровно на спине, миссис Гарретт, это займет одну минуту.

Глядя на блестящий купол ее живота, я сделала правой рукой так называемый обхват Павлика[13], прижав ладонь чуть выше тазовой кости и, погрузив пальцы в кожу, как будто обхватила большое яблоко, аккуратно стараясь подвигать крошечный череп из стороны в сторону…

— А-а-а! — Делия Гарретт в буквальном смысле лягнула меня, отбросив прочь.

Я потерла ребра в том месте, куда ударила ее пятка, а сама размышляла о плоде. Под моими пальцами голова ничуть не сдвинулась, значит, да, у женщины начались схватки на два месяца

---

[13] Примечания: 13

Карел Павлик (1849–1914) — чешский акушер-гинеколог.

раньше.

— Миссис Нунен его выплюнула, — заметила Брайди.

Я увидела, что выпавший изо рта Айты Нунен термометр заскользил по одеялу.

— Передай его мне, да побыстрее, пока он не остыл.

Брайди кинулась в проем между двумя кроватями.

— Покажи!

Она поднесла к моему лицу термометр, держа его вертикально.

— Нет, поверни, чтобы я смогла увидеть ртуть.

Она так и сделала.

Термометр показывал 41 °С. Снова повысилась.

— Проверь, пожалуйста, осталось ли у нее виски в чашке.

— Там еще много, — доложила Брайди.

— Тогда положи ей на затылок полотенце, смоченное ледяной водой.

Она побежала выполнять.

Я потянула за панталоны Делии Гарретт и пояснила:

— Их придется снять.

Она недовольно запыхтела, но подняла ноги, чтобы я могла их стянуть.

— Раздвиньте колени, пожалуйста, только на минутку.

Мне даже не нужно было до нее дотрагиваться. На паховых волосах виднелась запекшаяся красная корка — мы называли этот процесс отхождением слизистой пробки, и это был верный признак близких родов.

Стоявшая у меня за спиной Брайди издала испуганный вскрик, но его заглушил новый стон Делии Гарретт.

Я вынула часы из кармашка: с момента прошлой схватки прошло всего пять минут. События развивались слишком быстро.

Родившийся на тридцать второй неделе младенец был бы сильно недоношенным. Все, что мы могли сделать с такими детьми, это поместить их на неделю в теплый бокс наверху, а потом отправить домой и — особенно если это были мальчики, как правило, очень слабенькие — скрестить за них пальцы в надежде, что первый год жизни они переживут.

Самое главное — позаботиться о матери, напомнила я себе. Следить, чтобы давление у Делии Гарретт не прыгнуло слишком высоко.

Я взяла ее за запястье. Подушечками пальцев ощутила, как ее пульс скакнул, точно прорвав-

шая дамбу река. Я взбила ей подушки.

— Сядьте, дорогая, и привалитесь к подушкам.

Беспомощно моргая, она повиновалась.

А Брайди как стояла, раскрыв рот, с термометром в руке, так и застыла.

Я попросила ее продезинфицировать термометр — просто чтобы отправить к раковине. Сама же пошла следом и зашептала ей в ухо:

— Знаешь, что самое главное для медсестры?

Брайди смешалась.

— Руки? Ноги?

Я указала пальцем на свое лицо и придала ему невозмутимое выражение.

— Если медсестра выглядит озабоченной, пациентки начинают нервничать. Так что всегда следи за своим лицом!

Обдумав мое замечание, она кивнула.

Я обратилась к Делии Гарретт:

— Думаю, вы скоро родите.

Впервые за все время в ее голосе послышался страх.

— Не может быть! Она должна появиться на Рождество!

Постаравшись говорить как можно веселее, я произнесла:

— Значит, она считает, что ей надо родиться

на Хеллоуин.

— Ой!

Обернувшись к Брайди, я заметила, какое у нее перепуганное лицо: по ее руке поползла алая струйка.

— Что такое? — строго поинтересовалась я.

Она смотрела на меня, чуть не плача.

— Простите, я все сделала, как надо, я положила его в кастрюльку с кипятком, но он, наверное, стукнулся обо что-то… я его вытащила…

Я же хотела, чтобы она промыла термометр в карболовой кислоте. Какой надо быть дурехой, чтобы не знать, что в кипящей воде тонкая стеклянная трубочка лопнет?

Но я закусила губу. Неужели я понадеялась, что эта молоденькая девушка всего за пару часов овладеет всеми премудростями профессии медсестры!

— Извините, я оставлю вас на минутку, — обратилась я к Делии Гарретт.

Она зарылась лицом в подушку и застонала.

Я пересекла палату, взяла руку Брайди и слегка потрясла ее над кипящей водой, смахнув с кожи мелкие осколки. Потом убрала пламя спиртовки, чтобы пары ртути из разбитого термометра не распространились по помещению. Насухо вытер-

ла стерильной салфеткой кровоточивший палец и помазала порез антисептическим карандашом, который лежал в кармашке моего фартука, чтобы ранка побыстрее закрылась и кровь не закапала все полы в больнице.

— Так-то лучше. А теперь беги наверх в родильное отделение и найди там сестру Финниган. Скажи ей, что у меня тут начались преждевременные схватки…

Проклятье, Брайди никак не могла запомнить незнакомые термины.

– *Экстренные* роды, — поправилась я.

Может быть, мне стоило написать для нее все эти слова на листочках?

— Скажи сестре Финниган, — продолжала я, — что у миссис Гарретт схватки происходят с интервалом в пять минут и нам нужен врач. Если новый врач еще не подошла, пусть она пришлет хоть кого-нибудь. Запомнишь?

— Экстренные… пять минут… любого врача, — повторила Брайди взволнованно.

И опрометью бросилась из палаты.

— Да не беги ты! — крикнула я ей вслед.

Делия Гарретт заявила сердито:

— Мне надо выйти!

Но я потянулась за судном, которое достала

Брайди.

— Только не это!

— Вам нужно отдыхать и беречь силы, миссис Гарретт.

(На самом же деле я думала вот о чем: а вдруг она родит прямо в коридоре или сидя в туалете?)

Нехотя она позволила мне поднять ей ночную рубашку и подложить под нее судно, но, как я и предполагала, ничего не произошло.

— Давайте, пока вы лежите, я вас подмою, — предложила я.

Она не стала возражать, а только закрыла глаза и села над судном на корточки. Я тщательно обмыла ее промежность сначала мыльной водой, потом теплым дезинфицирующим раствором, чтобы удалить бактерии, которые могли проникнуть в ее организм и заразить ребенка в момент родов.

Когда Делию Гарретт охватил очередной приступ боли, она уронила голову и издала утробный стон, который превратился в каркающий кашель.

— Вы можете дать мне обезболивающее, сестра Джулия?

— Я уверена, когда придет врач…

— Сейчас!

— Боюсь, медсестры не уполномочены назначать лекарства.

— Тогда на кой черт вы вообще нужны?

На это у меня не было ответа.

— Я помогу вам лечь, миссис Гарретт. На левый бок, это нормализует кровоток.

(Если роженица при схватках ложится на правый бок, матка может пережать полую вену).

— И старайтесь глубже дышать, — посоветовала я.

Я достала из шкафа свежую пеленку и смочила ее в кипятке. Когда она остыла, я ее выжала, сложила вчетверо и подошла к Делии Гарретт.

— Поднимите колени вверх, так чтобы я видела нижнюю часть вашего тела.

Она недовольно заворчала, но повиновалась.

— Накладываю горячий компресс, — предупредила я и приложила влажную ткань к промежности.

Она охнула.

— Давление в нижней части таза, которое вы чувствуете, — скорее всего, головка малыша.

— Вы можете это прекратить?

Интересно, подумала я, сколько тысячелетий женщины понапрасну просили об одном и том же.

— Но это же прекрасно, миссис Гарретт. Это значит, что скоро начнется.

(И где же эта врач, будь она неладна?!)

А на средней кровати Мэри О'Рахилли, скорчившись, превозмогала свою боль. На ее лбу выступила испарина, черные волосы маслянисто блестели, под глазами проступили темные круги. Роды, подумала я, всегда как бросок игральных костей; родовые схватки могут причинять женщине невыносимые муки на протяжении многих дней либо же стать тяжким, но быстрым потрясением, как удар молнии.

Мне же сейчас пришлось столкнуться с жестоким выбором: я не могла оказать помощь обеим женщинам одновременно, но Делия Гарретт нуждалась во мне острее.

Когда Мэри О'Рахилли выпрямилась, я спросила:

— Сильная была схватка?

В ответ она лишь слегка пожала плечами, словно в свои семнадцать лет была не способна оценить интенсивность испытываемой боли. Потом несколько раз кашлянула.

— Когда вернется Брайди Суини, попрошу сделать вам еще горячего лимонада, — произнесла я, почувствовав необходимость что-то сказать.

Делия Гарретт вскрикнула.

Удерживая одной рукой компресс, другой я достала из кармашка часы. Теперь интервал схваток сократился до трех минут. Я погладила кончиком пальца оборотную сторону часов, словно могла стереть нацарапанные там жуткие напоминания. И убрала обратно.

Делия Гарретт уже кричала, не сдерживаясь:

— Раньше было не так, как сейчас. Вы можете дать мне обезболивающее?

Ну почему мне не позволялось хотя бы чуточку нарушить правила? Особенно теперь, когда все протоколы были напрочь забыты?

Но вместо этого я выбросила компресс в мусорное ведро и встала позади ее кровати.

— Давайте попробуем, может быть, это поможет. Встаньте на руки и на колени…

Она сердито заворчала, но тем не менее встала в позу коровы. Я приложила нижние части ладони на обе ее седалищные кости и сильно нажала, стараясь сдвинуть основание таза вперед.

— Ой! Ой!

Я сочла, что мои усилия по облегчению боли увенчались успехом. И когда у Делии Гарретт снова начались схватки, надавила большими пальцами сбоку на нижние позвонки, но это

никак ей не помогло. Тогда я переместила руки к ямочкам Венеры в нижней части спины, вложила в них костяшки пальцев и сильно нажала.

— Легче не стало? — спросила я.

Делия Гарретт, подумав, отозвалась:

— Немного.

Такие приемы с давлением на таз роженицы с внешней стороны не описывали ни в каких пособиях, но они передавались от одной акушерки к другой, хотя многие решительно возражали против подобных ухищрений, призванных облегчить боли, которые считались естественными и действенными во время родов. Но я твердо стояла за то, чтобы любыми способами уменьшить боль и помогать женщине сохранять силы и безболезненно пройти через это испытание.

Делия Гарретт молча сползла по подушке и натянула ночную рубашку на колени. Закрыв глаза, она прошептала:

— Не хотела я этого ребенка.

За моей спиной раздались шаги. Брайди. По ее лицу я поняла, что она все слышала.

Я взяла Делию Гарретт за руку. Рука с ухоженными ногтями была горячей.

— Это же естественно.

— Двух достаточно, — искренне произнесла

она. — Ну, или пусть бы мои девочки немного подросли… Не то что я не хотела третьего, но не так быстро. Я говорю ужасные вещи?

— Вовсе нет, миссис Гарретт.

— У меня такое чувство, будто меня за что-то наказывают.

— Ничего подобного! Отдыхайте, дышите глубже.

С другой стороны кровати подошла Брайди и тоже взяла ее за руку.

— Врач скоро придет!

— О! О! — Делию Гарретт накрыла новая волна схваток.

В следующую паузу между схватками я повернула роженицу на бок и показала помощнице, как надо покачивать ее таз. Сложив правую ладонь Брайди чашечкой, я прижала ее к правому бедру Делии Гарретт, а левую ладонь положила плашмя на поясницу. И начала покачивать таз роженицы из стороны в сторону.

— Это все равно как жать на педали велосипеда, ясно?

— Да? — не поняла Брайди.

Я просто оторопела. Эта молодая женщина, похоже, не имела никакого представления о простейших вещах — велосипедах, термометрах,

младенцах в чреве матери. С другой стороны, она благодарила меня буквально за все — от бальзама для рук до чая с привкусом сажи. Интересно, как быстро она освоит все те навыки, которым я пыталась ее обучить?

— Не останавливайтесь! — распорядилась Делия Гарретт.

Я оставила Брайди продолжать покачивания таза, а сама пошла проведать остальных пациенток.

Пунцовая от высокой температуры, Айта Нунен беспокойно металась во сне. У меня руки опускались: я ничем не могла сбить жар.

— Миссис О'Рахилли, вы как себя чувствуете?

Молодая женщина шевельнулась и пожала плечами.

Схватки у нее по-прежнему продолжались с двадцатиминутными интервалами.

— Поспите, — предложила я, — если сможете заснуть.

— Вряд ли я смогу…

— Может быть, еще немного пройдетесь?

Мэри О'Рахилли повернулась лицом в подушку, чтобы заглушить кашель. Она вылезла из-под одеяла и снова принялась вышагивать между кроватями, как львица в тесной клетке.

Делия Гарретт издала протяжный стон.

— Могу я начать тужиться, черт побери?

Меня охватила паника.

— Вы чувствуете, что вам пришла пора?

— Я хочу поскорее с этим покончить, — отрезала она.

— Тогда прошу вас, подождите еще, пока не пришла врач.

Повисло напряженное молчание. И потом Делия Гарретт сообщила:

— По-моему, у меня воды отходят.

Я проверила. Трудно было отличить околоплодную жидкость от воды, что стекла на простыню с горячего компресса, но поверила ей на слово.

И тут в палату вошел моложавый мужчина в черном костюме и представился: доктор Маколифф.

У меня сердце упало. На вид ему было лет двадцать пять, не больше. Неопытный врач общей практики: такие с трудом могли отличить верхнюю часть женского тела от нижней.

Естественно, доктор захотел провести внутренний осмотр. Что ж, во всяком случае, не боялся подхватить инфекцию. Он попросил пару продезинфицированных резиновых перчаток. Я принесла бумажный пакет, достала оттуда пер-

чатки и передала ему. Тщательно вымыв руки с мылом, доктор Маколифф натянул перчатки.

Я подняла ноги Делии Гарретт под прямым углом к спине, так чтобы ее ягодицы чуть выступали над краем кровати, давая врачу возможность произвести осмотр.

Когда он приступил к делу, она взвыла.

Хорошо, что не я сейчас ее осматривала: у меня до сих пор болел бок от ее удара пяткой.

— Так, мадам… — произнес доктор Маколифф.

(Очевидно, он понял по ее южнодублинскому говору, что к ней стоит обращаться именно так, а не простонародным «миссас»).

— …у вас все очень хорошо.

Вывод был довольно-таки неопределенный.

— Шейка полностью раскрыта, доктор? — уточнила я.

— Мне представляется, да.

Я скрипнула зубами. Ему представляется… А вдруг этот врач общей практики ошибается и края шейки матки мешают плоду выйти, так что если Делия Гарретт будет тужиться довольно сильно, края сомкнутся и блокируют проход…

— Отдыхайте, — сказал ей Маколифф, — а медсестра Пауэр о вас прекрасно позаботится.

Она язвительно кашлянула.

Врач стянул перчатки.

Я мотнула головой в сторону Брайди, давая ей понять, что перчатки надо бросить в ведро с прочими предметами для последующей стерилизации.

— Я могу что-то дать миссис Гарретт для облегчения болей, доктор Маколифф?

— Ну, на столь поздней стадии вряд ли стоит…

— Чтобы она успокоилась, — не унималась я. — Доктор Прендергаст обеспокоен ее высоким давлением.

Мои слова явно возымели эффект, потому что Прендергаст был старше его по должности.

— Тогда, думаю, ей стоит дать хлороформ, обычную дозу.

Мне нужно было бы попросить его осмотреть Мэри О'Рахилли, но мне что-то расхотелось. Некоторые особо нетерпеливые доктора привыкли считать природу чем-то вроде ленивой лошади и предпочитали подстегивать кнутом естественные процессы. Такие врачи терпеть не могли первородящих, с которыми никогда не знаешь, способны ли они родить без посторонней помощи. А уж если состояние роженицы усугублялось болезнью вроде нынешнего мерзкого гриппа, молодой врач-неспециалист вроде доктора Ма-

колиффа при задержке родов мог запаниковать, попытаться раскрыть шейку матки вручную и прибегнуть к помощи щипцов. Но невзирая на то, как долго эта семнадцатилетняя бедняжка мучилась схватками, последнее, чего бы я хотела, это начать шуровать инструментами, которые скорее причинят ей боль, чем помогут родить.

И я снова привлекла его внимание к Делии Гарретт.

— Когда ей стоит начать тужиться?

— О, да когда захочет. Как только начнет выходить головка, вызовите меня принять роды, — распорядился доктор Маколифф, идя к двери.

Он что, уже уходит?

— Наверное, это произойдет довольно скоро, вы не могли бы остаться, доктор?

— Вы же знаете: у нас сейчас врачей в обрез! — бросил он через плечо.

За ним захлопнулась дверь, и в крошечной палате повисла тишина.

Ты — исполняющая обязанности старшей медсестры по отделению, напомнила я себе и выпрямила спину. Меня слегка пошатывало, ноги были как ватные. Утренний ломтик хлеба, запитый какао, давно забылся.

Моя помощница смотрела на меня. Я изобрази-

ла вымученную улыбку.

— Брайди, прости, я забыла отправить тебя пообедать.

— Уверяю вас, я в порядке!

Ладно, по крайней мере, мне разрешили дать Делии Гарретт успокоительное. Я подошла к шкафу с медикаментами, взяла ингалятор и накапала на ватный кончик загубника несколько капель хлороформа.

— Повернитесь на левый бок, миссис Гарретт, зажмите тампон губами и при необходимости вдыхайте.

Она вцепилась в темный загубник и принялась глубоко вдыхать. Я нащупала ее пульс: он не был таким учащенным, как прежде.

Боже, Маколифф не проверил пульс плода своим стетоскопом, и почему я ему не напомнила?! Может быть, если Делия Гарретт не будет сопротивляться, мне удастся измерить его с помощью деревянной трубы.

Но тут у нее началась новая схватка. Глядя, как исказилось ее лицо, я решила, что сейчас важнее помочь ей справиться с болью. Я сильно нажала ей на поясницу обоими кулаками. Как же долго длилась эта минута спазмов — даже для меня, хотя я просто наблюдала со стороны! Я повора-

чивала ее таз из стороны в сторону, словно это был тяжелый механизм. Ожидая, когда пройдет спазм, я вдруг поняла, что сама ни за что бы не смогла вытерпеть такую боль, хотя на нее было обречено большинство женщин во всем мире. Может быть, во мне было нечто уникальное, отчего я всегда стояла в стороне и наблюдала за их страданиями, точно каменный ангел?

Вернись в реальность, Джулия!

Делия Гарретт сообщила, что ее первые два ребенка из нее *выпрыгнули*. Так что лучше мне быть начеку и постараться не допустить разрывов, когда головка младенца начнет быстро опускаться. Тут было невозможно обеспечить роженице какую-никакую приватность, но я по крайней мере могла заранее приготовить все необходимое, в том числе и колыбельку для новорожденного.

— Брайди, сходи, пожалуйста, в родильное отделение и возьми там складную колыбель на колесиках, которая ставится в изножье кровати.

Она умчалась прочь.

— Сестра Джулия!

— Подышите еще хлороформом, — посоветовала я Делии Гарретт и поднесла загубник ингалятора к ее рту. — Вы — молодчина!

В следующую паузу между схватками я снова

вымыла руки и разложила все, что могло мне понадобиться для принятия родов: перчатки в тазике с раствором двуйодной ртути, тампоны, ножницы, шприц с хлороформом и еще один — с морфином, иглодержатель и иглы, хирургические нитки…

Делия Гарретт издала новый звук — тихое рычание.

— Готовы тужиться снова?

Она яростно закивала.

Я забрала у нее ингалятор. Теперь надо было ждать, когда она подаст мне знак.

Тут мне пришло в голову, что в отличие от обычных больничных кроватей в родильном отделении наши походные койки не оборудованы перилами в изножье. А без них мне придется развернуть Делию Гарретт и положить так, чтобы ее голова оказалась с противоположной стороны.

— Вы можете развернуться головой к изножью кровати?

Глядя на меня безумными глазами, она прохрипела:

— И как это поможет?

Я поставила ее подушку вертикально у изголовья.

— Когда начнутся схватки, упритесь ногой в

подушку и тужьтесь, хорошо?

Я отшвырнула в сторону простыни и одеяла. Потом свернула длинное ручное полотенце кольцом и набросила его на стойку железной койки.

— И посильнее тяните за это полотенце…

Делия Гарретт повиновалась, тяжело задышав.

Я задрала ее ночную рубашку и, согнув ей правую ногу в колене, уперла пятку себе в живот, чтобы получше видеть происходящее.

Я не заметила, как Брайди вкатила в палату колыбель на колесиках. Она была белая как полотно: собиралась упасть в обморок, переутомилась или просто волновалась?

Догадывалась ли она, придя сегодня утром в больницу, в какое именно отделение направит ее сестра Люк?

— Спасибо, Брайди. А теперь бегом за доктором Маколиффом.

Она опять пулей выбежала из палаты.

Этот медик еще рассердится, если ему придется стоять около роженицы и терпеливо ждать, схватки за схватками, когда наступит решающая фаза, но уж лучше смириться с его раздражением, чем с долгим отсутствием.

Очередные схватки заставили Делию Гарретт истошно завизжать.

— Лучше глухо стонать, — напомнила я ей, — стоны помогают процессу.

Встав на колени на краю кровати, я наклонилась над Делией Гарретт и прижала бедро к ее пояснице, чтобы у нее был упор в момент потуг. Она сильно обхватила полотенце руками, так что ее кисти казались затянутыми белыми жгутами. Когда она задержала дыхание и начала тужиться, наступила тишина, ничто не могло сравниться с этой тишиной. И я поймала себя на мысли, что ни за что не променяла бы свою работу ни на какую иную.

— Рррр, — это был уже звериный рык.

— А теперь отдохните немного, переведите дыхание, — посоветовала я.

Я нащупала ее пульс и удостоверилась, что пульсовое давление не слишком высокое.

— Обед! — Но я не узнала прозвучавший за моей спиной голос. — Извините, что так поздно.

Я отдернула вниз ночную рубашку Делии Гарретт и, обернувшись к двери, увидела знакомую разносчицу с лиловым родимым пятном, которая держала три подноса с тарелками.

— Не сейчас! — рявкнула я.

— Я просто поставлю их тут… — начала та.

— Оставьте *за дверью*!

В палате не было ни единого свободного места — ни на притолоках шкафов, ни на рабочем столе, а если тарелки с обедом оставить на полу под дверью, на них обязательно кто-нибудь наступит.

Разносчица исчезла.

Подавив раздражение, я обратилась к Делии Гарретт. И увидела в ее глазах боль: близилась очередная волна.

— Прижмите подбородок к груди, — скомандовала я, — напрягите живот и тужьтесь. Упирайтесь ногой в подушку и тяните за полотенце.

Что мне сказала Айта Нунен, когда поступила сюда на прошлой неделе, будучи еще *compos mentis*?[14] Поначалу она меня к себе не подпускала, потому что все прошлые разы, когда она рожала, роды у нее принимала соседка по прозвищу Бабуля. У Бабули, как она выразилась, была легкая рука. А у меня легкая рука?

Меня так и подмывало заметить, что зато я имею три диплома и девятилетний опыт работы в этой больнице. Но благополучный исход поединков с пациентками наполовину зависит от умения акушерки развеять их страхи, поэтому, глядя тогда в воспаленные глаза Айты Нунен, я

---

[14] Примечания: 14

В здравом уме и твердой памяти *(лат.).*

поклялась ей, что у меня тоже очень легкая рука.

Я снова задрала вверх ночную рубашку Делии Гарретт, чтобы получить обзор получше, обхватила левой рукой ее правую ногу и высоко подняла. На сей раз она не проронила ни звука. Только лицо густо покраснело.

Между ляжками, в средоточии ее лиловатого зева виднелась темная кочка.

— Я вижу головку, миссис Гарретт!

Она всхлипнула, и головка исчезла.

— Не надо сейчас тужиться, — предупредила я, — просто дышите, коротко и легко. Как будто задуваете свечи.

Ее промежность набухла и покраснела. Если головка появится слишком рано, то мышцы таза при очередном сокращении могут так сильно на нее надавить, что череп младенца треснет. Я могла нажать на нее снизу, но это создало бы дополнительное давление на тонкую кожу. И я сделала то, чему меня научила сестра Финниган: приложила нижнюю часть правой ладони к анусу Делии Гарретт и подтолкнула невидимую головку вперед, а левой рукой, словно змеей, обвила ее бедро и приблизила ладонь к ее ягодицам, приготовившись ловить…

— Давайте!

Она стала тужиться, и так забилась в моих руках, что я испугалась, как бы она не сломала мне запястья.

Снова увидев макушку в нескольких дюймах от своего лица, я тремя пальцами левой ладони попыталась ухватить покрытый скользким пушком череп и потянуть его наружу.

Делия Гарретт издала отчаянный вопль, словно ее грызли волки. Она била пятками в перекладину кровати.

Я услышала позади топот. Но это была всего лишь Брайди. Увидев Делию Гарретт со свисающей с кровати головой, она так и ахнула.

Темная кочка опять скрылась из вида, всосанная лиловой трясиной. Я постаралась говорить ровным голосом:

— Где доктор Маколифф?

— Прошу прощения, у него медвежья болезнь. Они меня туда не пустили, но послали к нему человека передать вашу просьбу.

Я на секунду закрыла глаза. И заверила себя, что сама прекрасно смогу принять младенца. *Легкая рука.*

Я стала дожидаться новой паузы между схватками. Выставив вперед правую ладонь, согнув пальцы левой, я была готова в любую секунду

схватить головку, скользкую, как омытый дождем голыш на склоне горы.

— И теперь изо всех сил, миссис Гарретт…

— Ааа! — На виске у нее вздулась голубая вена. Делия Гарретт была как ключ, застрявший в замке: раз лязгнул, два лязгнул — и вдруг повернулся…

Она закричала. Забилась и — выплеснула из себя мокрый кулек. Кровь струилась у меня между пальцев. Не только головка появилась, но и ребенок целиком выскочил на простыню.

— Великолепно! — воскликнула я.

Но губы у младенца были темно-вишневого цвета. На коже виднелись синяки, а сама кожа местами шелушилась, точно обожженная солнцем, хотя она еще никогда не видела света. Девочка. Крошечная мертвая девочка.

Я завернула ее в одеяльце для новорожденных. Слишком крупная голова для столь тщедушного тельца. На всякий случай — а вдруг ошиблась? — я похлопала ее по спине.

И подождала.

Мне очень не хотелось этого делать, но все же я еще раз шлепнула ребенка Делии Гарретт.

Потом погладила шелушащуюся кожу. Широкое личико, изящно очерченные веки.

Брайди глядела на безжизненное существо в моих руках.

— А почему он такой…

– *Мертвая*, — произнесла я беззвучно.

Ее лицо словно захлопнулось.

На средней кровати Мэри О'Рахилли привстала на локте, глядя на нас перепуганным взглядом. Она все поняла по выражению наших лиц и отвернулась, зайдясь в мучительном кашле.

— Дай миссис Гарретт ингалятор, Брайди.

Делия Гарретт сделала несколько свистящих вдохов. Мои губы молча задвигались: «Матерь Божья, прими это спящее дитя».

Потом я завернула младенца в пеленку и попросила Брайди принести мне таз. Положила туда спеленатое тельце.

— А теперь, пожалуйста, чистую пеленку.

Я накрыла таз пеленкой. Мои глаза подернулась влагой. Я вытерла их пальцами.

В тесной комнатушке стало нестерпимо тихо. Делия Гарретт, обмякнув, обессилев от схваток, лежала с закрытыми глазами. Я прощупала ей пульс. Не учащенный. Ну, хоть это хорошо.

Она шевельнулась.

— Девочка?

Я собрала волю в кулак.

— Боюсь, мне придется вам сообщить, миссис Гарретт, что она родилась… спящей.

Мать, похоже, не поняла меня.

Тогда я четко произнесла:

— Мертворожденный младенец. Я очень сочувствую вашей утрате.

Делия Гарретт закашлялась так, словно поперхнулась камешком, и зарыдала.

Брайди гладила ее по плечу, по влажным волосам и шептала:

— Шшш… шшш…

Ее поведение нарушало регламент больницы, но она проявила такую инстинктивную нежность, что я ни слова не сказала.

Я перевязала хирургической ниткой торчавшую на два дюйма из животика младенца ярко-голубую пуповину, словно это был живой ребенок. Другой ниткой перевязала вспухшие половые губы Делии Гарретт. И наконец, отмерив от живота младенца полдюйма, отрезала скользкую упругую пуповину.

После чего взяла в руки таз.

— Миссис Гарретт, — прошептала Брайди, — не хотите взглянуть на вашу дочь?

Я замерла. Меня учили уносить мертвого ребенка как можно скорее и затем убеждать мать

побыстрее забыть о ее утрате.

Делия Гарретт зажмурилась и помотала головой. По ее щекам текли слезы. Я унесла накрытый пеленкой таз и поставила его на рабочий стол.

— Брайди, помоги ей, пожалуйста, занять правильное положение в кровати.

В палате стояла гробовая тишина. Я осмотрела других пациенток. Мэри О'Рахилли на соседней койке лежала неподвижно, как статуя, но, судя по тому, как она обхватила себя руками, у нее начались схватки.

— Миссис О'Рахилли, вы в порядке?

Не глядя на меня, она кивнула, словно была смущена тем, что оказалась свидетельницей трагедии другой роженицы. Но ведь в родильном отделении это обычное дело: роженицы всегда лежат, теснясь друг к другу, как монпансье в жестянке, и радость здесь всегда соседствует с печалью…

На кровати у стены Айта Нунен, похоже, все еще спала.

— Миссис Гарретт, мы ждем, когда выйдет послед, поэтому лежите на спине.

Глядя на выражение лица Брайди, я поняла, что она никогда о таком не слышала.

Я вполголоса пояснила:

— Это крупный орган на конце пуповины, благодаря которому ребенок оставался живым.

(Пока жизнь его не покинула.)

Торчавшая из чрева Делии Гарретт пуповина напоминала водоросль, выброшенную прибоем на морской берег. Я слегка прижала ее, наложив стерильную салфетку на разорванную промежность.

Брайди продолжала что-то мурлыкать и гладить безутешную мать, словно та была раненой собакой.

Если верить моим часам, прошло минут пятнадцать. И все эти пятнадцать минут белая салфетка становилась все краснее, а Делия Гарретт, не переставая, плакала. Пятнадцать минут я нажимала на ее живот, чтобы матка сократилась и извергла теперь уже бесполезную плоть. Никто в нашей тесной палате не произнес ни слова. Плацента не выходила из чрева, и матка не сокращалась, не отвердевала и вообще никоим образом не становилась более подвижной. А кровотечение у Делии Гарретт лишь усиливалось.

Но после рождения мертвого младенца нам было предписано ждать еще час. Даже два, если роженице давали хлороформ, который мог замедлить отделение плаценты.

— А вы не можете выдернуть этот канатик? — прошептала Брайди.

Я покачала головой.

И не стала ей говорить, что так можно разорвать матку или даже выдернуть ее целиком. Я видела, как однажды такое произошло с измученной многими беременностями бабушкой сорока семи лет, хотя принимавшая роды сестра Финниган была предельно осторожна, и, всякий раз вспоминая тот случай, я боялась, что меня вырвет.

Локоны Делии Гарретт разметались по подушке. Я приложила тыльную сторону ладони к ее лбу удостовериться, что у нее нет жара. *Дай природе всего один час*, напомнила я себе.

Но у меня было нехорошее предчувствие. В лучшем случае плацента осталась во чреве, а в худшем — приросла к внутренней стенке. Делия Гарретт и так слишком ослабла из-за инфлюэнцы, и чем дольше послед оставался в ней, тем больше шансов у нее было подхватить еще какую-то инфекцию.

Мне надо было дожидаться доктора Маколиффа. Или снова послать туда Брайди, наказав ей без него не возвращаться.

Хотя что мог этот желторотый птенец знать о

женском организме?

По простыне быстро расползалось теплое алое пятно. О боже! Наверное, это вышел обрывок последа, из-за чего немало матерей умерло после родов.

Я сильно надавила на ее живот, чтобы помочь плаценте выйти, и буквально сжимала его, как лимон.

— Давайте, миссис Гарретт, тужьтесь как следует…

И тут из нее вышла вся пуповина с блином на конце — темно-багровым куском плоти.

— Ну вот!

Но моя радость тут же улетучилась, когда я увидела то, чего боялась: половина последа отсутствовала.

А кровь бурно изливалась на простыню, впитываясь в ткань.

Акушерка никогда не рискнет удалять плаценту вручную — только если не дали результата все прочие методы остановки кровотечения и если рядом не оказалось врача, который мог бы проделать эту процедуру. Меня учили в таких случаях сначала прибегнуть к горячему внутриматочному спринцеванию, но я оказалась в безвыходном положении: на это у меня не было времени, и,

стоило мне помедлить еще хоть немного, Делия Гарретт могла умереть от потери крови.

Подойдя к раковине, я принялась так рьяно драить руки, что впившиеся в ладони ногти оставили красные полумесяцы, а карболка буквально жгла кожу. Я чуяла, что смерть с косой стоит за дверью палаты. Она уже забрала младенческую жизнь, так что мы даже не успели это осознать, и не ушла, а отплясывала зловещий танец, сжимая свой череп, точно репу, в костлявых пальцах. Я смыла с рук мыльную пену и натянула резиновые перчатки.

Плечами раздвинув ноги Делии Гарретт, я обмыла ее разорванное влагалище раствором антисептика.

Она дернулась и заскулила.

— Постараюсь как можно быстрее, — пообещала я. — Расставь ей колени, Брайди, пока я извлекаю остаточные фрагменты.

До сих пор я проделывала такое только с апельсином. На третьем году обучения сестра Финниган заставила меня ради тренировки снимать кожуру с большого испанского апельсина.

Я положила левую руку на расслабленный живот пациентки и, нащупав через кожу и мышцы таза шарообразную матку, сжала ее. Потом по-

старалась сместить ее книзу и, удерживая в этом положении, сложила конусом пальцы правой руки и проникла внутрь.

Делия Гарретт буквально взвыла.

Как будто я попала в пещеру позади водопада. Теплые красные потоки омывали мою руку от перчатки до самого локтя. Но я нащупала шейку матки и медленно пробралась еще глубже, не обращая внимания на ее рыдания и судорожное сопротивление.

Брайди держала ее за плечи, прижимая к кровати. Смелая девочка!

Я оказалась внутри. И сразу же поджала кончики пальцев, чтобы не повредить стенки матки. Я была точно опасливый грабитель, неуверенно рыскающий впотьмах.

Делия Гарретт пыталась стиснуть мои руки бедрами, но Брайди неизменно раздвигала их, приговаривая:

— Дайте медсестре Джулии все исправить, это займет всего минуту.

И как она могла обещать такое? Я заблудилась… Я не могла сказать в точности, на что натыкались мои пальцы, затянутые в тонкую резину. Но отступив, я бы позволила Делии Гарретт истечь кровью до смерти.

Вот, основанием сжатой ладони я нащупала нечто знакомое: я не могла ошибиться.

— Хватит! Хватит! — рыдала она.

— Еще минуту.

Я просунула мизинец под ворсинки плаценты, подобралась к месту их соединения с задней стенкой, медленно вложила еще один палец, потом еще — и обхватив жуткий фрукт, стала неуклюже отделять его, словно кожуру с апельсина.

Я поймала себя на том, что умоляю одними губами: «Давай, отделяйся, отцепись же от нее!»

— Прошу вас, сестра!

Но в этот момент я не могла проявить милосердие — сейчас нет!

Брайди прижимала Делию Гарретт к кровати, утешая ее, как мать дочку.

Я не успокоилась, пока не получила то, что хотела. Это все, ничего не осталось? Сжимая комок плоти, ощущая ладонью ее мембраны и скользкую поверхность. Теперь можно вытягивать!

(Меня охватило неуместное веселье.)

Я с трудом извлекла из тугого туннеля свое сокровище, на секунду застряв у выхода…

Но потом высвободилась. Моя сжатая в кулак окровавленная рука упала на простыню.

Делия Гарретт безутешно рыдала.

— Пожалуйста, принеси еще один таз, Брайди!

Я рассмотрела лежащий в тазу послед. С виду это была именно недостающая часть плаценты, но, чтобы быть уверенной, мне следовало на всякий случай еще раз провести осмотр в поисках фрагментов тканей или сгустков крови.

— Миссис Гарретт, мне нужно еще раз очень быстро провести осмотр внутри…

Она так сильно сомкнула колени, что, как мне показалось, у нее кости хрустнули.

— Это необходимо сделать, чтобы исключить опасность заражения, — объяснила я.

Я надела свежие перчатки и раскрыла пакет с марлевым тампоном, пропитанным антисептиком. Я кивнула Брайди, и та снова раздвинула Делии Гарретт колени. Я максимально осторожно ввела руку внутрь.

Она закричала, но на этот раз не стала сопротивляться.

Я протерла стенки матки марлевым тампоном, пытаясь нащупать остаточные фрагменты мембран, на которых могли размножиться бактерии. Хорошо, хорошо, мысленно произнесла я, все чисто.

Я отошла к раковине и сняла перчатки. Потом нагрела на спиртовке немного карболовой

кислоты для спринцевания, потому что горячий раствор лучше останавливал кровотечение. Я искоса взглянула на пациентку, на случай если она собралась умереть на моих руках.

Взобравшись на кровать и встав перед Делией Гарретт на корточки, Брайди держала ее за руку и что-то шептала.

Я взяла простерилизованную спринцовку. Продолговатый резиновый сосуд с мягкими трубками по бокам всегда напоминал мне красного паука с двумя ногами. Я проверила температуру раствора, капнув немного себе на запястье, а потом залила раствор в большую банку. Свежие перчатки.

— Так, миссис Гарретт, сейчас я вам тщательно все промою.

Я опустила входную трубку в банку с раствором и погрузила стеклянный носик спринцовки в шейку матки. Потом сжала грушу, чтобы закачать жидкость внутрь, другой рукой одновременно массируя ее складчатый живот. Из нее начала вытекать розоватая жидкость, разливаясь по простыне и намочив наши с Брайди юбки.

Наконец моя ладонь уловила знакомое ощущение: матка начала сокращаться. Кровотечение прекратилось. Теперь не нужно было давать ей

настойку спорыньи или затыкать ее комком марли. Все кончилось, и я не потеряла мать.

— Кто здесь главный?

Я вздрогнула и обернулась, почему-то почувствовав себя виноватой.

Незнакомка в черном. Должно быть, та самая доктор Линн. Высокий воротничок, галстук — как у мужчины, но в простой юбке, без сестринского фартука. На вид ей было сколько — за сорок? Длинные (с проседью) волосы, завитые и собранные сзади в локоны. Это была та дама в мехах, которую я раньше увидела в окне.

Она внимательно смотрела на нас с Брайди, перемазанных кровью, стоявших возле развороченной Делии Гарретт. Потом перевела взгляд на пустую колыбель. Потом повернулась и заметила прикрытый простынкой таз.

II
Коричневый

Завершив под тихие всхлипывания Делии Гарретт свой краткий отчет, я заметила, что за окном смеркалось: осеннее солнце начало закатываться. Я подошла к выключателю и зажгла яркую потолочную лампу.

— Спасибо, сестра.

Доктор Линн не произнесла еще ни одного укоризненного слова.

Я была смущена видом своих окровавленных манжет, которые уже стали коричневыми. Отстегнув, я бросила их в корзину с грязным бельем, обмыла руки и нашла пару чистых манжет.

Брайди после бурных событий последнего часа жалась в уголке с отрешенным видом.

Подняв очочки на переносицу, доктор Линн изучила медицинскую карту Делии Гарретт, потом что-то дописала внизу.

Я понимала, что от последствий неудачных родов никуда не деться, но мне не хотелось оказаться между врачом и пациенткой. Во всяком случае, я могла лишь отодвинуть от кровати пу-

стую колыбель, которая торчала там как немой укор мне. Я подкатила ее — одно колесико скрипело — к рабочему столу старшей медсестры отделения (сегодня это был *мой* стол, и я была ответственна за все, здесь происходившее).

— Соболезную вашей утрате, миссис Гарретт, — сказала доктор Линн.

Всхлип.

(Разве я виновата в том, что она родила мертвого ребенка? Мне не хватало воздуха, я мечтала как можно скорее выбежать из душной палаты.)

— Судя по внешним признакам, сердце у вашей дочурки перестало биться несколько часов назад, скорее всего, по причине вашей инфлюэнцы.

Из слов врача следовало, что ребенок умер вовсе не по моей вине. Но я все равно пала духом при мысли, что утром, покуда Делия Гарретт превозмогала боль, листала свой журнал, дремала и поедала украденную сосиску, ее младенец уже погиб.

— Но другой врач… доктор Прендергаст… уверял, что мое состояние хорошее, — произнесла Делия Гарретт.

Доктор Линн печально кивнула.

— Мы установили, что инфлюэнца даже в слабой форме представляет опасность для плода или

может вызвать преждевременные роды.

Снова рыдания.

— Я бы не смогла спасти вашу дочь, даже если бы находилась здесь, — продолжала доктор Линн тихим голосом, — но тем не менее вам нельзя было рожать в отсутствие врача. А теперь вам надо поспать, пока мы будем вас мыть.

Плачущая мать никак на это не отреагировала.

Доктор Линн обернулась ко мне, но я уже достала банку с хлороформом.

Покуда доктор дезинфицировала свои узловатые пальцы, я прижала к спутанным волосам Делии Гарретт толстую маску и накапала анестетик. В считаные секунды пациентка уснула.

— Прошу прощения, сестра, — пробормотала доктор Линн. — Телеграмма из канцелярии главного врача сегодня утром шла до меня несколько часов, я была не дома, а во временной клинике для больных инфлюэнцей, которую организовала.

Эта дама в дорогих мехах, подумала я, ни дать ни взять — сердобольная благодетельница. Впрочем, нет, вид у нее был достаточно серьезный, и скорее всего, помощь больным была для нее истинной страстью. К тому же я чуть не забыла, что она была еще и активной участницей восста-

ния — и ее депортировали из страны за участие в вооруженном мятеже, хотя по ней этого никак нельзя было сказать. Я не понимала, что за птица эта доктор Линн. И кроме того, по какой причине опытный врач общей практики вроде нее стал бы временно замещать акушера?

Я вымыла руки, сняла с полки поднос с инструментами, вставила длинную изогнутую иглу в иглодержатель и вдела в нее хирургическую нить.

Доктор Линн раздвинула Делии Гарретт колени и осторожно ощупала пальцами разрывы.

— Боже мой, большая голова ребенка нанесла такие увечья — и все напрасно.

Я невольно подумала: есть ли у нее вообще опыт в том, что она сейчас собиралась делать?

— Вы занимаетесь частной практикой, доктор?

Ее умный взгляд впился в меня, тонкие губы сложились в едва заметную улыбку.

— Хотите спросить, медсестра Пауэр, достаточно ли я квалифицирована, чтобы восстановить травмированное влагалище?

Я шумно сглотнула.

— Акушерство — одна из сфер моих особых интересов наряду с офтальмологией и психиатрией. Вас, должно быть, успокоит тот факт, что я

сертифицированная акушерка, с опытом работы в нескольких родильных отделениях.

Я кивнула, сгорая от стыда.

Стоявшую у стены Брайди наша беседа, похоже, забавляла.

Я накапала раствор карболовой кислоты на промежность спящей женщины и протерла льняной паклей.

— Почему не ватой?

— Не хватает, — пояснила я.

Доктор Линн кивнула.

— Досадно, что разрыв доходит до ануса, у повторнорожавших такое случается довольно редко.

— Я пыталась удержать промежность от разрыва…

— О, я вас не критикую, — заметила она, не глядя на меня. — Я не люблю прямо говорить пациенткам, что они оказались в критической ситуации, но, честно говоря, если бы вы не проявили инициативу, дело обернулось бы совсем скверно.

Теперь Брайди улыбнулась мне.

У меня зарделись щеки. Бог свидетель, я не напрашивалась на похвалу.

Доктор Линн взяла у меня иглодержатель.

— Шелковых нет? Они лучше держат шов.

— Боюсь, шелковые у нас закончились несколько недель назад.

Она наложила первый шов.

— Давно вы на смене?

— Э-э… с семи утра.

— Без перерыва?

— Все в полном порядке.

Доктор Линн шила очень тщательно. Но разрывы у Делии Гарретт были настолько серьезные, что я даже засомневалась, будет ли она когда-нибудь снова чувствовать себя нормально.

— Брайди, можешь сходить еще раз к холодильнику — помнишь, в кладовой? — и принести замороженный ватный тампон?

Она выбежала из палаты.

Доктор Линн обрезала последнюю нитку.

— Так, готово. Во всяком случае, «кошачьи кишки» со временем растворяются, так что миссис Гарретт не нужно будет снова приходить сюда снимать швы и опять вспоминать о случившемся.

Оценив ее глубокомыслие, я еще раз продезинфицировала наложенные Делии Гарретт швы и натянула простыню до талии.

Вымыв руки, доктор Линн полностью распах-

нула верхнюю фрамугу.

— Не допускайте здесь духоты. Побольше свежего воздуха!

— Хорошо, доктор.

Я черкнула записочку в канцелярию главного врача с просьбой позвонить мистеру Гарретту и сунула ее в кармашек фартука.

Доктор Линн взяла Мэри О'Рахилли за руку, как подружку, с которой она пришла на вечеринку.

— А кто у нас здесь?

— Миссис О'Рахилли, семнадцать лет, первородящая. Схватки продолжаются пару дней, но с перерывом в двадцать минут.

— Мне сие не очень нравится.

Она произнесла это таким озабоченным тоном, что из глаз Мэри О'Рахилли покатились слезы, и она закашлялась.

Я сняла медицинскую карту со стены позади ее кровати, и расшатавшийся гвоздь вывалился на пол.

— Простите! — Передав врачу карту, я бросилась поднимать гвоздь и вспомнила о своих часах, на которых надо было поставить новую скорбную отметку.

Отвернувшись от врача, которая беседовала с Мэри О'Рахилли, я выудила из кармана увеси-

стый диск и нацарапала на серебряной крышке новую закорючку. Но на сей раз не О, как обычно, а короткую черточку в память о мертворожденном младенце Делии Гарретт.

Брайди стояла рядом и внимательно смотрела на меня. Я опустила часы в кармашек и вставила гвоздь обратно в стену.

Она протянула мне какой-то комок. Не замороженную вату, которую я просила принести.

— Это влажный мох в муслиновом лоскуте, медсестра сказала, что и он прекрасно подойдет.

Другими словами, ничего другого у них не было. Вздохнув, я взяла смятый лоскут муслина.

Делия Гарретт все еще лежала без сознания, но на случай, если она могла в забытьи меня услышать, я все же сказала:

— Сейчас мы наложим повязку.

Я положила между ее ног охлажденный компресс, сложенный в форме колбаски, и прикрепила английской булавкой к нижней части широкого бандажного ремня. Потом туго затянула все три его ремешка.

— А это зачем?

— Поддержать травмированную промежность, — объяснила я Брайди. — Ты не могла бы отнести эту записку в канцелярию на третий

этаж?

Прилежная Брайди чуть не вырвала у меня из рук бумажку.

Делия Гарретт тихонько застонала.

Пока она не проснулась, мне нужно было унести мертвого младенца с глаз долой. Подойдя к узкой притолоке шкафа, я сняла с полки пустую обувную коробку — они стояли стопкой на самом верху. Расстелила вощеную бумагу, сняла с таза пеленку и подняла завернутый трупик. Положила его на вощеную бумагу и аккуратно, как могла, сделала сверток и опустила в коробку. Руки у меня дрожали, когда я накрывала коробку крышкой. Я завернула коробку оберточной бумагой и туго перевязала бечевкой, как почтовую бандероль — никто не хотел бы получить такую.

Оформлять свидетельство рождения или смерти не было нужды. В юридическом смысле не произошло никакого события. На коробке я написала: «Гарретт, 31 октября».

Я надеялась, что на следующий день мистер Гарретт придет за коробкой. Хотя встречались отцы, не желавшие заниматься такими делами, и тогда главная медсестра ждала, когда соберется несколько коробок, чтобы отправить их на кладбище.

Доктор Линн пальпировала живот Мэри О'Рахилли и прослушивала стетоскопом.

— На этой стадии рекомендую вам покой, миссис О'Рахилли. Я попрошу медсестру Пауэр дать вам снотворное. Так и время пройдет быстрее, и вы сможете восстановить силы.

Она подошла к моему рабочему столу и распорядилась:

— Хлорал! Он поспособствует раскрытию шейки матки. Но только не хлороформ, поскольку мы не хотим подавлять эти ранние сокращения.

Кивнув, я записала назначение.

Она вполголоса добавила:

— Меня немного беспокоит, что у нее процесс протекает не слишком быстро. Малорослая и, конечно, плохо питалась. Будь я властелином мира, я бы вообще запретила рожать до двадцатилетнего возраста.

Я зауважала доктора Линн за такое смелое заявление.

Мэри О'Рахилли безропотно приняла снотворное.

Вернулась Брайди.

Я вручила ей обувную коробку.

— Теперь, будь добра, отнеси это в морг — он находится в подвале.

— А что там?

— Туда поступают умершие, — шепнула я.

Брайди с ужасом взглянула на коробку, которую держала в руках, только сейчас осознав, что это.

— Ты в порядке? — спросила я.

Возможно, я чересчур многого требовала от неопытной девушки. «Почти двадцать два», — сказала она. Может быть, у нее были свои причины дать мне такой расплывчатый ответ, а может, она просто не знала точно свой возраст?

— В порядке, — ответила Брайди.

Смахнула со лба медно-рыжий локон и умчалась.

— Какая энергичная у вас помощница, — заметила доктор Линн.

— И правда.

— Практикантка?

— Нет, обычная волонтерка.

Мэри О'Рахилли уже засыпала. Зато зашевелилась Айта Нунен и задышала с отчетливо слышным клекотом. Доктор Линн взяла ее за запястье, и я тотчас подбежала с термометром в руке.

— Как вы себя чувствуете, миссис Нунен?

В ответ она выпустила пулеметную очередь кашля, но при этом улыбнулась.

— Просто прелестно! Не обращайте внимания на воск!

— Шесть дней держится жар, — пробормотала доктор Линн. — Она поступила к вам с флебитом на одной ноге?

Я кивнула.

— Она сказала, что нога опухла и побелела после последних родов. И все это время оставалась холодной и твердой.

Температура у Айты Нунен опустилась почти на градус, но доктор Линн сообщила, что пульс и дыхание участились. Она приставила мембрану стетоскопа к впалой груди пациентки.

— Хм… В обычных обстоятельствах я бы срочно направила ее на рентгенографию, но там сейчас выстроилась очередь на полкоридора.

Я попыталась припомнить, когда все у нас было более или менее нормально — прошлым летом?

— В любом случае, — добавила врач, — рентгенограмма показала бы, насколько поражены ее легкие, а не как их очистить.

Айта Нунен обратилась к ней с подчеркнутой учтивостью:

— Вы останетесь на танцы?

— Непременно останусь, спасибо, миссис Нунен.

Опять повернувшись ко мне, доктор Линн заметила:

— Ее левая рука слегка трясется. При этой инфлюэнце такое бывает. У нее голова не кружится?

— Мне так показалось, когда я водила ее в туалет.

Доктор Линн добавила запись в ее медкарте.

— Как же это мучительно, не иметь возможности получать точные ответы от бредящей пациентки, правда? Ведь каждый симптом — это слово на языке болезни, и иногда мы не можем четко расслышать эти слова.

— Но даже если и можем их расслышать, — невольно отозвалась я, — мы не всегда способны понять фразу целиком.

Она кивнула:

— И потому мы пресекаем их бессвязную болтовню и стараемся вытянуть из них отдельные слова.

— Может быть, дать миссис Нунен еще порцию горячего виски? Доктор Прендергаст посоветовал воздержаться от аспирина.

— Боюсь, он прав. А у хинина и каломеля есть нежелательные побочные действия. Такое впечатление, что для больных инфлюэнцей алкоголь

— самое безопасное средство.

— Доктор Линн! Вы нужны в женской хирургии!

В дверях стояла незнакомая мне младшая медсестра.

Врач встала и передвинула очки на переносицу:

— Уже иду! — И бросила мне через плечо: — Я пришлю священника переговорить с миссис Гарретт.

— Можно ей тоже дать виски — для облегчения послеродовых болей и симптомов инфлюэнцы?

— Конечно! Со всеми этими пациентками, медсестра Пауэр, поступайте по своему усмотрению.

Ее слова меня немало изумили.

— Вы хотите сказать… я могу давать им лекарства без предписания врача?

Если я неверно ее поняла, то могла потерять работу за самоуправство.

Но доктор Линн нетерпеливо кивнула:

— Меня сегодня заставляют бегать чуть ли не по всем отделениям больницы, а вы, как я вижу, вполне компетентны, так что да, я разрешаю вам давать пациентам алкоголь, или хлороформ, или морфин от сильных болей.

Это был возмутительно вольный протокол, но

я испытывала к ней благодарность за то, что она развязала мне руки.

Влетев в палату, Брайди, немного запыхавшаяся, с испариной, блестящей на веснушчатых скулах, едва не столкнулась с доктором Линн. Она что, взбегала по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки?

— Отдышитесь, дорогая, — посоветовала доктор Линн.

— Да все в порядке. Чем еще могу вам помочь, медсестра Пауэр?

Я попросила ее сбросить в мусоросжигатель сверток с растерзанным последом Делии Гарретт и унести в прачечную ворох окровавленных простынок.

Обводя взглядом свои скудные владения, я заметила кастрюльку, в которой разбился термометр. Я аккуратно слила остывшую воду в раковину, оставив на дне крошечные осколки и ртутные шарики. Сложив из клочка газетного листа фунтик, я стряхнула туда стекло и ртуть.

Вернувшаяся Брайди застала меня за этим занятием.

— Какая же я дура — разбила его!

— Это не твоя вина. Мне следовало заранее тебя предупредить, что в кипящей воде ртуть расши-

ряется и от этого стекло может лопнуть.

Она горестно покачала головой.

— Мне и самой нужно было догадаться.

— Если урок не выучен, вини ученика, Брайди. Но если урок преподан плохо или вообще не преподан — вини учителя.

Она печально улыбнулась:

— Значит, я теперь ученица? Дожили!

Я завернула газетный фунтик в оберточную бумагу и сказала:

— Боюсь, я сейчас плохой учитель.

— Немудрено, когда сейчас везде полная жопа.

Брайди произнесла эту фразу сквозь зубы, словно боялась покоробить мой слух.

А я только улыбнулась, услыхав от нее любимую присказку Тима.

Делия Гарретт, все еще без сознания, корчилась на подушках.

Брайди кивнула на нее.

— Она бы истекла кровью до смерти, если бы вы не вытащили из нее тот кусок, это имела в виду доктор?

Я поморщилась.

— Да кто ж его знает?

Ее голубые глаза засияли как звездочки.

— Никогда еще такого не видела!

Благоговейное восхищение девушки легло мне на душу тяжким бременем. Ведь если бы моя рука чуть дрогнула, я могла бы нанести Делии Гарретт такое увечье, от которого она или осталась бы бесплодной на всю жизнь, или вообще умерла. Я не знала ни одной медсестры, на чьей совести не было ни одной ошибки.

А Брайди продолжала бормотать, словно разговаривала сама с собой:

— Думаю, ей повезло.

В смысле — что ей это выгодно? Но я не могла взять в толк, каким образом это может быть выгодно семейству Гарретт. И переспросила:

— Повезло в каком смысле?

— Что у них не будет.

До меня не сразу дошел смысл сказанного.

— Не будет ребенка?

Брайди выдохнула.

— Ну… В итоге-то от них одни печали.

Я просто потеряла дар речи. Как у этой юной женщины смогли сформироваться столь искаженные представления о важнейшем предназначении человечества?

— Она же сама нас уверяла, — понизив голос, продолжала Брайди, — что не хочет рожать третьего!

— Но ее сердце все равно не перестанет разрываться от горя, — решительно возразила я и взглянула на сверток с осколками стекла и шариками ртути: я буквально заставила себя вернуться к практическим вещам. И задумалась, не возникнут ли в мусоросжигательном желобе ядовитые испарения.

Я попросила Брайди вынести сверток из больницы и выбросить его в ближайший мусорный бак.

— А потом сходи перекуси, — добавила я. — Пора тебе пообедать, точнее сказать, поужинать.

Во время напряженной смены меня редко посещал голод, будто кто-то отключал потребности моего организма. В разгар событий в палате я готова была отослать разносчицу с родимым пятном обратно на кухню.

— Скажи-ка, Брайди, за дверью все еще стоят подносы?

Она покачала головой.

— Их, наверное, кто-то унес.

Совесть не позволяла посылать за разносчицей, когда у персонала на кухне и так дел было по горло.

— Вот что, Брайди, можешь сначала сходить в столовую и принести всем поесть?

Она отложила сверток с осколками и дотронулась ладонями до головы — теперь ее волосы торчали, как растрепанный моток проволоки. Она достала подаренной мной гребень и кое-как расчесалась.

— Иди-иди, ты выглядишь отлично.

Она убежала.

Странное существо эта Брайди Суини, но при том она словно родилась для работы в больнице.

В палате стало тихо.

Мой фартук был весь в пятнах, и я сменила его на новый. Я разгладила фартук на своем плоском животе, который тотчас заурчал. Моя смена продолжалась, и я держалась изо всех сил.

Делия Гарретт заморгала, приходя в себя. Она перевернулась на бок, как будто собиралась…

Я схватила с полки тазик и простынку и успела вовремя поймать то, что она извергла из себя.

Когда ее перестало рвать, я обтерла ей губы.

— Такое часто случается после хлороформа, миссис Гарретт, — пояснила я, — вы очищаете организм.

Я заметила, как она что-то вспомнила — ее словно ударили кулаком в лицо. Она начала рыскать взглядом по сторонам.

— Где она? Что вы с ней сделали?

Что она хотела? Увидеть личико своей дочки? И я начала себя корить за то, что не настояла тогда на этом. А если бы она еще больше расстроилась при виде безжизненных исчерна-синих губ ребенка?

— Она отправилась на Делянку ангелов[15], — сообщила я.

— Что? — хрипло воскликнула женщина.

— Так называется особый участок на кладбище.

(Как описать место массового захоронения?)

И я стала импровизировать:

— Там красиво. Травка, повсюду цветы.

Круглые щеки Делии Гарретт были покрыты высохшими солеными ручейки.

— И что я скажу Биллу?

— Вашему мужу уже позвонили и все объяснили.

(Как будто такие вещи можно объяснить.)

Я взяла чистую салфетку, чтобы обтереть следы рвоты.

— А теперь давайте сядем. Давайте, миссис Гарретт, так вам будет удобнее.

Мне не хотелось прямо говорить, что ей это

---

[15] Примечания: 15

Участок на кладбище Гласневин в Дублине, где хоронили мертвых младенцев.

необходимо, чтобы ее матка успокоилась. Мне пришлось усадить ее и привалить к подушкам.

Частота пульса и давление снизились до нормы: теперь, когда ее тело освободилось от бремени, кровь в ее сосудах бежала как обычно. Я проверила компресс в ее промежности: кровотечение было совсем слабым. В состоянии Делии Гарретт меня беспокоили ее кашель и разрыв влагалища, вызванный головой ребенка. И смерть ребенка. После девяти месяцев мать осталась ни с чем.

Я опасалась, что виски повредит ее ослабшему желудку, и заварила ей чашку чаю, крепче обычного, с тремя кусочками сахара, чтобы умерить пережитый шок, и еще я положила на блюдце два печеньица.

Делия Гарретт отпила чаю, и по ее щекам опять заструились слезы, добегавшие до уголков рта.

Я предложила ей печенье.

Не глядя, она нащупала одно.

В палате было тихо, как во время чаепития, когда разговор сам собою угас.

Айта Нунен на левой кровати вдруг задрыгала обеими ногами, отчего я подскочила. Она села, оглядевшись по сторонам и облизав губы, потом наморщила нос, точно почуяла неприятный запах. Это могло быть последствием ее состояния

— бред нередко вызывал обонятельные галлюцинации, а также слуховые и зрительные.

— Хотите пить, миссис Нунен?

Я протянула чашку-поильник, но Айта Нунен, похоже, не поняла, что это такое. Когда же я прижала чашку к ее губам, она резко отвернула пунцовое лицо. Я обернула мокрыми полотенцами ей шею, чтобы немного охладить кожу. Но она швырнула их на пол и юркнула под одеяло. Я нащупала ее запястье, чтобы измерить пульс, но она выдернула руку и сунула себе под спину.

Позади меня раздался громкий шорох: это Брайди с тяжелым подносом в руках, пятясь, вошла в палату. Я поспешила расчистить место на рабочем столе.

Две тарелки с чем-то тушеным, белесые куски, похожие на опрокинутые вверх дном лодки, горка мятой капусты и пюре, пахнущее турнепсом. Ломоть хлеба из муки грубого помола, намазанный маргарином. Два ломтя пирога с, как я предположила, крольчатиной, и мисочка чернослива.

— Смотрите, — радостно заявила Брайди, — тут даже ломтики курятины!

Мне они показались желеобразными — ясное дело, консервы.

— И жареная рыба!

Но тут ее лицо осунулось.

— Правда, кто-то из поваров сказал, что так можно заразиться гриппом.

— Каким образом? Через рыбу? — спросила я.

Она утвердительно кивнула.

— Если рыба питалась трупами солдат.

— Но это просто чушь, Брайди!

— Точно?

— Я на сто процентов уверена! — заверила я ее.

Она усмехнулась.

— Что смешного?

— Вы не можете быть уверены на сто процентов. Потому что никто точно не знает, откуда этот грипп, ведь так?

— Тогда на девяносто пять процентов! — запальчиво воскликнула я.

Под тарелками я обнаружила лист бумаги с надписью — краска на нем еще не высохла.

СОБЛЮДАЙТЕ ЧИСТОТУ, НАХОДИТЕСЬ В ТЕПЛЕ, ПИТАЙТЕСЬ ПРАВИЛЬНО, НО СТАРАЙТЕСЬ ПОТРЕБЛЯТЬ ГОРЮЧЕЕ И ПИЩУ УМЕРЕННО.

ЛОЖИТЕСЬ СПАТЬ ПОРАНЬШЕ, ПРОВЕТРИВАЙТЕ

ПОМЕЩЕНИЯ, НО НЕ УСТРАИВАЙТЕ СКВОЗНЯКОВ.

СВЕЖИЙ ВОЗДУХ И ЧИСТЫЕ ПОЛЫ – ВОТ СПАСЕНИЕ СТРАНЫ!

Этот парадоксальный совет заставил меня криво улыбнуться: автор текста явно хотел смутить и того, кто сжигал чуть больше газа ради здоровья, и того, кто сжигал чуть меньше ради экономии. Мне самой уже становилось стыдно, когда я отказывала себе в маленьких удовольствиях: ведь другим сейчас куда хуже! Задымленный воздух, которым мы дышали каждый день, был буквально пропитан чувством вины.

Меня умиляла неутомимая Брайди, поедавшая пирог с крольчатиной с таким благодарным выражением лица, словно ее пригласили в ресторан отеля «Ритц».

Я заставила себя запустить ложку в жаркое. Одна ложка. Другая. Министерство продовольствия заявляло, будто в реальности питательность нашего рациона с начала войны улучшилась: стало больше овощей, меньше сахара. Ну а что они еще могли говорить…

Я рассказала Брайди, что до войны у нас был часовой перерыв, который мы проводили в сто-

ловой для медсестер.

Она изумилась:

— Целый час отдыха?

— Мы там читали вслух новости, вязали, пели и даже танцевали под граммофон.

— Танцы!

— Ну, не надо переоценивать. Мы не выпивали, не курили, даже после смены.

— Все равно весело.

— Называй меня Джулия, если хочешь.

Я сама удивилась своим словам, произнесенным почти шепотом. И добавила:

— Только не в присутствии пациентов.

Брайди кивнула и тихо повторила:

— Джулия.

— Извини, если я иногда бываю с тобой резкой.

— Вы… ты не бываешь.

— У меня характер не сахар, — призналась я вполголоса. — Испортился, как начался этот грипп. Я стала немного омертвелая.

— Ты не можешь немного умереть, — возразила она. — Если ты еще не в земле, то ты *на сто процентов* жива.

Я невесело ей улыбнулась.

Брайди покосилась на Мэри О'Рахилли — удо-

стовериться, что та спит, а Айта Нунен и Делия Гарретт не подслушивают, — и зашептала:

— Внизу в столовой я слыхала разговор о том, как один парень свихнулся от гриппа и убил жену и детей.

— Похоже на выдумку, — заметила я (надеюсь, что это так). — Хотя были случаи, когда жертвы инфлюэнцы так настрадались от болезни, что кончали с собой…

Она перекрестилась.

— …Например, один мужчина вышел купить лекарства для себя и своей семьи, решил срезать путь через парк и пошел мимо пруда… Так потом констебли нашли его труп в пруду с лебедями.

— Утонул? — выдохнула испуганно Брайди.

— Или просто тронулся рассудком. А может, у него был сильный жар, и он решил охладиться… Или споткнулся и случайно упал в воду.

Она посмотрела на Айту Нунен.

— За этой твоей с высокой температурой нужен глаз да глаз.

— О, я никогда не оставляю ни острых предметов, ни бинтов рядом с бредящими пациентками.

Ровный лоб Брайди избороздили морщинки.

— А в чем опасность бинтов?

Я жестом продемонстрировала, как бинтом можно обмотать шею.

— О…

Я не стала рассказывать Брайди о девочке, которая чуть не до смерти задушила себя бандажом в туалете, хорошо, сестра Финниган ее там обнаружила. Сильного жара у нее не было, просто девочку охватило отчаяние: в свои двенадцать лет она была на седьмом месяце. Причем, судя по ее отрывочным намекам, мы подозревали, что с ней это сделал родной отец.

Стоя рядом с левой кроватью, Брайди пристально смотрела на Айту Нунен.

— Синюшные, — пробормотала она.

— Что?

— Ее ногти. Это то, о чем ты мне говорила: красный, коричневый, синий, черный?

Я поспешила к кровати. Кожа под ногтями у Айты Нунен и впрямь потемнела, что могло говорить о прогрессирующем цианозе, но отекшее лицо по-прежнему оставалось пунцовым. Меня, правда, встревожила ее свистящая одышка: точно воздух оказался заперт в волынке, тщетно растягивая кожу и не находя выхода. Я сосчитала вдохи и выдохи: тридцать шесть в минуту, то есть сердце и легкие работали на пределе воз-

можностей. Она мне напоминала пыхтящего гребца, изо всех сил старающегося догрести до берега. Пациентку бил озноб, и я, укутав ее платком, накрыла вторым одеялом. Пульс участился до ста четырех ударов, но пульсовое давление, по-моему, ослабло.

— У вас кружится голова, миссис Нунен?

Она пробурчала что-то невразумительное.

Чтобы снизить ей давление, надо было бы поднять ноги на изножье кровати, но такое положение тела представляло опасность для ее застойных легких. Я лихорадочно пыталась найти выход из сложившейся ситуации. И ничего не предпринимала. Просто смотрела и ждала.

В дверь постучали. Отец Ксавье: у священника было приятное морщинистое лицо, которое могло принадлежать мужчине любого возраста от пятидесяти до ста лет.

— Сестра Пауэр, у вас лежит миссис Гарретт?

Доктор Линн прислала не того. Я кивнула на ее кровать.

— Но она протестантка, отец.

Делия Гарретт сползла с подушек и лежала с мертвенно-бледным лицом, рядом с ней на крохотной тумбочке остывал чай, печеньице размокло в блюдце.

Священник кивнул.

— Боюсь, преподобный слег с гриппом, так что сегодня здесь только я, и для католиков, и для протестантов. Но, как говорят, в темноте все кошки серы.

— Отец Ксавье, — пояснила я Брайди, — служил тут католическим капелланом, пока не ушел в отставку, и его сменил отец Доминик.

— Только на прошлой неделе отец Доминик заболел гриппом, — продолжал священник, — так что меня попросили временно его замещать.

Я втиснула для него стул рядом с кроватью Делии Гарретт.

— Извините, отец, у нас очень тесно.

— Не важно. У меня тело деревенеет, если я долго сижу.

Он сел, прислонившись к стене.

— Миссис Гарретт, я замещаю коллегу из церкви Ирландии, так как он неважно себя чувствует, если вы не возражаете?

Ее прикрытые веки даже не дрогнули. Спит или просто его игнорирует?

Он наклонился над ней.

— Я сожалею о вашем горе.

Никакой реакции.

— Я полагаю, христиане любого исповедания

могут прийти к согласию, по крайней мере на почве надежды, что Господь в своей бесконечной милости дарует спасение тем, кто почил во чреве матери и не был крещен не по своей вине.

Делия Гарретт сотряслась от рыдания, которое перешло в мучительный кашель. Я понимала, что им двигали самые лучшие побуждения, но, по-моему, надо было просто оставить ее в покое.

— Ведь Иисус призвал всех детей прийти к нему. Так что вы теперь должны вверить свою малютку доброй заботе Господа и ангелов-хранителей.

Она, должно быть, услышала, потому что сразу отвернулась.

Старик выпрямился и скорбно добавил:

— А теперь отдыхайте.

Подойдя к рабочему столу, он спросил:

— У вас новая ассистентка, медсестра Пауэр?

— Я вроде прислуги, — сообщила Брайди, прежде чем я успела ответить. — Подменяю, как и вы.

Он взглянул на меня и мотнул головой в ее сторону.

— Вижу, она за словом в карман не лезет.

— Мне ли этого не знать, отец.

Священник чихнул и утер крупный красный нос платком.

— Вы простыли? — спросила я.

— У меня грипп в легкой форме.

— Если я чем-то смогу…

Я приложила тыльную сторону ладони к его лбу. Горячий.

— Вам бы лучше лечь в постель, отец, на всякий случай.

— Ах, я бы предпочел переболеть на ногах. Я же могу понадобиться в инфекционных отделениях.

— Но вам не стоит перенапрягаться, учитывая ваш…

Его кустистые брови взметнулись вверх.

— Учитывая мой возраст, юная леди, но какое это будет иметь значение для мироздания, если я умру сегодня ночью?

Брайди тихонько фыркнула.

Отец Ксавье подмигнул ей.

— Со мной все будет прекрасно. Я слышал, старики справляются с этим гриппом куда лучше молодежи.

— Ну, как правило, — осторожно заметила я.

— Пути Господни неисповедимы, — беззаботно изрек священник.

Делия Гарретт открыла глаза и глазами проводила его из палаты. Выглядела она опустошенной.

У меня сердце разрывалось от ее вида.

— Хотите горячего виски, миссис Гарретт?

Едва я передала ей чашку, как она залпом ее осушила. Откинулась на подушки и прикрыла веки.

В палате снова стало тихо. Появилась редкая возможность хоть немного перевести дух после того, как я весь день носилась, словно белка в колесе.

Я смотрела на скрючившуюся под одеялом Айту Нунен. То ли ей приподнять голову, чтобы облегчить дыхание, то ли ноги, чтобы снизить пульсовое давление? А если оставить лежать плашмя — будет ли так для нее лучше или совсем не лучше, учитывая все ее недуги. И то правда: каждый симптом — слово на языке болезни, но что делать, если я их не слышу, не различаю?

Брайди принялась протирать пол шваброй, хотя я ее даже не просила. Эта девушка обладала просто безграничной работоспособностью. Я ее поблагодарила.

— Да не за что, Джулия!

Она произнесла мое имя немного робко, словно пробовала на язык.

За окнами стемнело: отгорел последний дневной луч.

— Ненавижу осенние вечера, — пробормотала Брайди.

— Правда?

— Когда наступает ночь и тебе пора в постель, а ты не можешь уснуть, как ни стараешься. И проклинаешь все на свете, потому что утром будет невмоготу подниматься по будильнику.

Такой жизни не позавидуешь, подумала я и решила, что семейство Суини едва сводит концы с концами. Интересно, родители с ней грубы?

Раздался глухой удар, точно упало что-то тяжелое.

Я взглянула на койку слева: она была пуста, только простыни взметнулись волной.

Я обежала вокруг кровати, где лежала Мэри О'Рахилли, больно ударившись голенью о металлическую ножку.

Айта Нунен привалилась спиной к плинтусу, закатив глаза и беспомощно дрыгая руками, точно плавниками. Ее ноги увязли в одеялах. Падая, она ударилась головой об угол прикроватной тумбочки.

— Господи боже мой! — воскликнула Брайди.

Я не поняла, дышит ли Айта Нунен. От ее промежности ударил смрад испражнений. Встав на колени, я подложила ей под голову подушку. И

тут ее рука огрела меня по груди.

— Может, сунуть ей в рот ложку? — предложила Брайди.

— Нет, — возразила я, — ложка может сломать ей зубы. Дай еще подушек!

Топот. Брайди принялась шумно шарить по полкам комода.

Я беспомощно стояла на коленях, а Айта Нунен билась в конвульсиях. Из уголка ее рта сочилась розоватая пена. Мне нужно было перевернуть ее на бок, чтобы она не захлебнулась, но это было невозможно: она застряла в узком проеме между кроватью и тумбочкой. Ее ноги, запутавшиеся в одеялах, так и остались на кровати.

Мне вспомнилась детская молитва: «Дева Мария, Пресвятая Богородица, молись за нас, грешных, ныне и присно…»

Брайди бросила мне в руки три подушки.

Но тут Айта Нунен обмякла. У нее не было сил пошевелиться.

Я отерла ей рот фартуком, нагнулась и прикоснулась щекой к ее губам.

— Что ты делаешь?

— Шшшш!

Я подождала. Но не ощущала ее дыхания, вообще ничего.

— Помоги мне ее перевернуть лицом вниз.

— Прямо на полу?

Разговаривая со мной, Брайди одновременно расправляла скомканные простыни, наконец высвободила голени Айты Нунен, и обе ее ноги упали на пол — белая распухшая и тощая.

Мы уложили ее плашмя, прижав одну щеку к половицам. Мне бы следовало сесть рядом с ее головой, но места не было совсем. Я начала сильно нажимать ей на спину, стараясь запустить легкие. Потом широко расставила ноги и, нависнув над ней и заложив ее руки с пожелтевшими ногтями ей под лицо, притянула к себе оба локтя, чтобы расширить область грудины. Дергая за локти, я одновременно стала нажимать на ее ребра сзади. Дернула — нажала, дернула — нажала. Но сколько ни меси огромный ком сухого теста, хлеба все равно не испечешь. Когда я бросила это занятие, в палате повисла тревожная тишина.

Взглянула на свои часы: пять тридцать одна.

— Она что…

Я не могла ничего ответить Брайди. События этого дня оказались для меня слишком тяжелы. Я закрыла глаза.

Брайди схватила мою руку. Я попыталась вырваться, но она меня не отпускала, а только

крепче держала.

И тогда я сама сжала ее руку. Я вцепилась ей в пальцы, да так, что, наверное, сделала ей больно.

Через несколько долгих секунд я отняла руку и вытерла лицо. Только испарина. Я не могла позволить себе плакать.

Я принялась делать подсчеты в уме. Сестра Финниган, измерив высоту матки над лобковой костью, примерно определила, что Айта Нунен была на двадцать девятой неделе. В этом случае мне не оставалось ничего другого, как найти какого-нибудь врача, чтобы тот зафиксировал ее смерть. Теоретически рассуждая, младенец был жизнеспособен, начиная с двадцать восьмой недели, но вплоть до тридцатой шансы выжить у него были минимальные, потому что, согласно политике больницы, недоношенных и нереагирующих младенцев никто не пытался оживить.

И кроме того, в последние дни беременности матка опадает, девять месяцев можно принять за восемь, а то и за семь. Так что была хоть и малая, но ужасная вероятность, что сестра Финниган ошиблась в расчетах, и Айте Нунен — с ее измученным чревом, с трудом носящим двенадцатое бремя, — на самом деле настал срок рожать.

— Брайди, приведи врача — и как можно быст-

рее.

— Может, я сначала помогу тебе уложить ее в кровать?

— Иди! — прикрикнула я.

Я не могла повторить вслух свои жуткие подсчеты.

— Бегу! Доктора Линн?

Я взмахнула рукой.

— Любого хирурга!

Чтобы сделать умершей роженице кесарево сечение, вовсе не обязательно звать акушера, сгодится любой врач, даже молодой хирург широкого профиля, поскольку речь не шла о том, чтобы спасти мать, — нужно было только сделать разрез ее мертвых тканей и вынуть крошечного младенца. При этом в запасе оставалось двадцать минут — но чем скорее, тем лучше, чтобы уменьшить риск повреждения мозга новорожденного.

— Иди же! — заорала я.

Топот ее ног растаял в коридоре.

И только тогда я почувствовала ужасную слабость.

Делия Гарретт села в кровати и смотрела на меня осуждающим взглядом, как будто эта палата была преддверием ада, а я ее стражем.

— Миссис Нунен… скончалась?

Я кивнула:

— Мне очень жаль, что вы…

— Тогда зачем вы кричите? Теперь-то какая спешка?

Я не стала рассказывать ей, что иногда хирургам удавалось извлечь младенца из чрева матери, покуда та еще была теплая.

Подхватив Айту Нунен под мышки, я втащила ее на кровать. От натуги у меня свело спину. Взвалив покойную поверх одеяла, я закрыла ее удивленные глаза и сложила руки на груди крестнакрест. Но одна рука соскользнула и повисла над краем койки, и тогда я вернула ее обратно, сунув под одеяло. В отсутствие священника я сама пробормотала: «Даруй ей вечный покой, и да пусть воссияет над ней вечный свет».

Я подавила искушение взглянуть на часы; минуты бежали одна за другой, и я все равно ничего не могла сделать, чтобы замедлить их бег. Может быть, Брайди будет искать врача дольше двадцати минут, и в таком случае мы избавим себя от этой жуткой процедуры.

Я сняла с себя фартук и бросила в бак с грязным бельем. Надела свежий, чтобы быть готовой ко всему. Но что я могу сделать, кроме как переступать ногами?

В палату влетела доктор Линн, за ней Брайди. Слушая мои сбивчивые объяснения, доктор поискала пульс на шее у Айты Нунен.

Про себя я думала: «Ну что я наделала? И зачем только отправила Брайди за врачом так поспешно? Если бы, мучась угрызениями совести, я упросила врача извлечь полуживого недоразвитого младенца на двадцать девятой неделе, или на двадцать восьмой, или даже на двадцать седьмой, что бы изменилось…»

Я уловила момент, когда доктор Линн решила не делать кесарево. Она едва заметно мотнула уложенной головой; никто бы не понял, что мы обсуждали.

У меня словно гора упала с плеч, отчего я даже испытала легкое головокружение.

«Смерть вследствие фебрильных судорог на фоне инфлюэнцы», — размашисто написала она в медкарте Айты Нунен и подписалась: «К. Линн».

Интересно, подумала я, что за сокращение К.

— Я сама извещу канцелярию, сестра Пауэр.

Это была ее первая умершая пациентка за сегодняшний день?

— Если бы я осознала, что миссис Нунен умирает, доктор, может быть, мне следовало как-то облегчить ее состояние — дать нюхательную соль

или сделать инъекцию стрихнина?

Но та покачала головой.

— Стимулирующее средство лишь на несколько минут продлило бы ее страдания, но не спасло жизнь. По всему миру, — добавила она мрачно, — одни пациенты умирают от гриппа как мухи, в то время как другие выздоравливают, и мы не в силах разгадать эту загадку, как вообще ни черта не можем сделать с этой эпидемией.

Мэри О'Рахилли закашлялась во сне.

Доктор Линн подошла к ее койке и приложила тыльную сторону ладони к красной щеке, чтобы понять, сильный ли у нее жар. Потом развернулась и взглянула на скорбящую женщину.

— Как ваш кашель, миссис Гарретт?

Та передернула плечами, словно говоря: а какое это теперь имеет значение?

— Наблюдаете симптомы инфекции? — обратилась доктор Линн ко мне.

Я помотала головой.

Как только доктор Линн вышла из палаты, Брайди метнулась к рабочему столу, где я пересчитывала пакеты с ватными палочками.

— А что ты такое ей говорила про двадцать девять недель?

Я запнулась. Потом тихо ответила:

— Если бы плод был старше — почти готовым к рождению, — его можно было бы извлечь.

— Но каким образом…

— Путем хирургического вскрытия чрева, — и я полоснула воздух пальцем, как скальпелем.

Ее голубые глаза округлились.

— Ты никогда о таком не слышала, Брайди?

— Это же отвратительно!

Я заставила себя пожать плечами.

— Ну, чтобы спасти хотя бы одну жизнь, если нельзя спасти две.

— И отправить младенца домой без матери?

Да, она права. Я взглянула на часы: пять сорок две. Если прошло больше двадцати минут, вероятно, нерожденный ребенок Айты Нунен тоже погиб. Но когда точно стихло еле слышное сердцебиение? И что это значит — умереть до своего рождения?

— Брайди, приведи двоих санитаров, чтобы они унесли миссис Нунен.

— Сейчас.

Воспользовавшись ее отсутствием, я обмыла умершую, очень осторожно, словно та еще могла почувствовать мои прикосновения. Почему-то мне не хотелось на сей раз доверить подготовку тела к погребению работникам больничного

морга.

Делия Гарретт отвернулась к стене, словно не желая вторгаться в личное пространство усопшей соседки.

Я надела на Айту Нунен свежую ночную рубашку, сняла с шеи цепочку с крохотным распятием и вложила в ее пальцы. Покрыла ее лицо белой салфеткой. И в завершение сложила в пакет ее немногочисленные вещи. В бумажном пакете я нашла состриженные пряди волос — и эта находка меня потрясла. Я представила себе, как ждет ее возвращения все семейство Нунен, муж-шарманщик (когда его известят, что он овдовел?) и семеро детей, которые получат вместо жены и матери пакетик с ее безжизненными волосами.

Следом за Брайди в палату вошел Гройн, напевая:

Когда тебя покину я, скажи мне пару нежных слов.

Я буду вспоминать их чуть погодя.

Они меня утешат и станут для меня

Как солнца луч после дождя.

— Просила же, *двоих*! — резко бросила я.

— Извини, — ответила Брайди. — Я смогла найти только мистера Гройна.

Он бросил взгляд на левую койку.

— О, только не говорите, что эта умалишенная окочурилась!

— Миссис Нунен просто бредила, — процедила я сквозь зубы.

Но он пропустил уточнение мимо ушей.

— Выходит, она теперь поет в незримом хоре на небесах. Господь призвал ее, бедолагу, к себе. Таки она метнулась через границу. Она…

— Замолчите! — рявкнула Делия Гарретт.

В кои-то веки Гройн прикусил язык.

Я толкнула к нему пустую колыбель с поскрипывающим колесом.

— Вы не могли бы увезти ее отсюда? Возвращайтесь с носилками и с другим санитаром.

Притихший санитар схватил колыбель и выкатил ее из палаты.

Я измерила Делии Гарретт температуру, пульс и частоту дыхания. Судя по физическим показаниям, она быстро выздоравливала.

Брайди обтерла антисептиком рабочий стол, прошлась шваброй в углу, где виднелись пятна от выделений Айты Нунен, и сменила воду в ведре, чтобы вымыть весь пол.

Все мы сделали вид, что мертвая женщина с салфеткой на лице не лежала рядом с нами.

Спустя, как мне показалось, вечность Николс и О'Шей внесли носилки, боком, как стремянку или стеклянное полотно.

— Матерь Божья! — раздался возглас Мэри О'Рахилли.

Она моргала, прижав ладонь ко рту, словно очнулась после дурного сна.

Николс опустил глаза.

— Прошу прощения, леди…

Я поймала себя на мысли, что Мэри О'Рахилли еще ни разу не видела его металлической маски на лице. Как и Брайди, которая вытаращила глаза. Я сочувствовала ему до глубины души: мужчина был обречен на вечное несчастье находиться среди себе подобных, но отличаться от них тем, что половина его лица скрывалась под медной маской — хотя лучше уж ходить с маской, чем с уродливой рытвиной, которую она скрывала, — придававшей ему сходство с привидением.

Я вежливо обратилась к санитару:

— Приступайте, Николс.

Брайди стояла рядом с Мэри О'Рахилли, обняв ее за плечо и что-то шепча ей на ухо. Наверное, рассказывала, что случилось с Айтой Нунен и как это бывает: заснуть рядом с живой, а проснуться рядом с мертвой.

Санитары с легкостью переложили труп с кровати на носилки, даже трясун О'Шей смог это сделать без труда, несмотря на тремор. Интересно, что ему повредили на фронте — руки или мозг? Очень многие солдаты, включая моего брата, вернулись с войны покалеченными, причем у них на теле не было ни единой царапины, но их мозг поразили незримые увечья.

Все перекрестились, когда санитары вынесли Айту Нунен из палаты.

После долгой паузы Брайди спросила:

— А что у него с *лицом*?

Пожав плечами, я отозвалась:

— Война.

— Но что-то уцелело — ну, под маской?

— Не могу тебе сказать, Брайди.

Я сняла медкарту Мэри О'Рахилли, чтобы вытащить из стены разболтанный гвоздь: ведь я еще не занесла в свой скорбный список Айту Нунен. Потом вынула из кармашка часы и стала искать свободное место среди царапин, испещрявших серебряный диск. В моем мартирологе уже не хватало места, и луны недавно умерших набегали на луны ранее умерших или на полумесяцы и черточки, символизирующие младенцев, умерших после или до рождения. Я аккуратно стала

царапать кончиком гвоздя крохотный кружок для Айты Нунен, но гвоздь скользнул и вместо ровной окружности изобразил острый клювик. Я зажала часы, словно собралась на ощупь следить за их тиканьем. Письмена, обозначавшие моих мертвецов, бились о ладонь, проносясь сквозь меня, точно поток звездной пыли.

В глазах у меня вдруг потемнело, и на секунду я испугалась, что с моим зрением что-то не то. А потом поняла, что в отделении просто выключился свет.

Мэри О'Рахилли громко ахнула.

— Снова отключили, экономят энергию, — спокойно пояснила я. — Прошу прощения.

Это случалось теперь постоянно по вечерам, когда рабочие возвращались домой и заваривали себе чай, и семьи собирались вокруг единственного источника света, который все мы должны были экономно потреблять.

Во мраке Брайди по своему почину молча перестилала опустевшую кровать слева.

— Вы хорошо сегодня спали, миссис О'Рахилли? — поинтересовалась я.

— Наверное, да, — смущенно отозвалась она.

Я пальпировала ее живот, чтобы проверить, в правильном ли положении находится плод: при-

ставив слуховую трубу, я услышала слабенькое частое сердцебиение.

— А болевые ощущения во время схваток изменились?

— Вообще-то нет, мне кажется.

Она пожала плечами и закашлялась.

Я развела ей виски с горячей водой и вложила чашку в пальцы.

Мэри О'Рахилли отхлебнула и поперхнулась: горячая жидкость выплеснулась через край.

— Пейте маленькими глотками, если вы не привыкли к спиртному, — посоветовала я. — Это поможет облегчить боль и кашель.

Я очень беспокоилась, что ей не хватит сил родить, когда наконец до этого дойдет дело.

— Может быть, хотите яичный флип[16], миссис О'Рахилли? Или мясной бульон?

Она с отвращением замотала головой.

— Сухарик?

— Пожалуй.

Когда я принесла ей половинку сухаря из пачки, лежавшей на полке, Мэри О'Рахилли вдруг с беспокойством проговорила:

— Он бы предпочел, чтобы я осталась дома, а

---

[16] Примечания: 16
Взбитая смесь рома с сахаром и яичным желтком.

не легла в больницу. Ему ведь даже не позволяют меня навещать.

— По крайней мере, у тебя дома нет других детей, о которых нужно тревожиться, — сердито заявила Делия Гарретт.

Мэри О'Рахилли кивнула и принялась грызть сухарик.

— Я ведь день и ночь приглядываю за своими братьями и сестрами, — проговорила она, — так что уж и не знаю, как там папа с ними справляется.

— А ты не можешь попросить мужа, чтобы он за ними приглядывал, пока тебя нет? — спросила Брайди.

Молодая роженица покачала головой.

— Мистер О'Рахилли раньше работал портовым грузчиком, но сейчас все в порту встало, и он устроился вагоновожатым. Только он работает на подмене, не на постоянной ставке, — добавила она тихо. — Каждое утро в любую погоду он должен приходить в трамвайное депо, и если для него в этот день нет работы, выходит, он проездил зря.

Наверное, виски развязал ей язык.

— Но это же неудобно, — заметила я.

Она ответила еле слышным голосом, словно

подавляла приступ кашля.

— Это сводит его с ума! А теперь и у меня тоже нет работы.

Брайди встряла в нашу беседу:

— А кем ты работаешь?

— Я раньше работала на низинных полях, угольный шлак собирала, но мистеру О'Рахилли это не нравилось.

(Я уже была настроена против него враждебно, хотя и в глаза не видела.)

— А теперь я дома вышиваю, — продолжала она. — Паренек привозит мне ворох старых носовых платков, а я вытягиваю из них цветные нитки, из которых делаю на ткани новый узор, понимаете?

— У меня есть набор таких платочков, — произнесла Делия Гарретт.

— Может быть, это мое изделие!

Но у Мэри О'Рахилли пришли новые схватки, она словно окаменела. Только несколько раз кашлянула себе в ладонь.

При тусклом свете лампы я всмотрелась в циферблат часов: после последних схваток прошло четверть часа.

Когда спазм ее отпустил, я предложила:

— Может, еще немного походите вокруг крова-

ти, миссис О'Рахилли, если вы в состоянии?

Послушно, точно марионетка, она вскочила с кровати.

— Давайте-ка я помогу вам укутаться в платок.

И я набросила платок ей на голову и плечи.

Ее лицо исказила гримаса.

— Сестра, — прошептала она, — почему мой ребеночек не вылезает? С ним не произойдет того же, что с ее?

Легкий кивок в сторону Делии Гарретт, лежавшей всего в шаге от нее.

Взяв девушку за теплую руку, я ощутила, что ее пересохшая кожа чуть шелушится.

— Я же слышала сердцебиение громко и отчетливо через слуховую трубу, помните? Просто еще время не пришло.

Она кивнула, пытаясь мне поверить.

— Природа работает по своим часам, — продолжала я, — и она знает, что делает.

Мэри О'Рахилли молча смотрела на меня: одна бездетная на другую бездетную. Она, как и я, знала, что я лгу, но волей-неволей вняла словам утешения.

Как-никак, она поступила сюда утром, наивно полагая, что ее пупок раскроется и оттуда вылезет ребенок. Сама еще практически ребенок, скоро

она преобразится, когда станет матерью.

— Тук-тук! — раздался мужской голос за дверью.

В палату вошел Гройн с молодой женщиной на руках, которую он внес, словно невесту, через порог.

— Гройн, что вы себе позволяете?

Он осторожно положил ее на пустую кровать и сказал:

— Нехватка кресел-каталок.

(Неужели я могла надеяться, что кровать Айты Нунен будет пустовать?)

Новая пациентка скорчилась и зашлась кашлем. Только когда она выпрямила спину, я, прищурившись в сумрачном свете, смогла рассмотреть, что она не такая молоденькая, как Мэри О'Рахилли, а просто такая же малорослая. Большие глаза под копной соломенных волос и огромный живот.

— Я — медсестра Пауэр, — положив ей руку на плечо, представилась я.

Она попыталась что-то ответить, но ей помешал сильный кашель.

— Сейчас вам дадут попить.

Брайди помчалась налить ей стакан воды.

Новая пациентка силилась что-то произнести,

но я не поняла ни слова. Молитвенные четки для чтения розария[17], туго обвившие двумя рядами ее запястье, вдавились в кожу.

— Все нормально, миссис…

Я протянула руку, и Гройн передал мне ее медицинскую карту. Я наклонила картонку к тусклой лампе под потолком и прочитала: «Онор Уайт, вторая беременность, двадцать девять лет». (Моя ровесница.) Срок родов — конец ноября, то есть сейчас она была на тридцать шестой неделе. Она подхватила грипп целый месяц назад, и, как это часто бывало, у нее возникли осложнения.

— Никак не можете избавиться от этого мучительного кашля, миссис Уайт?

Она продолжала отрывисто кашлять, глаза слезились. Анемия, догадалась я, глядя на ее мертвенно-бледную кожу.

Вешая ее тонкое платье на крючок, я заметила на лацкане небольшой значок с символом Святого Сердца и нащупала что-то в оттопыренном кармане. Сунула туда руку: клочки засохшей шелухи.

— Это чеснок?

---

[17] Примечания: 17

Розарий (от лат. rosarium — «венок из роз») — традиционные католические четки, а также серия молитв, читаемых в определенном порядке по четкам.

Миссис Уайт, превозмогая кашель, выдохнула:

— Да, чтобы отвадить грипп.

Гройн коротко хохотнул.

— Очень он вам помог!

Судя по ее говору, пациентка была родом из западных графств. Я не могла ее переодеть, пока санитар не ушел.

А тот явно никуда не спешил.

— Ну что, сестра Пауэр, как вам эта упрямица?

Сначала я не поняла, о чем он, но потом догадалась:

— Вы имеете в виду доктора Линн? Мне кажется, она в высшей степени опытный врач.

Гройн презрительно фыркнул.

— У нее огромный опыт в агитации и анархии!

— Перестаньте!

— Говорят, ее чуть не казнили, — вставила Брайди.

Я взглянула на взволнованное лицо девушки. Неужели моя помощница переметнулась на сторону санитара?

— Где ты такое слышала? — спросила я.

— На лестнице.

— Это точно, — заверил нас Гройн. — После восстания было вынесено девяносто смертных приговоров… Только дам пощадили, — с досадой

добавил он, — и после шестнадцатой казни отозвали расстрельную команду.

— Ну что ж (мне было неловко, что мои пациентки вынуждены все это выслушивать). Благодаря этому у нас есть врач с богатым акушерским опытом.

— Уверен: мисс Линн пришла сюда только для того, чтобы схорониться от фараонов, — сообщил санитар.

Я непонимающе нахмурилась.

— И зачем полиции все еще ее преследовать? Разве правительство в прошлом году не выпустило всех мятежников из тюрьмы?

Гройн опять фыркнул.

— Вы что, газет не читаете, сестра Пауэр? Они же в мае по новой попытались собрать шайку предателей, чтобы снюхаться с германцами и ввезти контрабандой оружие в страну. Я уж и не знаю, каким образом ее светлости удалось проскользнуть сквозь сеть, но говорю вам, она точно в бегах, и пока мы с вами болтаем…

Тут он осекся.

Обернувшись, я увидела, что в палату зашла доктор Линн. Судя по ее лицу и глазам за стеклами очков, она едва ли слышала хоть слово, сказанное про нее. Но мое лицо вспыхнуло.

Доктор обвела взглядом тускло освещенное помещение.

— Добрый вечер, миссис Гарретт… миссис О'Рахилли… А там кто?

Я представила ей Онор Уайт.

Завитые пряди доктора были так ровно уложены, а ее воротничок так строг, что я не могла поверить в инсинуации Гройна, будто она участвовала в заговоре с иностранной державой.

— Будьте здоровы, леди! — громогласно заявил Гройн и удалился, напевая:

Где ж твоя коса, о, смерть-старушка?

Опять забыла прихватить ее с собой?

Не по тебе ль звонит тот адский колокол, а, смерть-подружка?

Скажи: ведь ты приперлась не за мной!

С помощью Брайди я переодела Онор Уайт в больничную ночную рубашку, а доктор Линн в это время ее обследовала. Жара у Онор Уайт не было, но частота пульса и дыхания оказалась повышенной. Жадно хватая губами воздух, женщина отказалась от еды, ей хотелось одного — отдохнуть.

Доктор Линн посоветовала мне дать ей ложку сиропа ипекакуаны, чтобы уменьшить заложен-

ность легких.

— У вас возникают боли при кашле, миссис Уайт?

Та потерла грудину и прошептала:

— Как ножом режут…

— Вам рожать только в конце ноября?

Миссис Уайт кивнула:

— Так доктор сказал.

— И давно это было?

— Порядочно. Пару месяцев как.

— Полагаю, вы не помните, когда впервые почувствовали шевеление плода?

Я понимала, почему доктор Линн спрашивала: такое обычно происходило на восемнадцатой неделе. Но Онор Уайт только пожала плечами.

Она снова закашлялась, и я передала ей чашку для отхаркивания мокроты. На дне чашки болталась лужица карболки. Новая пациентка сплюнула зеленоватую слизь с темными разводами.

— Начните ей ежедневно давать железо для лечения анемии, — сказала врач, — но следите за желудком, чтобы у нее не было расстройства.

Я нашла в шкафу банку с лекарствами и достала оттуда таблетку.

— Полагаю, у вас инфекционная пневмония, —

продолжала доктор Линн, — то есть инфлюэнца проникла глубоко в легкие.

Глаза пациентки заблестели. Она стала перебирать свои четки.

— Но вы не волнуйтесь, медсестра Пауэр о вас хорошо позаботится.

(Так же, как об Айте Нунен и Эйлин Дивайн, подумала я.)

Онор Уайт жалобно прошептала:

— Доктор, кажется, меня сейчас разорвет…

И она указала на центр своего живота.

— Вы хотите сказать: когда кашляете? — уточнила доктор Линн.

Пациентка покачала головой.

— Это обычное дело на таком сроке, когда кажется, что вы вот-вот лопнете, — заверила ее врач.

— Нет, но…

Онор Уайт стыдливо задрала рубашку, оголив розовый блестящий шар, вздымавшийся между краем простыни и краем одежды. Ткнула пальцем в коричневую линию, тянувшуюся от паха через пупок к ребрам.

— Она с каждым днем все темнее и темнее…

Доктор Линн спрятала улыбку.

— Это всего лишь linea nigra[18], просто полоска кожи, изменившей цвет.

— У некоторых женщин она возникает под глазами, — объяснила я, — и на верней губе.

— Верно, — подтвердила врач, — коричневая кожа такая же прочная, как и белая.

— Но раньше у меня такого не было…

В прошлую беременность, догадалась я, наверное, вот что хотела сказать Онор Уайт.

— Моя полоска кончается у пупка, — вдруг сообщила Делия Гарретт.

Онор Уайт повернулась на левый бок, чтобы взглянуть на соседку.

— Мать Билла говорила, что раз у меня полоска такая, значит, будет девочка.

И глаза Делии Гарретт наполнились слезами.

Я не знала, чем помочь ей унять ее душевную боль. Для этого не было никакого лекарства.

Я дала Онор Уайт таблетку железа и чашку виски, разбавленного горячей водой.

Но, почуяв алкогольные пары, она отпрянула и зашлась свистящим кашлем:

---

[18] Примечания: 18
Темная полоска *(лат.),* возникающая на животе у беременных.

— Я — член Пионерской ассоциации![19]

Тут я вспомнила значок Святого Сердца на ее платье.

— Но это же лекарство от кашля!

Она покачала головой и перекрестилась.

— Тогда дайте миссис Уайт хинину с горячим лимонадом, — распорядилась доктор Линн. — Ну а как поживает наша первородящая?

Я поглядела на Мэри О'Рахилли: та лежала на спине, закрыв глаза.

— Боюсь, схватки у нее все еще происходят с интервалом в пятнадцать минут.

— Нет еще признаков разрыва мембран?

Врач поджала губы и отправилась к раковине мыть руки.

Ага, значит, она решила рискнуть и провести осмотр матки.

— Миссис О'Рахилли, — сказала я, — доктор собирается посмотреть, все ли у вас нормально.

Семнадцатилетняя беременная была податлива, словно кукла. Но когда я уложила ее в позу для внутреннего осмотра — на бок, выдвинув ягодицы над краем кровати, — она вскрикнула:

---

[19] Примечания: 19

Пионерская ассоциация полного воздержания Святого Сердца — международная организация трезвенников-католиков со штаб-квартирой в Ирландии.

— Я же упаду!

— Нет, все отлично. Брайди будет вас крепко держать.

Моя помощница села на кровать с противоположной стороны и взяла беременную за руки.

— Сейчас подготовлю вас для осмотра, — сказала я ей.

Я продезинфицировала вульву раствором лизола, вымыла с мылом и напоследок провела спринцевание влагалища, чтобы врач не занесла инфекцию.

Доктор Линн пробормотала:

— Расслабьте мышцы, дорогая, я быстро.

Мэри О'Рахилли не протестовала, но я услышала, как участилось ее дыхание. Она судорожно закашлялась.

Я знала, что врач пальцем ощупывает край шейки матки в надежде ничего там не найти, потому что только когда ткани сильно истончались, невозможно обнаружить на ощупь, готова ли женщина к потугам.

Доктор Линн вытащила руку в перчатке.

— Думаю, надо стимулировать отход околоплодных вод, чтобы ускорить процесс. — Она обернулась ко мне и тихо проговорила: — Учитывая ситуацию.

Ясное дело, с тех пор как она поступила к нам сегодня утром, состояние Мэри О'Рахилли ничуть не изменилось. Несколько месяцев назад мы бы не стали торопить события, но сейчас врач хотела освободить организм молодой роженицы от двойных тягот — гриппа и многодневных изнуряющих схваток в нашей импровизированной палате.

Поэтому я принесла длинный простерилизованный крючок на подносе.

При виде этого инструмента беременная расплакалась в голос.

— О, не бойтесь, миссис О'Рахилли, доктор не станет тыкать в вас этой штукой, она только вскроет мешок с водами, в котором плавает ваш малыш.

Наверное, она и про плодный пузырь никогда не слыхала.

— Брайди, принеси, пожалуйста, два полотенца!

Я подложила их под спину Мэри О'Рахилли, которая сразу издала серию нервных покашливаний. Снова проспринцевала влагалище. Черт бы побрал эту экономию электроэнергии… Я достала свой карманный фонарик и направила его луч так, чтобы доктор Линн могла видеть, что

делает (фонарик, естественно, был германского производства. Это просто чудо, что он проработал четыре года, ведь я им все время пользовалась).

Врач левой рукой ловко раскрыла Мэри О'Рахилли и ввела крючок, удерживая его пальцами правой руки, а сама стала вглядываться внутрь, словно проводник, ищущий ночью тропинку на горном перевале.

Хлынули плодные воды. В ярком луче фонарика было отчетливо видно отсутствие зеленоватых, желтоватых или коричневатых следов мекония, что могло однозначно указывать на необходимость срочного извлечения ребенка.

— Отлично! — произнесла доктор Линн.

Я одернула ночную рубашку на Мэри О'Рахилли и помогла ей сесть.

Она поежилась и жадно попила остывший виски с водой.

— Теперь больше не будет больно, сестра?

Ее неискушенность терзала мне душу. Может, стоило сообщить ей, что мы как раз и стараемся ускорить и усилить схватки, чтобы она смогла вытолкнуть ребенка?

Но вместо этого я сказала:

— Теперь там у вас расширится пространство и ускорится процесс.

Брайди убрала мокрые полотенца, и я расправила простыню.

Потом подошла к доктору Линн, которая у раковины снимала перчатки.

— После того как я уйду домой вечером, — тихо сказала я, — здесь не будет акушерки — только больничная сиделка.

Врач устало кивнула.

— Тогда я осмотрю миссис О'Рахилли перед окончанием моей смены и попрошу… как его… доктор Прендергаст?.. проведать ее рано утром.

После того как она вышла, Онор Уайт выхаркала еще немного мокроты. Я отдала Брайди чашку, чтобы она ее опустошила и промыла карболкой. В этот момент лампы снова ярко вспыхнули. Уже хорошо.

Я внимательно прочитала медкарту новоприбывшей пациентки и заметила, что в графе «Муж» стояла только фамилия Уайт без имени, а в графе «Профессия мужа» стоял прочерк. Значит, никакого мужа нет и «миссис» было просто данью традиции. Такие вещи до войны считались неслыханными, но в наши дни стали вполне привычными; значит ли это, что незаконнорожденных стало больше или же сейчас это уже не имело такого значения, когда так много мужчин

покинули свои дома? Но истовая католичка, состоящая в ассоциации трезвенников и при этом забеременевшая вне брака, причем, возможно, во второй раз — это сочетание заинтересовало меня чрезвычайно. Во всяком случае, я никогда не проявляла особого сочувствия незамужним пациенткам — хотя этого нельзя было сказать про святош старой закалки вроде монахини Люк.

Сбоку на странице медкарты, под графой «Переведена из» я заметила название заведения, расположенного в нескольких кварталах отсюда, — солидного дома матери и ребенка, куда ложились беременные, носившие нежеланных младенцев. Или, возможно, направлялись туда. Подробностей я не знала. Это заведение было скрыто за завесой позора. Дело-то было постыдное. Все знали, что если женщина попадала в беду, ее брали под свое крыло монахини. В стране таких заведений было полным-полно, но мало кто знал, что творилось внутри. И что случилось с первым ребенком Онор Уайт, гадала я, он выжил?

Встав рядом с Брайди около раковины, где та мыла посуду, я шепнула ей на ухо:

— Я знаю, ты умеешь разговорить пациенток…

— Прости, я такая болтушка!

— Нет-нет, ты их успокаиваешь. Но миссис Уайт… прошу тебя, не расспрашивай ее о семье.

Брови Брайди сошлись к переносице.

— Дело в том, что она ходила в церковь, но не слышала свадебных колоколов.

Судя по отсутствию реакции, моя помощница не поняла, о чем я.

— Не замужем, — прошептала я чуть слышно. — Она прибыла из дома матери и ребенка.

— О!

— Интересно, что будет с младенцем после родов, — пробормотала я. — Наверное, отдадут в приемную семью.

Лицо Брайди помрачнело.

— Скорее, спустят в трубу.

Я вытаращила глаза: что она имела в виду?

— Сестра Джулия, мне надо в туалет.

Я взяла судно и принесла Делии Гарретт.

— Нет, туда не буду. Разрешите мне выйти.

— Прошу прощения, у вас постельный режим еще несколько дней.

(Вообще-то предполагалось, что после появления на свет мертвого ребенка родильница оставалась в постели не меньше недели, но я не могла позволить, чтобы кровать была занята так долго.)

— Говорю вам: я в состоянии ходить!

Я обрадовалась, что Делия Гарретт наконец-то заговорила в привычной для себя манере.

— Перестаньте! Давайте я подложу под вас, и вам будет удобно.

Шумно выдохнув, она подняла бедро, чтобы я просунула стальное судно под нее.

Я измерила ей пульс. Судя по температуре кожи, жара у нее не было, но я все равно нагнулась над ней, чтобы незаметно понюхать. Я гордилась своим чутьем распознавать родильную горячку, но сейчас смогла только ощутить запах пота, крови и пары виски — и мне требовалось все равно оставаться начеку.

Наконец я услышала, как в стальную емкость полилась струйка мочи, и Делия Гарретт охнула.

А через две кровати новая пациентка издала клокочущий кашель, словно ее легкие разрывались в клочья. Я обошла койку Мэри О'Рахилли и, приподняв Онор Уайт, прислонила ее к клиновидному изголовью кровати.

Ее пульс и частота дыхания стремительно росли. Она перекрестилась и пробормотала:

— Это награда за грехи.

— Ваша инфлюэнца? Не стоит так думать, — заметила я ласково. — Люди заболевают без всякого

на то повода.

— Имею в виду не только себя, — покачала головой Онор Уайт.

Я почувствовала себя дурочкой оттого, что поторопилась с выводами.

— Всех (она тяжко, со свистом, выдохнула). И поделом нам!

Что же, все мы грешники? Да это просто религиозная мания, подумала я.

— За эту войну! — задыхаясь, добавила она.

А, так вот оно что, наконец я поняла, к чему она клонит. Люди убили так много себе подобных, что, как утверждали некоторые, природа восстала против нас.

— Спаси нас Господь, — снова произнесла Онор Уайт, борясь с кашлем.

Это была молитва надежды, но в хриплом голосе этой женщины я расслышала лишь смирение и неприкаянность.

— Вы намерены оставить меня лежать на этой штуке весь вечер? — требовательно вопросила Делия Гарретт.

Я вытащила из-под нее судно, вытерла ее насухо, а затем взяла антисептическую марлю и осторожно протерла ее швы.

— Брайди, вылей это, пожалуйста, в туалет и

вымой. И принеси новый охлажденный компресс для миссис Гарретт.

— Добрый вечер, сестра Пауэр!

Обернувшись, я увидела монахиню Люк, которая поприветствовала меня через маску, по обыкновению накрахмаленную.

Неужели прошло так много времени? Я бросила взгляд на настенные часы: было уже ровно девять вечера. Я решила, что почувствую смертельную усталость, как только подумаю, что моя смена закончилась. Но мне и уходить-то не хотелось.

Я заметила, как оцепенели Мэри О'Рахилли и Онор Уайт, впервые увидевшие ночную сиделку-монахиню: она походила на ожившую египетскую мумию.

Сестра Люк щелкнула тесемкой повязки на глазу, затягивая ее потуже.

— Как прошел день?

Я не сразу смогла коротко перечислить все события, что вместились в истекшие четырнадцать часов. И лишь представила себе лица: Айта Нунен, скончавшаяся в конвульсиях, несмотря на все мои усилия; безымянная девочка Гарретт, родившаяся мертвой прежде, чем я успела что-то для нее сделать. Впрочем, ее мать могла умереть от потери крови, но не умерла. Как же не похожи

были их судьбы!

Говоря вполголоса, я ввела сестру Люк в курс дел.

— Необходимо следить за развитием пневмонии у миссис Уайт, — сообщила я ей, — как и за швами миссис Гарретт. Здесь у единственной схватки — у миссис О'Рахилли, но она пока что не слишком продвинулась. Доктор Линн только помогла ее водам отойти.

Вешая на крючок свой головной убор, сестра Люк кивнула.

— Уж невмоготу как долго тянется, да, миссис О'Рахилли?

Та кивнула и закашлялась. Ее глотка издала мучительный клекот.

Монахиня процитировала задумчиво:

— «Горе же беременным»[20].

Я чуть не задохнулась от негодования. Некоторые престарелые монахини полагали, что любая женщина, вступившая в отношения с мужчиной, даже если он ее муж, неминуемо должна понести наказание. Мне очень не хотелось оставлять эту обессиленную и испуганную девочку на ее попечение.

---

[20] Примечания: 20
Матф. 24:19.

— Миссис О’Рахилли можно по необходимости дать еще хлорала, чтобы она смогла поспать между схватками, — сказала я.

Но что ночная сиделка сочтет необходимостью?

Я добавила:

— Если потуги усилятся или участятся, обратитесь в женское инфекционное отделение — пусть они вызовут акушерку из родильного, хорошо?

Монахиня кивнула.

— И поскольку у нас мало врачей на дежурстве, доктор Линн позволила давать всем пациенткам виски, хлороформ или морфин.

Услышав о столь возмутительном нарушении протокола, сиделка изумилась, о чем свидетельствовали ее взметнувшиеся над маской брови.

Вбежала Брайди, неся охлажденный компресс с мхом.

— Суини, вы стараетесь быть полезной?

Вопрос показался мне грубоватым, но Брайди лишь пожала плечами.

Я взяла у нее компресс и заметила:

— По правде сказать, она оказалась незаменимой.

Моя оценка заставила Брайди довольно улыбнуться уголками губ.

Монахиня тем временем доставала из пакета фартук.

— Проходя мимо синематографа, я видела там огромную очередь! Взрослые мужчины и женщины, дети — всем прямо не терпелось попасть в зал, где кишмя кишат микробы!

— Ну, это маленькие радости бедноты, — пробормотала я, надевая пальто. — Разве можно их винить?

Сестра Люк натянула свежую пару резиновых перчаток до локтей.

— Они играют со смертью, вот что они делают. Уходите, Суини!

Ее грубость меня ошарашила.

Но Брайди просто схватила пальто и выскользнула из палаты.

Коротко пожелав своим трем пациенткам спокойной ночи, я перебросила через руку пелерину и повесила сумку на плечо.

Я уж подумала, что не нагоню помощницу, но заметила ее на лестнице.

— Брайди!

Догнала ее, и мы пошли вместе по шумной лестнице.

— Тебе не следовало позволять сестре Люк помыкать собой!

Брайди только улыбнулась.

— И она недолюбливает посетителей синематографа, — добавила я. — В безрадостные времена людям нужны дешевые зрелища, чтобы отвлечься.

— Я однажды видела картину.

— Да? И какую?

— Не помню названия, — призналась она. — Когда я сбежала и тайком проникла в зрительный зал через боковую дверь, уже шла середина.

Сбежала? Откуда? И почему ей надо было тайком проникать в зал через боковую дверь? У нее не было денег на билет?

— Но я помню, что героиня была очень красивая, — продолжала Брайди, — такая малявка! Она оказалась на острове, и тут вдруг появляется этот парень, и — опа! — у них родится ребенок! — Она немного сконфуженно рассмеялась. — А потом, представляешь, приплывает корабль, и на нем его жена!

— Это было пару лет назад? — спросила я.

Я вспомнила название картины.

— «Дрейфующие сердца», — сообщила я ей. — С Мэри Пикфорд и… забыла.

— Мэри Пикфорд? — переспросила Брайди. — Я и не думала, что у нее такое обычное имя — Мэ-

ри.

— Она прелесть, правда? И совершенно необычная!

— Дрейфующие сердца, — медленно проговорила Брайди, словно смакуя каждый слог. — О, теперь я поняла, почему они дрейфующие: они же потерпели кораблекрушение.

— А она понравилась тебе в «Ребекке с фермы „Солнечный ручей“»?

— Я видела только одну эту картину.

От нахлынувшего умиления я остановилась как вкопанная. Всего одна картина в ее-то двадцать два года? Я ходила в синематограф с тех пор, как переехала из деревни, и Тим тоже ходил со мной после переезда в Дублин. Может быть, родители Брайди не выпускали ее из дому по вечерам или у них не было лишнего пенни на билет? А спрашивать мне не хотелось — чтобы ее не смущать.

Я продолжала шагать по ступенькам вниз.

— Ну, наверное, лучше увидеть одну картину, чем ничего.

Брайди закивала и лучезарно улыбнулась, как ей было свойственно.

Мне вспомнился сюжет «Дрейфующих сердец».

— А в конце, когда Мэри Пикфорд прыгает в жерло вулкана… я думала, что умру в месте с

ней! — На этом месте глаза Брайди стали влажными, как два камешка на морском берегу.

— Вот не помню, что произошло с ребенком, — сказала я. — Его забрала с собой женатая пара?

— Нет-нет, она, когда спрыгнула в вулкан, держала его на руках!

Брайди изобразила эту сцену, обвив руки вокруг воображаемого младенца на груди, и ее лицо при этом озарило волнение.

Какое же это было удовольствие — иметь возможность просто так хоть немного поболтать, позабыв о пациентках. Но когда мы дошли до нижней площадки, то оказались в водовороте персонала, спешившего на дежурство или с дежурства.

— Ты не боишься идти домой пешком в темноте, Брайди?

— Все хорошо. А где спят медсестры?

— Ну, в основном в больших ночлежных домах, но мы с моим младшим братом снимаем квартирку. От дома я сажусь на трамвай, а остаток пути еду на велосипеде. Тиму двадцать шесть.

Я уточнила его возраст на случай, если она подумает, что он маленький мальчик.

Брайди понимающе кивнула.

— Он ушел в армию в четырнадцатом, — сказа-

ла я и удивилась своей откровенности.

— Да? И долго он отсутствовал?

— Сначала девятнадцать месяцев. Потом он прислал письмецо из Македонии, в котором сообщил, что его произвели в младшие лейтенанты и что скоро он приедет на побывку. Но Тим так и не приехал, и только через три дня мне удалось узнать, что он попал в госпиталь с окопной лихорадкой. А когда выписался, ему сказали, что зачли пребывание в госпитале в счет отпуска, и он вернулся на передовую.

Брайди застонала.

— Да тут впору смеяться, — заметила я.

(Я не стала ей рассказывать, что, когда Тима спустя четырнадцать месяцев наконец отправили домой из Египта, он не мог говорить.)

— Ну, доброй ночи, Джулия.

А я, странное дело, все никак не хотела завершать наш разговор.

— Тебе далеко идти?

Брайди ткнула большим пальцем влево.

— Да вот прямо по улице.

Она опустила взгляд, потом опять посмотрела на меня и добавила:

— Там дом матушки настоятельницы.

И теперь мне стало понятно, почему сестра Люк

разговаривала с ней таким хозяйским тоном. Все встало на свои места: и потрепанная одежда Брайди, и отсутствие у нее свободных вечеров и карманных денег. Чтобы сгладить возникшую неловкость, я решила обратить все в шутку:

— А забавно, что дом матушки настоятельницы обозначает главное здание монашеского ордена, где на самом деле нет никакой матушки.

Она усмехнулась.

— Значит, ты новообращенная, Брайди, или, вернее сказать, послушница?

Раздался мрачный смех.

— Я ни за какие коврижки не стану монахиней!

О, значит, я ошиблась.

— Я там просто живу.

Она заговорила вполголоса.

— Я выросла в одном из их домов, — добавила она, — в деревне.

Ее слова кольнули мне душу. И мне вдруг показалось каким-то извращением то, что о ком-то можно сказать: *она выросла в доме*, хотя на самом деле никакого дома у нее отродясь не было.

— Прости, Брайди, я не хотела совать нос не в свое дело.

— Да все нормально.

Возникла напряженная пауза.

— Просто мне хотелось, чтобы ты знала, отчего я такая дура, — пробормотала она.

— Почему дура?

— Меня отправили в Дублин, только когда мне исполнилось девятнадцать, понимаешь, и мне здесь до сих пор многое в новинку.

— Брайди, вовсе ты не дура, а совсем наоборот!

— Да ты не поверишь, какие ошибки я до сих пор делаю, — с горечью сказала она. — Когда считаю сдачу, когда читаю вывески и езжу на трамваях, я вечно теряюсь на улицах… Вот шляпку потеряла.

— Просто ты оказалась в незнакомом месте, — пыталась я ее утешить. — Ты умная и смелая.

При этих словах Брайди просияла.

— Сестра Пауэр?

В нас чуть не врезалась доктор Линн, поднимавшаяся по лестнице из подвала.

— Я понимаю, что прошу слишком много, но не помогли бы вы мне с миссис Нунен?

Я заморгала, не понимая, что же теперь еще можно сделать для Айты Нунен.

— С пэ-эм.

Ага, обтекаемая аббревиатура, обозначающая *post mortem* — посмертное вскрытие.

— О, конечно, доктор!

Честно говоря, я бы предпочла пойти домой, но не могла ей отказать.

Рыжеволосая голова Брайди уже исчезла в толчее. Мне было досадно, что врач так бесцеремонно прервала нашу беседу.

Я последовала за ней по лестнице.

— Это надо обязательно сделать сегодня, — пояснила она, — потому что завтра рано утром тело отдадут мужу.

Родственникам усопших редко рассказывали о результатах аутопсии, им было трудно понять, отчего для медицины так важно, что мы с готовностью кромсаем тела их любимых.

Но потом мне пришло в голову, что у меня могут быть серьезные неприятности.

— Вы же не сомневаетесь в причине смерти миссис Нунен?

— Нет-нет, — заверила меня врач. — С самого сначала эпидемии я пытаюсь воспользоваться любой возможностью проводить вскрытия больных инфлюэнцей, особенно беременных.

Мне повезло встретить настоящего ученого; а так я бы уже сейчас готовилась ко сну. Энтузиазм доктора Линн произвел на меня сильное впечатление, учитывая, что она, если верить

сплетням, жила, постоянно опасаясь ареста; как же ей удавалось оставаться над бурным морем личных невзгод и сосредоточиться на общественном благе?

В морге никого не было. Мне приходилось уже бывать в его белой прохладе, но я еще никогда не видела здесь такого призрачного обилия гробов. У каждой стены гробы стояли штабелями — по шесть друг на дружке, точно поленница. Интересно, как санитары морга разбираются, где чей гроб, — может быть, карандашом пишут на стенках фамилии?

— Как их много!

Доктор Линн пробормотала:

— Да это еще мало. На кладбище гробы громоздятся сотнями, дожидаясь очереди для погребения. Я считаю, они представляют опасность для живых. Вот немцы — невероятно практичная нация: они кремируют своих покойников.

— Правда?

— Это может шокировать, но сами понимаете, fas est ab hoste doceri[21].

Я не отреагировала, поэтому, глядя на мое непонимающее лицо, она перевела:

---

[21] Примечания: 21

Учиться дозволено и у врага *(лат.).* Овидий, «Метаморфозы», IV, 428.

— Учись даже у врагов. Я не удивлюсь, если выяснится, что причиной этого гриппа стали миазмы гниения, распространяемые над полями сражений…

Я последовала за ней в прозекторскую, в центре которой стоял сияющий, как алтарь в храме, стол: белый фаянс со сливным отверстием в середине, к которому сбегали глубокие желобки, похожие на прожилки листа. Я сложила свои вещи на стул, а доктор Линн подкатила к столу одну из тележек и сняла простыню.

Айта Нунен, чья кожа за несколько часов стала серой. Ее пальцы казались неуместно яркими от тринитротолуола, которым она начиняла снаряды на заводе. Под ночной рубашкой куполом торчал живот.

— Там ребенок, — шепнула она мне на ухо.

Что же я расслышала в ее голосе: гордость, ужас, конфуз?

Если бы все шло нормально, она бы избавилась от бремени приблизительно в январе, а потом спустя несколько недель младенца понесли бы в церковь получить благословение и крещение святой водой. Но сейчас посещение церкви с новорожденным младенцем показалось мне странной традицией, словно деторождение

оставляло на женщине пятно, которое требовалось смыть, как грех. Избавила ли смерть Айту Нунен от необходимости совершить в церкви обряд очищения молитвой?

Доктор Линн положила на фаянсовый стол резиновый брусок.

— Это облегчит доступ к брюшной полости. Мы сможем справиться сами или мне позвать санитара?

Она взялась за дальние углы простыни, на которой лежало тело.

Я как-то по-детски испугалась остаться здесь, в тускло освещенном зале со сводчатым потолком, в одиночестве и ждать возвращения доктора с подмогой. И сказала:

— Ничего, справимся.

Я схватилась за другие два угла простыни и собралась с духом. Небольшая женщина оказалась тяжелее, чем я ожидала. У меня свело мышцы спины, и я ее немного выгнула, чтобы расслабиться. Мы вдвоем перетащили Айту Нунен на фаянсовый стол и повернули сначала на правый бок, потом на левый, чтобы вытянуть из-под нее коричневатую простыню, и поместили резиновый брусок вдоль позвоночника.

Из носа у нее текла розоватая струйка. Я вы-

терла ее.

А врач уже подкатила к столу хирургическую лампу. Она направила луч света на тело и максимально увеличила яркость.

Я принялась было развязывать тесемки ночной рубашки; но, задрав ее повыше, снова затянула. Мне было стыдно оголять Айту Нунен, даже когда ее никто не видел.

Встав напротив доктора Линн, я приготовила перьевую ручку и лист бумаги.

— Livor mortis, — тихо заговорила она. — Посмертная синюшность кожи.

Она приложила кончик пальца к посиневшей руке Айты Нунен, и там тут же возникло белое пятно.

— Спустя двенадцать часов после смерти, — пояснила она, — кожа останется синей, даже если ее помять.

— Тело еще не окоченело, — добавила я.

— Это потому, что здесь холодно!

— Правда?

— Может показаться парадоксом, но rigor mortis[22] вызывают метаболические процессы разложения, в то время как низкие температуры

---

[22] Примечания: 22
Трупное окоченение *(лат.)*.

тормозят процесс разложения трупа и продлевают мягкость его тканей.

На плечах, руках, спине, ягодицах и икрах у Айты Нунен начали образовываться фиолетовые пятна. А над локтями остались синяки там, где я сжимала ее, пытаясь оживить с помощью массажа. (Нам не всегда удавалось сдерживаться при тщетных попытках восстановить дыхание у пациенток.)

Доктор Линн вздохнула.

— Не человек, а руина. В тридцать три года практически без зубов, а эта опухшая нога, вероятно, постоянно болела.

Я чуть ли не с ужасом смотрела на истерзанный живот Айты Нунен, который за всю ее жизнь вздымался и опадал двенадцать раз.

— А вы знаете, — обратилась ко мне врач, — что мы здесь теряем в полтора раза больше рожениц, чем в Англии?

Я не знала.

— Все потому, что у ирландских матерей слишком много детей, — добавила она, раскладывая на салфетке скальпели. — Я бы хотела, чтобы ваш святой отец не позволял им рожать больше шестерых.

Я едва не расхохоталась, представив себе, как

доктор Линн — социалистка-протестантка, суфражистка, республиканская мятежница, в ее мужском воротничке и в строгих очках всезнайки — синего чулка — требует аудиенции с папой Бенедиктом, чтобы изложить ему свою позицию.

Она подняла взгляд, словно хотела удостовериться, что я не оскорбилась.

— Готова, доктор, — заявила я.

— Так, думаю, нам не стоит рисковать и делать трепанацию черепа, потому что ее потом трудно будет скрыть.

Я выдохнула с облегчением: мне как-то пришлось помогать хирургу натягивать на место кожу лица, и мне очень не хотелось вновь участвовать в этой процедуре. Доктор Линн приставила палец к линии волос Айты Нунен.

— Какой ужасный грипп. Я видела его первые признаки: сильная жажда, нервозность, бессонница, разлаженность координации, маниакальность. А потом, чуть позже, частичная или даже полная потеря одного или нескольких чувств… Но, увы, ни один из этих признаков не распознать под микроскопом.

— Несколько недель после того, как я переболела в легкой форме, — осмелилась признаться я, — все цвета казались мне сероватыми.

— Значит, вы легко отделались. Амнезия, афазия, летаргия… Я видела, как у одних переболевших инфлюэнцей развился тремор конечностей, а другие, напротив, одеревенели и стали как живые статуи. И еще самоубийства, их куда больше, чем пишут в газетах.

— Они кончают с собой в бредовом состоянии? — спросила я.

— Или даже спустя много времени после. Разве не у вас пациентка на прошлой неделе выпрыгнула из окна и разбилась насмерть?

— О… (какая ж я доверчивая!) А нам сказали, будто она случайно поскользнулась и выпала в раскрытое окно.

Доктор Линн приложила скальпель к левому плечу Айты Нунен.

— Сделаю тут разрез, и родственники его даже не заметят. Ну, с Богом.

Я наблюдала, как под дряблыми грудями Айты Нунен глубоким перевернутым клином расступается кожа. Не выступило ни капли крови.

— Никогда не бывает легко, когда проделываешь это со своим пациентом.

Интересно, кого она имела в виду: себя или меня?

— Можно спросить, доктор, а почему вы с ва-

шим интересом к медицинским исследованиям не работаете в какой-нибудь крупной клинике?

Ее тонкие губы иронически изогнулись.

— Ни одна клиника меня бы не взяла.

Она сделала длинный вертикальный надрез от грудины через пупок к паховой области, завершив большой «игрек».

— Несколько лет назад мне предложили должность, — продолжала она, — да только мужчины в белых халатах побоялись перспективы стать коллегами врача в юбке.

Я понимала, что комментирование не моего ума, но не удержалась:

— Они многое потеряли!

Доктор Линн кивнула в знак благодарности. И твердо добавила:

— Но, в общем и целом, я осталась в выигрыше. Получив от ворот поворот, я смогла на практике изучить почти все недуги, которым подвержена человеческая плоть.

Она продолжала ловко орудовать скальпелем.

— Кроме того, будучи разжалованной, я смогла целиком посвятить себя своему делу.

Мое лицо вспыхнуло. Я-то полагала, что доктор захочет сохранить завесу над другой, тайной стороной своей жизни. Но раз уж она сама об этом

заговорила, я осмелилась задать ей вопрос:

— Значит, это правда, что вы были вместе с мятежниками на крыше муниципалитета?

— С бойцами ирландской гражданской армии, — поправила она меня. — После того как Шона Коннелли подстрелили, когда он вывешивал зеленый флаг республики, меня избрали командиром.

Я не сразу нашлась, что сказать.

— В ту неделю я обработала много пулевых ранений, — срывающимся голосом произнесла я.

— Не сомневаюсь, — заметила доктор Линн.

— Однажды принесли беременную, гражданскую, на носилках, но она истекла кровью, прежде чем я смогла остановить кровотечение.

— Я слышала про нее, — печально заметила врач. — Очень жаль. Одна из пятисот убитых и тысяч раненых в ту неделю, в основном они стали жертвами британской артиллерии.

А я внутренне рассвирепела, потому что речь шла об армии, в которой служил Тим.

— Мой брат служил, — сказала я. — В армии короля.

(Я уточнила на всякий случай, если неясно выразилась.)

Доктор Линн кивнула.

— Многие ирландцы пожертвовали собой ради империи и столицы.

— Но ведь ваши террористы затеяли стрельбу в Дублине, и коварным образом, в разгар великой войны?

Я похолодела. Как можно упрекать врача — что я наделала? И решила, что доктор Линн сейчас же выгонит меня из морга.

Но вместо этого она отложила скальпель и заявила спокойным тоном:

— Пять лет назад я относилась к проблеме национальной независимости почти так же, как вы, сестра Пауэр.

Я обомлела.

— Поначалу я увлеклась проблемой равноправия женщин, — продолжала она, — потом рабочим движением. Я возлагала надежды на мирный переход к самоуправляемой Ирландии, где к рабочим, матерям и детям будут относиться гуманнее. Но в конце концов поняла, что, несмотря на четыре десятилетия болтовни о гомруле, британцы продолжали водить нас за нос. И только потом, после многих лет исканий, уверяю вас, я стала, как вы говорите, террористкой.

Мне нечего было сказать.

Доктор Линн взяла большие ножницы и взреза-

ла ими ткани на боках Айты Нунен. Потом одним движением приподняла грудину и переднюю часть грудной клетки, словно это была решетка на воротах замка.

Я невольно вздрогнула при мысли: какие же хрупкие у меня ребра, как же легко сломать нас, человеческие существа!

Я устала говорить о политике, следовало сменить тему беседы. И спросила:

— А когда вы болели гриппом, доктор, у вас появились странные симптомы?

Не поднимая головы, она ответила:

— Я не болела!

Боже всемогущий, да она же теперь по локоть в микробах!

И я почти вскрикнула:

— Может быть, вам лучше надеть маску?

— Интересная вещь: нет никаких доказательств того, что маски защищают от инфекции. Я дезинфицирую руки, я полощу горло бренди, ну, а там пусть все происходит по воле Провидения. Подайте расширитель, пожалуйста!

Я передала врачу инструмент, который она попросила, а сама взвешивала ее слова. Мне не хотелось ее разочаровывать, пусть между нашими убеждениями и лежала непроходимая пропасть.

— Что же до властей, — продолжала доктор Линн, — полагаю, что пандемия будет продолжаться ровно столько, сколько ей отмерено, пока они наконец не договорятся предпринять хоть какие-то, причем самые нерешительные, действия. Они рекомендуют лук и эвкалиптовое масло! Это все равно что пускать жуков, чтобы остановить пароход. Нет, как сказал однажды мудрый древний грек, все мы живем в городе без стен[23].

Она, видимо, догадалась, что я не поняла смысл высказывания, и пояснила:

— Когда речь идет о смерти.

— А, да. Верно.

Она извлекла легкие Айты Нунен — два черных мешка — и с влажным стуком положила их в таз, с которым я стояла наготове.

— Боже ты мой, ну и месиво. Пожалуйста, возьмите образец для исследования под микроскопом, хотя, думаю, застой крови в тканях исказит картину.

Я взяла тонкий срез, положила на предметное стекло и надписала.

— А знаете, что наверху есть новейший и очень

---

[23] Примечания: 23

Афоризм приписывается Эпикуру: «Когда дело идет о смерти, мы все живем в городе без стен» (то есть нас ничто не может защитить от неминуемой смерти).

дорогой кислородный аппарат?

Я отрицательно помотала головой.

— Я испробовала его сегодня на двух мужчинах с тяжелой пневмонией, но все без толку. Мы пускали газ прямо им в ноздри, но он не мог пробиться сквозь закупоренные дыхательные пути.

Она стала надиктовывать мне официальным тоном:

— Воспаление плевры. Гнойные массы вытекают из альвеол, бронхиол и бронхов.

Я все записывала.

— Если инфекция поражает легкие, — бормотала она, — легкие набухают, переполняясь жидкостью, и больной словно тонет во внутреннем море. У меня так товарищ погиб в прошлом году.

— От гриппа?

— Нет-нет, его насильно кормили через трубку, Том Эйш[24], да только пища попала не туда, куда нужно.

Я слышала, что суфражистки объявляли голодовки, но, оказывается, посаженные в тюрьму члены «Шинн Фейн» тоже?

— И этот человек прямо-таки умер от этого? —

---

[24] Примечания: 24

Томас Эйш (1885–1917) — ирландский спортсмен и активист националистического движения.

спросила я дрожащим голосом.

Доктор Линн кивнула.

— Я как раз в тот самый момент измеряла ему пульс.

Мне стало ужасно жалко и его, и ее, хотя это ничуть не изменило моего осуждения их идей.

Завитая темная прядь на затылке доктора Линн выбилась из укладки; покуда она действовала скальпелем, прядь болталась из стороны в сторону. Интересно, подумала я, долго ли она пробыла в тюрьме и как ей удалось остаться такой упорной, такой энергичной.

— Голосовые связки повреждены, — продолжала она диктовать. — Щитовидная железа втрое больше нормального размера. Сердце увеличено.

— А разве у беременных оно не всегда такое?

Она поднесла сердце ко мне поближе, чтобы я его рассмотрела.

— Но у миссис Нунен оно еще и дряблое с обеих сторон, видите? А во время беременности нормальное расширение наблюдается только с левой стороны: это расширение связано со снабжением дополнительной кровью плода.

А я-то считала, что плод требует дополнительного снабжения всем. Легкие матери, система кровообращения — каждый орган должен по

необходимости функционировать интенсивнее, как завод, работающий на нужды фронта.

— Не в том ли причина, что этот грипп настолько опасен для беременных, ведь все их органы и так ослаблены?

Доктор Линн кивнула.

— Невероятно высокая смертность, даже спустя несколько недель после родов, говорит о том, что их защитные механизмы существенно ослаблены.

Мне вспомнилась древняя легенда о Троянской войне, повествующая о том, как из деревянного коня под покровом ночи вышли воины и открыли городские ворота. Защитники города стали жертвой измены у себя в тылу. Что там доктор Линн говорила о городе без стен?

Она продолжала резать ткани и извлекать органы, а я надписывать и раскладывать срезы по мешочкам.

— По всему миру аккуратно проводятся тысячи вскрытий, — недовольно пробурчала она, — а мы об этой разновидности гриппа только и узнали, что его инкубационный период составляет два дня.

— Может быть, скоро найдут вакцину?

Она энергично помотала головой, и ее выбив-

шаяся прядка закачалась.

— Никому еще не удалось даже выделить его бактерию. Может быть, эта зараза слишком мала, чтобы мы могли ее обнаружить, и нам нужно ждать, пока наши умники создадут достаточно сильный микроскоп, или, возможно, это вообще неизвестный вид микроба.

Я была поражена и обескуражена.

— Все это весьма огорчительно, — добавила она безрадостно. — Мы живем в золотой век медицины, когда удалось победить бешенство, тиф, дифтерит, а в борьбе с самой обыкновенной инфлюэнцей мы бессильны. Нет, от вас сейчас многое зависит. Я имею в виду вас, заботливых медсестер, способных обеспечить пациентам уход и внимание, которые спасают сотни жизней.

Доктор Линн заглянула в брюшную полость, где скопилась темная клейкая слизь. И продолжала диктовать:

— Печень увеличена, признаки внутреннего кровотечения. Почки воспалены, есть выделения. Толстая кишка покрыта язвами.

Мои взмахи скальпелем, которым я брала образцы, повторяли движения ее скальпеля.

— Но всегда можно возложить вину на звез-

ды, — пробормотала она.

— Прошу прощения, доктор…

— Я говорю о дословном значении термина «инфлюэнца». Influenza delle stelle. Влияние звезд. Как считали в Средние века итальянцы, болезни служат доказательством того, что судьбами людей управляют звезды, и люди в буквальном смысле рождаются под несчастливой звездой[25].

Я представила себе картину: небесные тела запускают нас в полет, как перевернутых воздушных змеев. Или, возможно, дергают нас за веревочки забавы ради.

Доктор Линн ножницами отделила кишечник Айты Нунен и подняла его вверх, словно заклинатель змей.

— Термин «аутопсия» происходит от греческого выражения, означающего «видеть своими глазами». Нам с вами повезло, медсестра Пауэр.

Повезло? Я нахмурилась.

— Чем? Что мы живы-здоровы?

— Что мы находимся в самом центре событий. Для нас нет способа лучше узнать о гриппе как можно больше и быстрее.

---

[25] Примечания: 25

Имеются в виду строки из пролога к «Ромео и Джульетте» Шекспира: «…юным отпрыскам семейств обоих, рожденным под несчастливой звездой». *(Перевод О. Сороки.)*

Доктор Линн отложила скальпель и размяла пальцы, словно они у нее занемели. Потом снова взяла лезвие и осторожно рассекла матку Айты Нунен.

— Все мы, в том числе и миссис Нунен, вносим свою посильную лепту в копилку знаний человечества…

Приподняв мембрану, она отрезала плодный пузырь и шепотом добавила:

— В том числе и малышка Нунен.

Она вырезала плод из окровавленной полости и положила себе на ладонь.

Не малышка, а малыш: я увидела, что это мальчик.

— Никаких признаков того, что грипп нанес плоду какой-то ущерб. Измерьте, пожалуйста.

И она слегка вытянула его в тазу, словно помогая выпрямиться в полный рост — в первый и последний раз в жизни.

Я приложила ленту рулетки к его темени и протянула до большого пальца ноги.

— Чуть меньше пятнадцати дюймов[26], — еле слышно проговорила я.

Потом поставила таз на весы и добавила:

---

[26] Примечания: 26
Около 38 см.

— Почти три фунта[27].

— Значит, около двадцати восьми недель, — с облегчением произнесла доктор Линн. — Недоношен.

Я поняла: она правильно поступила, решив не делать кесарева сечения.

Крошечное личико как звериная мордочка. Я заставила себя всмотреться получше и вдруг всхлипнула, мои глаза наполнились соленой влагой.

— Сестра Пауэр… Джулия… — ласково обратилась ко мне доктор.

Откуда ей известно мое имя, подумала я, давясь слезами.

— Прошу прощения, я…

— Все нормально.

— Он такой хорошенький, — сказала я сквозь рыдания.

— Хорошенький.

Я плакала по нему и его матери, лежавшей на фаянсовом столе, и по его четырем братьям и сестрам, умершим до него, и по семи сироткам и по их вдовцу-отцу. Сможет ли мистер Нунен вырастить их или детей отправят к бабушкам,

---

[27] Примечания: 27
Около 1,36 кг.

дедушкам и тетушкам, в чужие семьи? И они разнесутся по ветру, как сухие листья? И попадут, так сказать, в *дом*, подобно Брайди Суини?

Я вытерла слезы, а доктор Линн принялась быстро возвращать внутренние органы на место.

Она медленно вложила младенца обратно в утробу матери. Я протянула ей коробок с тампонами из льняной пакли, она выудила три пригоршни тампонов и выложила ими брюшную полость, словно набивала подушку ватой, а потом поставила на место грудную клетку. Напоследок она натянула лоскуты кожи, плотно соединив края, как будто задергивала шторы на окне спальни. Я уже вдела нитку в иглу, и она принялась зашивать.

Закончив, доктор Линн коротко поблагодарила меня и ушла на ночной обход.

А я снова обмыла Айту Нунен и обрядила ее в свежую рубашку для погребения.

Выйдя за ворота больницы, я вдохнула полной грудью прохладный ночной воздух и ощутила давящую усталость.

Торопясь к трамвайной остановке, я застегивала пальто на все пуговицы и чуть было не угодила в глубокую яму. И подумала: обрадовалась бы я, ненароком сломав ногу и получив месяц вынуж-

денного отпуска?

Пусть идут с миром, сказала я мысленно, как делала всегда в конце долгой изнуряющей смены. Обращаясь к Эйлин Дивайн, и Айте Нунен с ее неродившимся сыном, и к мертворожденному младенцу Делии Гарретт. И к скрытной Онор Уайт, перебирающей молитвенные четки, и к Мэри О'Рахилли, терзаемой родовыми схватками, которым не было видно конца. Я постаралась выбросить всех из головы, чтобы можно было спокойно поесть и заснуть, а завтрашним утром вновь к ним вернуться.

Три ближайших фонаря перегорели; я не сомневалась, что угольные стержни дуговых ламп были германского производства и заменить их было нечем. Дублин постепенно приходил в запустение, повсюду зияли следы разрухи. Неужели все уличные фонари так и будут гаснуть один за другим?

В небе я заметила тусклый месяц, повисший над церковным шпилем и укрывшийся за тучей. Мальчишка-газетчик с красными от долгих бессонных часов глазами сидел на тротуаре, положив перед собой шапку в надежде выклянчить у прохожих несколько монет, и распевал скрипучим сопрано песенку бунтовщиков:

— Нам суждено презреть опасность…[28]

Я представила себе доктора Линн и ее товарищей, карабкающихся на крышу муниципалитета. Они презрели опасность — и чего ради? Мне было странно думать о враче, взявшем в руки оружие, кромсающем тела вместо того, чтобы их лечить.

Но тут меня посетила другая мысль: ведь на фронте врачи делали то же самое. Война — это же полная неразбериха!

Мимо прогрохотал грузовой трамвай с мешками картошки. За ним — трамвай со свиньями, испуганно хрюкавшими во тьме. Потом локомотив, тащивший несколько платформ с горами мусора. Я задержала дыхание, пока вонь не растаяла в ночном воздухе.

Газетчик повторил припев — боевой клич, звучавший в его детских устах наивно. Конечно, ему было начихать и на короля, и на свободу; он был готов петь те песни, которые нравились его покупателям. Уличные торговцы не могли быть младше одиннадцати лет, но этому пареньку на вид было скорее лет восемь. Интересно, куда он отправится ночевать, когда его рабочий день закончится? Я посетила на дому слишком многих

---

[28] Примечания: 28

«Солдатская песня», ставшая в начале XX века гимном восставших ирландцев.

своих бывших пациентов, чтобы не догадаться. Стены некогда крепких особняков были испещрены щелями; семьям теперь приходилось ютиться впятером на одном матрасе под крошащейся лепниной на потолке, с текущими водопроводными трубами. Многим дублинцам удалось сбежать в пригород, оставшиеся горожане самовольно заняли полуразрушенные дома в самом сердце столицы.

Может быть, этому маленькому газетчику и жить негде. Наверное, можно было пережить одну холодную ночь в октябре, но сколько таких ночей, сколько лет он провел на улице? Я подумала об Ирландии, существовавшей в мечтах доктора Линн, где будут заботиться даже о самых бедных гражданах.

Я подумала о сиротском приюте, в котором выросла Брайди, и о том, что она сказала про нежеланного младенца вроде того, кого собиралась родить Онор Уайт: его спустят в трубу. Все-таки необычная девушка эта Брайди Суини. Сколько в ней пыла и страсти! Где она узнала все то, в чем вроде бы разбиралась? У нее не было собственного гребня, в синематограф она ходила всего раз в жизни. Она хотя бы ездила в автомобиле, слушала граммофон?

Церковные колокола вызванивали «Веру наших отцов»[29], заглушая пение мальчишки-газетчика. Витражные окна освещались изнутри трепещущим пламенем горящих свечей. На дверях церкви висело объявление:

Канун Дня Всех Святых

В это тревожное время мы будем служить ДВЕ специальные мессы каждый вечер в 6:00 и 10:00, дабы молить нашего Небесного отца о защите.

Это напомнило мне, что завтра — большой церковный праздник, и мне, наверное, следует посетить вечернюю службу. Но у меня не лежала душа, да и сама я едва держалась на ногах.

От этой дерзкой мысли я поморщилась. Мучительная усталость каждой мышцы моего тела не слишком походила на бесчувственность смерти. Я бы скорее обрадовалась, если бы у меня заболела нога, или спина, которая и так ныла, или пальцы, кончики которых онемели.

Наконец подошел пассажирский трамвай; он был переполнен, но я и еще несколько человек влезли внутрь. Люди враждебно поглядывали на новых пассажиров, из-за которых им пришлось

---

[29] Примечания: 29

«Вера наших отцов» — католический гимн (1849), написанный в память о католиках-мучениках времен создания англиканской церкви в XVI веке.

потесниться, а кое-кто отвернулся, опасаясь заразы.

Я поднялась наверх и встала там, уцепившись за поручень. Несколько объявлений меньшего размера было приклеено к полу с промежутком в полметра. «Слюна несет смерть», — прочитала я. На одной бумажке, точно в насмешку, расплылся коричневый табачный плевок.

Ко мне притиснулись чужие тела. Я представила себе, как трамваи со скрежетом тащатся по рельсам через весь Дублин, словно кровь по венам. Все мы живем в городе без стен — это уж точно! Я представила себе линии, расчертившие карту Ирландии, карту мира. Это были железнодорожные пути, шоссейные дороги, судоходные каналы, паутина людских перемещений, которые связывали все народы в единое страдающее тело.

Свет в окне аптеки внизу освещал рукописное объявление-извинение: «У НАС КОНЧИЛАСЬ КАРБОЛОВАЯ КИСЛОТА». Проезжая мимо витрин магазинов и фасадов жилых домов, я замечала выдолбленные тыквы с грошовыми свечками внутри. Я обрадовалась, что традиция старинного праздника не забывалась даже в такое трудное время. Когда мы с Тимом были детьми, у нас дома

на Хеллоуин всегда готовили ирландский фруктовый пудинг, ломтиками обжаренный на огне и намазанный маслом, так что становились видны темные изюминки. Я всегда надеялась найти в своем куске счастливое колечко, но ни разу не находила. У меня заурчало в животе. Много же времени прошло тех пор, как сегодня днем я съела порцию жаркого.

Интересно, что будет на ужин у Брайди и ее соседок-жиличек в доме матушки настоятельницы?

Трамвай продолжал громыхать по лабиринту темных улиц, где жили многие мои пациентки: шаткие лестницы, обшарпанные подъезды, грязные дворы, закопченные угольной сажей краснокирпичные стены. Лампы над входами поразбивали — темнота была хоть глаз выколи. У стены, сгорбившись, сидел негр.

Нет, белый, но сильно изменившийся из-за болезни: красный — коричневый — синий — черный. Бедняга находился в фатальном конце этой жуткой радуги. Кто-нибудь догадался сбегать на телефонную станцию и вызвать карету «Скорой помощи»? Трамвай слишком быстро миновал его, чтобы я смогла запомнить улицу.

А чем я могла помочь? И я постаралась о нем

не думать.

Сойдя на своей остановке я уловила ароматы, доносящиеся из общественной кухни для неимущих. Солонина, капуста? Жуть, но эти ароматы только еще больше раззадорили мой голод.

Какой-то пьянчуга горланил песню:

У малыша Джона Брауна на заднице прыщ,

У малыша Джона Брауна на заднице прыщ,

У малыша Джона Брауна на заднице прыщ,

Бедняга не может сидеть…

Войдя в переулок, я обнаружила свой велосипед, мирно стоявший на цепи. Я приподняла полы платья, на всякий случай затянув боковые тесемки.

В лицо ударил луч света.

— Все в порядке? — раздался чей-то высокий голос.

Две дежурные из Женского патруля[30] осветили фонариками черную стену. Хотели удостове-

[30] Примечания: 30

Ирландский женский патруль — волонтерская организация, нечто вроде общественной милиции, созданной в Ирландии в конце 1914 года для контроля за соблюдением прав женщин на улицах.

риться, что я в безопасности, или, говоря иначе, проверить, не пьяна ли я и не занимаюсь ли греховными делишками с солдатом.

— Все в полном порядке! — отозвалась я.

— Отлично, езжай!

Я села на велосипед и покатила по переулку в сторону улицы.

Впереди зазвонил заводской колокол. Работницы оружейного завода высыпали на улицу, перекрикиваясь, тряся пожелтевшими пальцами — настолько желтыми, что кожа сливалась с отсветом уличных фонарей. Интересно, они работали вместе с Айтой Нунен и снаряжали снаряды желтой взрывчаткой? Когда я проезжала мимо, кто-то из них сильно закашлялся, захохотал и снова закашлялся.

Свернув в свой переулок, я наткнулась на стайку мальчишек в пестрых нарядах — у одного вокруг лба был повязан яркий шарф, у другого на носу затянут клетчатый галстук, все они надели наизнанку мужские пиджаки, а у самого маленького на лице красовалась бумажная маска призрака. Бедняги, они были босые и, верно, сбили ступни о булыжники мостовой. Меня удивило, что в такое беспокойное время им позволили ходить от дома к дому; я-то считала, что сейчас

люди сидели тихо и никому не открывали. Я стала припоминать, чем старики обычно бросались в нас, детей, в Хеллоуин там, где мы росли с Тимом.

Высокий парень прижал к губам военный рожок и задудел на меня. Рожок был с вмятинами и со следами пайки, а металлическое покрытие мундштука стерлось. Может, его отец вернулся с фронта и привез этот рожок? А может быть, он погиб и семья получила рожок вместо него? А может, я просто чересчур сентиментальна и парень выиграл этот рожок у приятеля в споре?

Мальчишки помладше дубасили крышками от кастрюль.

— Яблоки и орехи, миссас!

Маленький призрак завопил:

— Ну-ка, у тебя найдется старое яблоко или орех для нашей вечеринки?

Мне показалось, что он нетрезв. (Неудивительно: многие считали алкоголь надежным средством против гриппа.) Порывшись в сумке, я нашла для него монетку в полпенни, хотя он назвал меня «миссас», а не «мисс». Мальчишка послал мне воздушный поцелуй из-под бумажной маски.

Ясное дело, я показалась ему теткой хорошо за

тридцать. Я вспомнила, что Делия Гарретт назвала меня старой девой. Работая медицинской сестрой, ты становишься словно заколдованная: приходишь молоденькой, а, увольняясь, кажешься гораздо старше прожитых лет.

Я спросила себя, как отношусь к завтрашнему дню рождения. На самом деле мне хотелось задать себе другой вопрос: не сожалею ли я, что, быть может, никогда не выйду замуж? Но откуда же я могла это знать, пока не станет слишком поздно? Что нельзя было считать достаточной причиной, чтобы по примеру некоторых женщин очертя голову бросаться на каждого мало-мальски перспективного кандидата. Ситуация в любом случае была достойна сожаления.

Когда я вошла в узкий каменный дом, на меня пахнуло холодом. На нашем кухонном столе у нас стояли стеклянные банки с тлевшими внутри свечками.

Брат сидел за столом и чесал свою блестящую сороку.

Мне сразу вспомнилась считалка про сорок: одна на горесть, две на радость.

— Привет, Тим!

Он кивнул.

Все-таки странно, что люди относятся к беседе

как к чему-то само собой разумеющемуся: беседа была как ленточка, крепко связывающая двух людей. Пока ее не разрезали.

— Сегодня и вправду был праздник, — заметила я с натужной веселостью. — Сестру Финниган вызвали в родильное, так что меня повысили до старшей медсестры.

Брови Тима взмыли вверх и опустились.

У меня возникла ужасная привычка: раз брат был лишен возможности участвовать в беседе, я болтала за двоих. Поставив сумку, я сняла пелерину и пальто. Самое главное было не задавать ему вопросов или задавать самые безобидные, об ответах на которые я и сама могла догадаться.

— Как твоя птица?

(Я не знала, придумал ли он ей имя.)

Тим редко встречался со мной взглядом, но иногда слабо улыбался.

Летом он нашел в переулке огромную сороку со сломанной ногой. Он купил для нее ржавую кроличью клетку и держал дверцу всегда открытой, чтобы птица могла свободно входить и выходить. Ее блестящий зеленый хвост вечно сшибал вещи с мебели. Кроме того, птица делала свои дела везде, где хотела, и когда я сетовала на это, Тим делал вид, что не слышит.

Я мечтала о горячем ужине, но газ, разумеется, был отключен. А вода? Я открыла кран — потекла тоненькая струйка. Черт бы их всех побрал!

Когда я была не на дежурстве, у меня оставалась одна радость — сквернословить вволю. Можно было сбросить личину сестры Пауэр и снова стать просто Джулией.

Сотейник Тима, все еще горячий, стоял на примусе. Брат зажег огонь, чтобы вскипятить воду для чая. А я убрала в ящик блокнотик, который всегда лежал на кухонном столе — в нем мы обменивались записками. Моих записей — довольно многословных — было куда больше, а Тим писал редко и скупо. (Недуг, сковавший его горло, казалось, поразил и его пишущую руку.)

— Сегодня было очень много работы, — изрекла я в пустоту. — Я потеряла одну пациентку, мышечные судороги.

Тим сочувственно склонил голову. Он тронул деревянный амулет, висевший у него на шее, словно хотел, чтобы я воспринимала его как свой оберег.

Когда его забрали в армию, я подарила ему этот жутковатый амулет, отчасти в шутку — фигурку бесенка с непомерной дубовой головой и медным тельцем с дергающимися вверх-вниз руками

на шарнирах. Некоторые солдаты называли его *счастливчиком* — из-за того, что оба больших пальца на вздернутых крошечных ладошках как бы символизировали удачу. Теперь на деревянном лице амулета остались только два выпученных глаза, наверное, прочие черты были стерты беспокойными пальцами Тима. Я подумала об Онор Уайт с молитвенными четками, обернутыми вокруг ее запястья: не только военнослужащие верили в счастливые талисманы.

— Но все могло бы быть куда серьезнее, — добавила я.

Мне хотелось рассказать Тиму о моей чудной рыжеголовой помощнице. Но рассказ о необразованной девушке в стоптанной обуви, выросшей в приюте и живущей в монашеской обители, мог бы сойти за забавный анекдот. Я не смогла найти правильных слов, чтобы поведать ему о ней.

Тим снял крышки от кастрюль с двух тарелок и поставил их на стол.

Весь долгий вечер он прождал момента, чтобы разделить остывший ужин со старшей сестрой. Но он не нуждался в бурном проявлении моей благодарности, поэтому я ограничилась короткой похвалой:

— О, Тим, да ты превзошел сам себя! Стручковая

фасоль!

Он ответил слабой улыбкой.

До войны мой братик был куда смышленее и ловчее меня. Прямо как Брайди — с огоньком.

— Значит, ты сегодня был на огороде?

У нас имелся участок площадью в осьмушку акра[31], на котором Тим творил чудеса. Картошка была такой же редкостью, как золотые самородки. А сегодня сваренная им фасоль напоминала ровные шарики размером с желуди. Недоваренная, в хрустящих на зубах стручках.

У меня возникло сомнение.

— Их не стоило оставить расти, чтобы они стали чуть больше?

Мой брат важно пожал плечами.

Еще он выращивал лук, много лука, который уже лез у нас из ушей. (Правительство бы нас одобрило!) А латук хоть и был весь изъеден огородными насекомыми, но зато имел натуральный вкус.

— О, да еще сельдерей! Представляешь, его стали продавать как средство для успокоения нервов!

Я подумала, что эта новость позабавит Тима.

---

[31] Примечания: 31
Чуть больше 5 соток (506 кв. м).

Но его лицо осталось бесстрастным. Возможно, мысль о нервном расстройстве была для него слишком болезненной.

Во фронтовом госпитале это называли военным неврозом. Невроз мог проявляться в разных неожиданных формах, им страдали даже гражданские; помню, я читала про одну англичанку, которая во время авианалета сошла с ума и отрезала голову своему ребенку.

Тиму давали хлорал, чтобы избавить от ночных кошмаров или, по крайней мере, заставить забыть подробности сна, когда он вскакивал среди ночи и не сразу мог понять, где он, но хлорал вызывал у него постоянное расстройство желудка. Ему делали массаж, чтобы унять мышечную боль, назначили прогулки для повышения тонуса и гипноз, чтобы вернуть его сознание к норме; потом отправили на курсы научить вязать веники, плотничать и чинить обувь, чтобы он мог стать полезным для общества.

Спустя несколько месяцев после того, как Тим стал почти таким же, как многие другие, его комиссовали. Психолог вынес вердикт, что вряд ли ему можно вернуть речь, а кроме того, в госпитале требовалась койка для новых раненых. Ему предписали покой, хорошее питание и под-

ходящую для его состояния работу. Довольно быстро я отучила Тима от седативных средств. Он стал менее нервозным, хотя по-прежнему терпеть не мог массового скопления людей, и стал охотнее принимать пищу, особенно если ел в моей компании. А мне нужно было верить в то, что тишина и домашние хлопоты — копание в огороде, выходы за покупками, стряпня, уборка в доме и времяпровождение со своей сорокой — со временем сделают его вполне нормальным.

— Что-то пришло с утренней почтой?

Брат покачал головой и взмахнул руками.

Я не поняла.

Указав в сторону прихожей, он снова мотнул головой, почти сердито.

— Не важно, Тим.

Он с шумом отъехал на стуле от стола и выдвинул вечно застревавший ящик.

— Да не важно, правда.

У меня сердце разрывалось, когда Тиму приходилось корябать что-то в блокноте, чтобы его могла понять я, практически заменившая ему мать; в такие моменты мне казалось, что нас разделяют тысячи и тысячи миль.

Он подтолкнул мне блокнотик с краткой надписью прыгающими буквами: ВРЕМЕННО

ПРИОСТАНОВЛЕНО.

— Что? Работа почты? А, доставка почты, поняла, — сказала я. — Это, наверное, связано с тем, что на сортировочной многие болеют. — И добавила печально: — У нас в больнице никогда бы не приостановили оказание помощи. Наши ворота не подлежат закрытию.

Я упрекнула себя за то, что никак не могу запомнить, что не стоит задавать Тиму вопросов об утренней почте. Сколько уж недель прошло с тех пор, как я перестала ждать почты! Вот так механизм цивилизации может застопориться, и ее заржавевшие колеса начинают двигаться кое-как.

— Видела на улице мальчишек, одетых в карнавальные костюмы, они ходили по домам, — заметила я. — Знаешь, я голову сломала, все никак не могла вспомнить: чем в нас старики бросались в Хеллоуин, чтобы отвадить гномов?

Тим поднял стеклянную солонку.

— Солью! Ну точно!

Я взяла у него солонку и предалась воспоминаниям. Высыпала немного соли себе на ладонь и с торжественным видом приложила щепотку к своему лбу, а другую — ко лбу Тима.

Он чуть съежился, но стерпел мое прикосно-

вение.

Я была рада, что Тим уже переболел гриппом — за неделю до меня и тоже в легкой форме. Иначе мне бы пришлось за ним присматривать день и ночь. Многие годы меня преследовал страх потерять брата, потом мне его вернули, но совершенно изменившимся; и теперь я ни за что не смирилась бы с утратой того, что от него осталось.

Огарки свечек в стеклянных банках покосились в лужицах воска. Тим аккуратно скрутил сигаретку.

— Можно и мне?

Он толкнул мне самокрутку и принялся крутить другую.

Мы не спеша покурили. Я подумала о примете, в которую верили вернувшиеся с войны фронтовики: «Никогда не прикуривай третьим от одной спички». Было ли это просто проявлением благоразумия, потому что чем дольше горит спичка, тем больше вероятность, что тебя заметит снайпер в темноте и выстрелит? Или это правило позволяло сохранить неразрывным магический круг фронтовой дружбы, когда два товарища приникают друг к другу над быстро отгорающим пламенем спички?

Мне вспомнилась фотография, чуть кривовато висевшая над письменным столом Тима, на которой были запечатлены он и его друг Лиам, стоявшие в обнимку; парни с улыбкой горделиво демонстрировали только надетое фронтовое обмундирование. Форма с одной звездочкой-нашивкой на плече сейчас висела в шкафу. Характеристика лежала на дне ящика — типографский текст с вписанной от руки аттестацией:

«Вышеупомянутый бывший солдат отслужил в действующей армии два года, триста сорок семь дней, и за это время проявил мужество и отвагу».

Брат затушил окурок и ушел в кладовку.

У стены стояла его клюшка для поло, толстый набалдашник был покрыт пятнами. Он использовал эту клюшку, чтобы бить крыс, изредка забредавших в нашу кладовку; после фронта он не проявлял к ним милосердия.

Тим вернулся с темно-коричневой блестящей буханкой фруктового пудинга.

— Где ты это взял?

Вопрос мой прозвучал риторически, да еще и с притворным изумлением. Он явно купил его у старухи в переулке, что торговала яблочными пирогами.

— Сегодня я буду мамой?

Я разрезала еще теплый кирпичик посередине, выложила толстые ломти на тарелку Тима, потом на свою. Сухофрукты торчали на срезе как камешки, пудинг был совсем свежий, его не надо было ни поджаривать, ни мазать маслом.

— Спорим, я найду монетку и стану богатой!

Тим с серьезным видом кивнул, точно принимая пари.

Я вгрызлась в пудинг. Пшеничное тесто, никакой сюрприз внутри не запечен. На вкус как свежезаваренный чай с размокшим изюмом.

— Просто объедение, — пробормотала я.

Интересно, во сколько он ему обошелся? Но Тим всегда следил, чтобы до конца недели мы оставались при деньгах.

Глаза моего брата уставились в стену или во что-то за стеной. Что он там высматривал?

Зубы наткнулись на что-то твердое.

— Ой!

Я развернула вощеную бумагу (на секунду мне вспомнился сверток с мертвым младенцем Делии Гарретт). Это было колечко с уже облупившейся позолотой.

Но я категорически произнесла:

— Ага, выйду замуж в течение года.

Тим вяло захлопал.

— А ты в своем ломтике не нашел талисман?

Помотав головой, он продолжал откусывать. Он ел с таким видом, словно выполнял постылую обязанность, с легким ужасом, как будто пудинг мог у него во рту обратиться в прах.

Было время, когда, найдя в праздничном пудинге жестяное колечко, я могла прийти в бурный восторг и даже поверить его обещанию.

«Наслаждайся пудингом», — сказала я себе.

Когда я снова наткнулась зубами на крошечный пакетик, я его чуть не проглотила. Еще талисман!

Еще не развернув бумажку, я уже по форме поняла, что там: наперсток. Надев его на мизинец и подняв руку вверх, я вымученно улыбнулась.

— И что ты хотел этим сказать, а, Тим? Невеста и старая дева в одном лице, если верить предсказанию фруктового пудинга? Лишнее доказательство того, что все это ерунда.

Я подумала, что все мы и впрямь игрушки своевольных звезд. Удерживая нас незримыми нитями гравитации, они помыкали нами по своей прихоти.

Одна свечка стала гаснуть. Тим зажал огарок двумя пальцами, дунул на пламя и на всякий случай — еще раз на погасшую свечу.

Меня вдруг охватила жуткая усталость, перед глазами все поплыло.

— Доброй ночи, Тим.

Брат остался на кухне сидеть при одной свече и гладить свою колченогую сороку. Я даже не знала, где он в последнее время спал. Он ложился позже меня и вставал спозаранку. Его до сих пор мучили кошмары? Но если бы у него была бессонница, он бы уж точно давно свалился с ног. Так что, если он спал ночами и просыпался утром, для меня это служило добрым знаком, а мне большего и не требовалось.

Со слипающимися глазами я в кромешном мраке пошла к лестнице.

Меня мучила мысль, что бы случилось сегодня, если бы мне не выделили в помощницы Брайди Суини, которая явилась словно ниоткуда, как привидение из пустоты. Могла ли я в какой-то момент сорвать фартук и завыть в полном отчаянии, оттого что эта работа выше моих сил? Или я бы не сумела спасти Делию Гарретт от смертельного кровотечения?

Наступив на укатившуюся фасолинку, я едва не упала, и мне пришлось схватиться за стену, чтобы не потерять равновесия.

— Довольно, Джулия, — пробормотала я себе

под нос. — Пора тебе спать.

III
Синий

«Я спала, и мне снилось, что жизнь — красота и уют». Эта строчка из старой песенки[32] засела у меня в голове. «Когда я проснулась…» Потом я проснулась.

Меня разбудило пронзительное дребезжание будильника. Ткнув по колокольчику, я поторопила себя: «Вставай же!»

Но ноги отказались. Нитки, протянувшиеся от пальцев кукольника к марионетке, похоже, были перерезаны или, во всяком случае, спутались. Я попыталась перейти на язык убеждения, говоря себе, что Тим, верно, уже заварил чай и ждет меня к завтраку. Потом попыталась себя усовестить, напомнив о Мэри О'Рахилли, Онор Уайт и Делии Гарретт. Все они нуждались во мне. Как учила нас сестра Финниган: первым делом — пациент, потом — больница, а вы — в последнюю очередь.

Но слова песни все еще крутилась у меня в голо-

---

[32] Примечания: 32

На самом деле это первая строка из стихотворения американской поэтессы Эллен Стэрджис Хупер (1812–1848), которое начинается так: «Я спала, и мне снилось, что жизнь — красота и уют, но когда я проснулась, то поняла, что жизнь — это тяжкий труд…»

ве. «Я спала, и мне снилось, что жизнь — красота и уют… Когда я проснулась…»

Я вспомнила Брайди с ее рыжей короной волос над головой. Я даже не поинтересовалась у нее вчера, собиралась ли она вернуться сегодня. Ведь могло так случиться, что первый день волонтерской работы навсегда отпугнул ее от больницы.

А в голове все вертелось: «Когда я проснулась…» А, вот оно: «Когда я проснулась, то поняла, что жизнь — это тяжкий труд».

В кромешной темноте я с трудом сползла с кровати. Умылась холодной водой, почистила зубы.

Колченогая сорока Тима скакала по кухонному столу, ее трескучий клекот напоминал колотушку полицейского. Она уставилась на меня пугающе разумным взглядом. Две на радость, подумала я. Ощущала ли птица себя одинокой, несмотря на молчаливое присутствие моего брата?

— Доброе утро, Тим!

Он передал мне два тоста.

— Что это у тебя на щеке?

Тим пожал плечами, как будто на щеке размазалось пятно джема или сажи.

— Подойди-ка, посмотрю.

Брат выбросил вперед руку, словно отстраняя меня.

— Дай мне сделать мою работу.

Обхватив его голову обеими руками, я повернула лицо к свету. Это оказалась царапина с небольшим синяком, который уже начал приобретать фиолетовый оттенок.

— Ты обо что-то ударился, Тим?

Он кивнул.

— Или на тебя снова напало хулиганье в переулке?

Он нахохлился и помрачнел.

Инвалиду войны трудно было жить в Дублине. На улице к нему мог подойти старик, пожать руку и поблагодарить за службу. А солдатская вдова в тот же самый день могла обозвать дезертиром из-за того, что у него руки-ноги целы. Любой прохожий мог заорать, что проклятая солдатня принесла на остров заразу с континента. Но, скорее всего, как я догадалась, вчера какой-то молодой националист, несостоявшийся мятежник, обозвал его пешкой Британской империи и закидал грязью, потому что такое уже случалось с Тимом и раньше.

— Расскажи мне, Тим. Иначе мне придется додумывать. Напиши, что произошло.

Я придвинула ему блокнотик и карандаш.

Он даже не пошевелился.

Вот, значит, каково это быть матерью: вечно нужно докапываться до причин горестей ребенка. Но ребенок, по крайней мере, каждый день чему-то учится, а мой братик…

Я осмелилась накрыть его руку своей.

Тим позволил ей там остаться. Но потом свободной рукой выдвинул ящик кухонного стола и вынул оттуда два свертка, перетянутых старой резинкой.

— Мой день рождения! — произнесла я. Как это я забыла!

Мой брат любил меня. У меня выкатилась слеза и упала на юбку.

Потянувшись за блокнотиком и карандашом, Тим написал:

«Всего лишь тридцать!»

Я расхохоталась и вытерла глаза. Да дело не в этом, правда!

Вместо того чтобы попытаться объяснить, я просто вскрыла первый сверток. Коробочка с четырьмя бельгийскими шоколадными конфетами.

— Тим! Ты что, хранил их еще с довоенной поры?

Он ухмыльнулся.

Второй сверток был круглый: под оберточной

бумагой я обнаружила большой желтый апельсин.

— Прямо из Испании?

Тим покачал головой.

Я продолжала играть в угадайку.

— Из Италии?

Довольный кивок.

Я поднесла фрукт к носу и вдохнула пикантный цитрусовый аромат. Я подумала о долгом путешествии этого ароматного шарика через Средиземноморье, мимо Гибралтара, к северным водам Атлантики. А потом через всю Францию… неужели такое еще возможно? Хотелось надеяться, что при транспортировке этого драгоценного фрукта никто не погиб.

Я сунула в сумку апельсин и коробку конфет — мой праздничный обед на день рождения, — покуда Тим собирал инвентарь для огородных работ.

Мы вышли в переулок; темное небо было исчеркано розовеющими всполохами. С третьей попытки брат завел мотоцикл. Я купила его на распродаже имущества офицерской вдовы, хотя так ему в этом и не призналась из опасений, что Тиму будет неприятно ездить на мотоцикле убитого.

Он уехал, я помахала ему вслед и вернулась в дом за пальто с пелериной. Продела все крючки в петельки. Стоя рядом с велосипедом, я приподняла юбки и затянула на них тесемки. Для первого утра ноября было не слишком холодно.

Брайди наверняка не умела ездить на велосипеде. То, что она жила в монашеской обители, объясняло многое: и следы дерматита, и ожог, случайно полученный на кухне, и то, в какой восторг ее приводила столовская еда, и бальзам для рук, и горячая вода из-под крана. Ничего удивительного, что она понятия не имела, как плод жил и двигался во чреве матери… Она же выросла в сиротском приюте и теперь жила в богадельне с монахинями, где ей было ужасно тоскливо, но податься ей больше было некуда.

Я миновала закрытые на замок двери школы, на которых висело свежее объявление, гласившее: «Закрыто до лучших времен решением совета по здравоохранению». Подумала о маленьких Нуненах: раз трущобные дети в эти дни не ходили в школу, выходит, они лишались и бесплатных школьных обедов.

Из окон оружейного завода со свистом вырвались клубы пара, значит, фумигаторы в цехах работали на полную мощность. А может быть,

рабочие томились в фосфорном тумане всю ночь. От ворот завода змеилась длинная очередь работниц, начинявших снаряды взрывчаткой; они переминались с ноги на ногу и вполголоса переговаривались, спрятав от рассветного холода пожелтевшие руки в карманы, и с нетерпением дожидались, когда им можно будет войти в здание и приступить к работе.

Мысленно я сказала Айте Нунен: «А вы закончили свою работу».

И нажала на педали. Тридцать лет от роду. Что станет со мной в тридцать пять? Если к тому времени война закончится, то что будет вместо нее?

Но я вернулась в настоящее. Что меня ждет сегодня? Делия Гарретт, рыдающая в подушку. Задыхающаяся незамужняя Онор Уайт. Лишь бы ее легкие выиграли эту битву! Мэри О'Рахилли: скорей бы закончились ее родовые муки и у нее на руках оказался младенец.

В переулке я поставила велосипед на цепь.

Проходя мимо мемориала павшим солдатам, я заметила, что какой-то мятежник написал на постаменте: «Не наша война». Интересно, подумала я, не тот ли это урод, что напал на Тима?

И разве это не война, которую ведет весь мир? Разве мы не заразились ею, оказавшись перед

ней такими же беззащитными, как перед прочими инфекционными болезнями? И мы не умеем держаться на безопасной дистанции от нее, и нет острова, на котором мы могли бы от нее спрятаться. Как и нищие, с которыми мы живем бок о бок, и война, вероятно, всегда будет рядом с нами. В каждом уголке мира, куда ни взгляни, будут царить канонады взрывов и ужас, осененный ухмылкой скелета.

Я подошла к толпе на трамвайной остановке. Все стояли на подчеркнутом удалении друг от друга, чтобы ни до кого не долетели воздушные капельки от кашля, но достаточно кучно, чтобы успеть втиснуться в подошедший трамвай. Пьянчуга пел, на удивление мелодично, не обращая внимания на сердитые взгляды:

К черту армию и к черту войну,
У меня нет ни свободной минутки!
Хочу сидеть дома, бить баклуши
И жить за счет девчонки…

Я поморщилась в ожидании гнусной рифмы. Но пьянчуга спел в конце не «проститутки», а «секретутки».

Подошел трамвай. Мне удалось втиснуться внутрь.

Стоя на нижней площадке, я успела сосчитать обогнавшие нас три «Скорые помощи» и пять катафалков. Церковные колокола неустанно били. Рядом со мной мужчина читал газету, а я старалась не замечать крупных букв заголовка статьи о потопленном лайнере: «Поиски спасшихся продолжаются». Мой глаз зацепился за другой заголовок чуть ниже: «Перемирие возможно». Газеты уже дважды широковещательно объявляли об окончании войны, и я решила не обращать внимания на такие заявления, пока не будут предъявлены достоверные подтверждения.

С каким же облегчением я сошла с трамвая перед больницей и немного постояла в предрассветных сумерках, чтобы надышаться свежим воздухом, прежде чем войти в больничные ворота. Фонарь освещал новое объявление, появившееся на фонарном столбе, — оно было длиннее обычного:

> УБЕДИТЕЛЬНО
> ПРОСИМ НАСЕЛЕНИЕ НЕ ПОСЕЩАТЬ ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕСТА, ТАКИЕ КАК КАФЕ, ТЕАТРЫ, СИНЕМАТОГРАФ И ПИТЕЙНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ.
> ПОСЕЩАЙТЕ ЛИШЬ ТЕХ ЛЮДЕЙ, КОГО

НЕОБХОДИМО.

ВОЗДЕРЖИВАЙТЕСЬ ОТ РУКОПОЖАТИЙ, А ТАКЖЕ ОТ СМЕХА И БЕСЕД В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ ДРУГ ОТ ДРУГА.

ЕСЛИ ВАМ НЕОБХОДИМО ПОЦЕЛОВАТЬСЯ, ДЕЛАЙТЕ ЭТО ЧЕРЕЗ НОСОВОЙ ПЛАТОК.

ПОСЫПАЙТЕ ВНУТРЕННЮЮ ЧАСТЬ ОБУВИ ФОСФОРНЫМ ПОРОШКОМ.

В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ЛУЧШЕ НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ ДОМА.

Я вошла в ворота под надписью «Vita gloriosa vita», шагая в обуви, которая не была продезинфицирована фосфорным порошком.

Мне хотелось сразу подняться в мое родильное/инфекционное отделение, но сначала я заставила себя пойти в столовую и перехватить что-нибудь на завтрак, даже на случай, если сегодня день выдастся хотя бы вполовину менее хлопотным, чем вчерашний.

Спустившись в подвальный этаж, я заняла очередь. У меня имелись опасения по поводу гарнира, который в последние дни подавали к сосискам, поэтому в этот раз я решила ограни-

читься овсянкой.

Я прислушалась к разглагольствованиям в очереди: мол, кайзер вот-вот капитулирует и мир будет неминуемо заключен. Мне пришло в голову, что в нынешней ситуации, когда повсеместно свирепствует грипп, никто не сядет за стол переговоров и не подпишет этот пакт; мы в больницах вели с этим гриппом войну на истощение, битву за каждого человека.

Молоденький доктор-практикант громко рассказывал о человеке, который пришел в приемный покой, уверенный, что болен гриппом, потому что у него сузилась глотка. Но парень оказался здоровехонек — просто его обуял страх. Слушатели нехотя захихикали.

Но разве паника не является таким же симптомом болезни, как и прочие? Я подумала о незримой силе, сковавшей голосовые связки моего брата.

Очередь проползла мимо нового объявления на стене, которое заглавными буквами предупреждало, что МОЯ ОШИБКА БУДЕТ СТОИТЬ ЕМУ ЖИЗНИ.

Я ела овсянку, встав с плошкой в углу, но не смогла осилить больше половины порции.

Вбежав в свою палату родильного/инфекци-

онного отделения, я не увидела рыжей головы. Брайди Суини не пришла.

Неутомимая сестра Люк в безупречно белом облачении медленно надвинулась на меня, точно океанский лайнер.

— Доброе утро, сестра!

Я поняла, что меня так и подмывает узнать у нее, где Брайди, словно она была опекуншей девушки.

На лестнице вчера вечером я потратила время на глупую болтовню с Брайди о звездах синематографа и даже не удосужилась узнать, придет ли она сегодня. Я поспешно сделала вывод, что да, придет, только потому, что мне так хотелось ей помочь, и с горечью осознала, насколько бездумно уверила себя, что сегодня утром она будет меня тут ждать. Брайди оказалась для меня тем человеком, кто, как утверждалось в плакате, был мне необходим.

Делия Гарретт на кровати справа, казалось, крепко спала.

Мэри О'Рахилли в середине свернулась улиткой, выпятив живот. Доктор Линн проткнула плодный пузырь, воды отошли, и теперь, если роды слишком затянутся, роженице грозила опасность. Существовал высокий риск заражения.

— Здесь у нас есть какой-то прогресс? — пробормотала я.

Сестра Люк поморщилась.

— Схватки каждые восемь минут. Сильнее, чем прежде, но врачи не слишком довольны темпом.

Наверное, Мэри О'Рахилли тоже. Ее глаза были крепко закрыты, черные волосы слиплись от пота, она даже покашливала устало.

Мне пришло в голову, что Брайди все же пришла, но просто находится сейчас в другом отделении. Канцелярия, естественно, направляет волонтерок туда, где в них больше нуждаются.

Онор Уайт безмолвно обращалась к четкам, перебирая их побелевшими пальцами.

— Эта пациентка слишком демонстративно бравирует своей набожностью, — прошептала мне монахиня на ухо.

Меня обуяла ярость. И я ответила очень тихо:

— А мне казалось, вы одобряете молитву.

— Да, если она искренняя. Но год молитв никоим образом не наставил ее светлость на путь истинный.

Резко обернувшись к ней, я спросила:

— Вы о миссис Уайт? Откуда вам это известно?

Монахиня поднесла палец к белой маске и постучала себя по носу.

— В нашей обители живет сестра, которая служит в доме матери и ребенка, и я расспрашивала ее об этой миссис. Она попадает туда уже во второй раз. Еще и полугода не прошло с тех пор, как она вышла оттуда, и что, разве она не оказалась теперь в том же самом положении?

Я скрипнула зубами. И мне на ум пришел вопрос:

— То есть после первых родов она оставалась там целый год?

— Ну, это обычный срок для их обитательниц, если ребенок остается жив.

Я не поняла.

И сестра Люк разъяснила:

— Столько женщине приходится работать в доме и ухаживать за маленькими, чтобы отработать расходы, коль скоро она сама не в состоянии заплатить.

Только теперь до меня дошло. Значит, считаясь преступницей из-за того, что она забеременела, Онор Уайт была принята в благотворительный пансион, где уход за ее ребенком и чужими детьми стал сродни наказанию; она оказалась должна монахиням целый год своей жизни, чтобы возместить потраченные ими деньги, покуда они удерживали ее своей узницей. Это была

странная логика порочного круга.

— А мать сохраняет… — спросила я. — Она может забрать ребенка по истечении года?

Сестра Люк вытаращила единственный глаз.

— Забрать, для чего? Естественно, большинство этих девок только и мечтают избавиться от позора и обузы!

Возможно, мой вопрос был наивным. Я и так знала, что мать-одиночка обречена на тяжкую жизнь. Но подумала, может ли такая женщина притвориться вдовой.

— Если такое прегрешение произошло впервые и случайно, — снисходительно продолжала сестра Люк, — и женщина встала на путь исправления, если она искренне любит свое чадо, а ее замужняя сестра или мать согласны признать его своим, ей могут позволить забрать дитя в свою семью. А некоторых держат и после такого срока, ежели они неисправимые… ежели это единственный способ отвратить их от злонамеренных проступков.

Ее слова лишили меня дара речи.

Завидев, как в дверь влетела рыжая копна, я от радости даже покачнулась.

— Доброе утро, Брайди!

Она метнулась ко мне со своей широченной,

от уха до уха, улыбкой. Но мне не следовало называть ее по имени — в присутствии сестры Люк уж точно. Я заметила, что Брайди никак меня не назвала — только кивнула в ответ.

— Ты позавтракала? — спросила я.

Она благодарно закивала.

— Кровяной колбасой и горой сосисок.

— Суини, — обратилась к ней монахиня, — посыпь пол дезинфицирующим средством да хорошенько отдрай его тряпкой, намотанной на швабру.

Дневная смена была за мной, почему же монахиня тут распоряжалась? Всем видом я показывала, что жду не дождусь, когда она удалится.

Сестра Люк сняла фартук и надела монашеский плащ.

— Вы уже были на мессе, сестра Пауэр?

Ее вопрос меня смутил, потому что сегодня было не воскресенье.

— А, месса Дня всех душ… Да! (Да простит Господь мою ложь; я просто не смогла бы стерпеть ее упреков.)

— Вы хотите сказать, Дня Всех Святых?

Я слышала, с каким удовольствием сестра Люк меня поправила.

— В первый день ноября, — объявила она, обра-

щаясь ко всем присутствующим, — мы празднуем торжество Господа на небесах, который бдит нас, грешников, на земле. А завтра, в праздник поминовения душ всех усопших, мы будем чествовать нашу церковь, заступницу за раскаявшихся грешников — душ наших усопших в чистилище.

Неужели она и впрямь вообразила, будто мне нужна ее лекция о тонкостях литургического календаря? Брайди уже драила пол. Я же, сняв пальто и поставив сумку в угол, пошла мыть руки карболовым мылом.

Онор Уайт кашлянула, и у нее во рту собралась мокрота.

— Можете поставить миссис Уайт горячую примочку на грудь.

Мысленно я напомнила себе, что ночная сиделка мне не начальница.

— Вообще-то, сестра, мой опыт говорит, что в случае воспаления дыхательных путей компрессы не помогают.

Ее единственная видимая бровь — та, что не была прикрыта повязкой, — взлетела к кудельками на лбу.

— Мой куда более богатый опыт говорит, что, если ставить компресс правильно, он помогает!

По движениям лопаток Брайди я могла сказать,

что она прислушивается к каждому слову нашей беседы. И ей явно хотелось заметить, что весь богатый опыт сестры Люк и все ее познания почерпнуты из прошлого века.

— Поскольку у нас дефицит персонала, — мягко возразила я, — позвольте мне все же остаться при своем мнении.

Едва слышное хмыканье.

— Отоспитесь хорошенько, — добавила я.

Монахиня застегнулась на все пуговицы с таким видом, словно у нее и в мыслях не было поступить столь малодушно.

— Суини, — строго сказала она, — не путайся сегодня под ногами.

Стоило сестре Люк скрыться за дверью, как Брайди оперлась о швабру и шумно фыркнула.

— Хорошо ты поставила на место старую каргу. Щелкнула ее по носу — она это запомнит!

Но ей самой не поздоровилось бы, если бы я поссорила ее с монахиней, учитывая, что они обитали под одной крышей. Кроме того, нельзя смущать пациенток смутой в рядах медицинского персонала. Поэтому, поглядев на Брайди, я покачала головой и сказала:

— Я рада, что ты сегодня пришла!

Улыбка.

— А почему я не должна была прийти?

Я ответила, стараясь оставаться бесстрастной:

— Ну, не знаю. Работа тяжелая, неприятные запахи, страшно…

— В обители у нас работа куда тяжелее, а главное — молитвы, молитвы…

— У нас — то есть у тебя и монахинь?

— У нас — обитательниц, нас там около двадцати девушек. Но в любом случае, вот я пришла. Смена обстановки — это как отдых. И здесь все так быстро меняется — каждую минуту происходит что-то новенькое!

Ее энтузиазм был заразительным. Я вспомнила, как она вчера порезалась осколком разбитого термометра.

— Как твой палец?

Она подняла его вверх.

— Ни следа. Этот твой карандаш просто чудеса творит.

— Вообще-то, все дело в науке.

Делия Гарретт уже не спала и пыталась принять сидячее положение в кровати. Я проверила ее швы: они хорошо заживали.

Она была слаба и немногословна.

— Скажите, ваша грудь стала мягче?

Слезы.

— Повязка на грудь должна помочь, миссис Гарретт.

Если туго перевязать молочные железы, они перестают вырабатывать нежелательное молоко. Я принесла рулон чистой марли. Не снимая с нее ночной рубашки, я четыре раза обернула грудь марлей.

— Скажете мне, если будет слишком туго? Или помешает дышать?

Она кивнула с безразличным видом.

— Хотите горячего виски?

— Давайте.

Возможно, разбавленный кипятком виски и не был ей нужен для лечения гриппа, но на ее месте я бы все эти дни спала и спала.

Онор Уайт приняла правильное положение для больной пневмонией — полулежа, но дышала с трудом и с присвистом, а ее бледная кожа приобрела зеленоватый оттенок. Я взглянула в ее медицинскую карту — удостовериться, что сестра Люк не забыла про назначенные ей общеукрепляющие таблетки. Конечно, забыла, и я написала рядом с названием таблеток «Боли в желудке» — препарат железа нередко вызывал такой побочный эффект. Пульс, частота дыхания, температура… не хуже, но и не лучше.

Когда я предложила виски, Онор Уайт по-прежнему наотрез отказалась от спиртного, поэтому я дала ей небольшую дозу аспирина, чтобы сбить жар, и ложку сиропа ипекакуаны от кашля. Потом развязала тесемки ее рубашки и растерла грудь камфарным маслом.

«Неисправимая» — это словцо, которым ее наградили, больно меня резануло. После всего, что пришлось пережить Онор Уайт, ее ожидало еще и двухлетнее заточение. Неужели закон позволяет монахиням удерживать человека в обители против воли?

Я тут же укорила себя: насколько мне было известно, Онор Уайт, быть может, и сама бы согласилась остаться в доме матери и ребенка, коли у нее не было никакого иного крова. Что вообще я могла в точности сказать об этой молчаливой женщине, о том, через что она прошла, чего хотела?

На средней кровати зашевелилась Мэри О'Рахилли, и я, повернувшись к ней, перечитала свои записи в медкарте. Схватки теперь продолжались с интервалом в семь минут. Я подождала, и когда, судя по ее лицу, схватка завершилась, спросила:

— Как вы себя чувствуете, миссис О'Рахилли? Вам удалось поспать ночью хотя бы немного?

— Наверное, да.

— Не хотите в туалет?

— Сестра Люк недавно меня водила. Как думаете, еще долго?

В ее тихом голоске угадывались нотки отчаяния, и слова я расслышала с трудом.

— Надеюсь, что нет. — Вот и все, что я смогла произнести в ответ.

(Я старалась вспомнить, когда после отхода вод обостряется риск развития инфекции: через двадцать четыре часа? Если врач скоро не придет, придется за ним послать.)

— Я дам вам горячего виски. И миссис Гарретт. И горячего лимонаду миссис Уайт.

Не успела я двинуться с места, как Брайди уже принялась готовить напитки на спиртовке. Она принесла три чашки и вложила каждую в ладони пациенткам.

Я смотрела на ее ловкие распухшие пальцы: интересно, сильно ли ее беспокоил лишай на руках?

— Не забывай пользоваться той мазью, Брайди, всякий раз, как помоешь руки.

— А можно?

— Конечно!

Брайди сняла банку с полки и втерла немного

бальзама в покрасневшие пальцы. Потом поднесла руки к лицу.

— Как же мне нравится эта мазь!

Меня это позабавило.

— Эвкалиптовый аромат? Так пахнет в трамвае, в котором я каждое утро еду. А ты знаешь, что эти душистые испарения испускают деревья?

Брайди грустно усмехнулась:

— Те деревья, что я знаю, так не пахнут.

— Они высоченные, и у них отваливается кора. Они растут в районе Голубых гор в Австралии. В теплые дни, как я слышала, от них исходят облачка этого аромата, и в воздухе висит голубоватый туман… Отсюда и название этих гор.

— Представляю! — мечтательно промурлыкала она.

Онор Уайт откинула голову на подушку и прикрыла глаза. Опять молится? Или просто утомилась от кашля?

Мэри О'Рахилли жалобно заскулила.

— Где вы испытываете самую сильную боль? — поинтересовалась я.

Ее ручонки вцепились в спину, в бедра, в живот — везде.

— Боль усиливается?

Она кивнула, закусив губы.

Я подумала, ощущает ли она позывы тужиться, но не стала спрашивать, чтобы не заставлять ее придумывать себе эти позывы; она была настолько покорная, что могла говорить то, что, как ей казалось, от нее хотели услышать.

— Поднимитесь, моя дорогая. Давайте посмотрим, можно ли как-то облегчить боль.

Я перенесла Мэри О'Рахилли на стул у стены и, сжав ее ноги повыше колен, немного сдвинула их назад.

Она невольно ахнула.

— Лучше?

— Мне кажется… да.

Я попросила Брайди сесть на корточки перед Мэри О'Рахилли и упереться ладонями в те же места, чуть выше колен.

— Дави посильнее. Если устанешь, сядь на пол и обопрись на нее всем телом.

— Я не устану, — заверила меня Брайди.

Онор Уайт шептала слова молитвы, вцепляясь в четки с такой же силой, с какой утопающая могла бы вцепиться в спасательный круг.

— Леди, так уж получилось, что у меня сегодня день рождения, — неожиданно для себя объявила я.

— Счастья и всех благ! — воскликнула Брайди.

— Так вот оно как…

Это был мужской голос. Я обернулась и увидела в дверях Гройна.

— Не будет ли с моей стороны большой дерзостью спросить, какой по счету день рождения?

— Что вам угодно, Гройн? — спросила я без тени улыбки.

Санитар вкатил в палату металлическую колыбель со скрипучим колесиком.

— Сестра Люк сказала, что это может понадобиться сегодня для миссис О'Рахилли.

Делия Гарретт тихо взвыла, точно от боли, и отвернулась.

Уж не она ли стояла здесь вчера в ожидании ее младенца? Но избавить ее от лицезрения колыбели у меня не было никакой возможности.

— Пропускаете мимо ушей мой вопрос, сестра Пауэр? — осклабился Гройн. — Ну, это само по себе и есть ответ. Я знаю, что девушки с радостью называют число, пока им не стукнет двадцать пять.

— Мне тридцать лет, — ответила я. — И меня не волнует, кому это известно.

— О, взрослая женщина!

Гройн, уперев локоть в косяк, замер в дверном проеме.

— Полагаю, вы станете выбирать наших будущих членов парламента и все такое. Ну, то есть если вы домовладелица, — добавил он насмешливо, — или съемщица жилплощади по пятифунтовому тарифу?

С тех пор как Тим ушел в армию, я была записана домовладелицей, но у меня не имелось ни малейшего намерения обсуждать с этим пентюхом свои домашние дела.

— Вы за предоставление избирательных прав женщинам, а, мистер Гройн? — спросила Брайди.

Он презрительно присвистнул.

И тут уж я не стерпела:

— Разве мы еще не доказали свою нужность обществу?

Санитар скроил гримасу.

— Ну, в армии вы же не служите, да?

Я опешила.

— На войне? Многие из нас еще как служат — медсестрами, шоферами и…

Но санитар только замахал руками.

— Но вы же не проливаете кровь за родину, так? Как это делают парни. Вы не можете принимать участие в делах Соединенного Королевства, пока не будете готовы отдать свою жизнь за короля!

Я рассвирепела:

— Да посмотрите вокруг себя, мистер Гройн! Вот где любой народ делает свой первый вздох! Женщины проливали свою кровь с самого сотворения мира!

Ухмыляясь, он вышел из палаты.

Брайди наблюдала за мной с кривой улыбкой.

Мэри О'Рахилли тихонько застонала.

Не дожидаясь моей просьбы, Брайди надавила на колени роженицы, чтобы ослабить боли от новой схватки.

Когда схватка прошла, я сказала:

— Теперь интервал между ними уменьшился до пяти минут.

— Это хорошо? — слабым голосом произнесла Мэри О'Рахилли.

— Очень хорошо!

Делия Гарретт через плечо смотрела на Мэри О'Рахилли ненавидящим мутным взглядом.

Эта колыбель… Мне не хотелось подкатывать ее к кровати молодой роженицы, чтобы та не подумала, будто я ее подгоняю. Но и оставлять колыбель у раковины — не дело: там она будет всем мешать. Кроме того, ее вид мог воодушевить будущую мамочку: колыбель служила бы ей напоминанием, ради чего она мучается. Словом, я

подкатила колыбель к изножью средней кровати, поближе к ногам Мэри О'Рахилли.

— Просто подготавливаю все необходимое, дорогая!

Ее глаза закрылись, и она издала стон, откинув голову назад.

Я подошла к шкафу с инвентарем, чтобы выложить то, что могло понадобиться во время родов. Брайди уже кипятила перчатки и сложенные в мешочек акушерские инструменты.

— Тебя и просить ни о чем не нужно, Брайди!

Ей понравилась моя похвала.

— А когда твой день рождения? — спросила я.

— У меня его нет.

Я всплеснула руками.

— У всех есть день рождения, Брайди.

— Ну, наверное, мой — это секрет.

— Не говори, если не хочешь, — сказала я немного обиженно.

Брайди понизила голос:

— Я имею в виду, что никто мне не сообщил.

Тут Онор Уайт сильно закашлялась. Я подошла заглянуть в ее чашку для мокроты — удостовериться, что она не выплюнула кусок легких, — и снова натерла ей грудь камфарным маслом.

Мэри О'Рахилли спросила, можно ли немножко

полежать, и я помогла ей лечь на левый бок.

Улучив момент, когда мы с Брайди оказались рядом около раковины, я снова смогла с ней переговорить:

— А ты знаешь, кто твои родители?

— Что-то не помню.

— Они живы?

Брайди передернула плечами и в присущей ей шутливой манере ответила:

— Были, когда меня отдали — или взяли — в обитель. Они не могли меня содержать, так сказали мне монахини.

— И сколько тебе тогда было лет?

— Не знаю. Но с тех пор и до четырех лет я считалась приемышем.

Выражение моего лица, наверное, дало ей понять, что я не поняла. Брайди уточнила:

— Я жила в пансионе. У меня была приемная мать, понимаешь? И раз уж я дожила до четырех лет, имея только руки и ноги, значит, она хорошо за мной присматривала.

Ее спокойный тон пробудил во мне жалость к ней — вернее, к той маленькой испуганной девочке, какой она когда-то была.

— Может быть, именно она и назвала меня Брайди — в честь святой Бриджит. Раньше у меня

было другое имя. Они не говорили какое, но я точно знаю: это не было имя святой.

Я внимательно слушала ее печальную повесть.

— «Они» — это монахини?

— И учителя, и воспитательницы в пансионе. Его называли профессиональным училищем, хотя никакое это было не училище, — добавила Брайди с презрением. — Две монахини управляли пансионом, но они каждый вечер возвращались в монастырь, оставляя вместо себя пару сотрудниц не монашеского сана.

Я вспомнила свой вопрос про день рождения, ставший поводом для этих откровений.

— Значит, никто из них никогда не говорил тебе, в какой день ты родилась?

— Даже в каком году, не сказали.

У меня ком подкатил к горлу. И я сказала несмело:

— Ну, если хочешь, считай мой день рождения и своим. Скажи, что сегодня и у тебя день рождения. Ведь такое вполне может быть.

— Ладно, — усмехнулась Брайди. — Почему бы и нет.

Мы продолжали молча хлопотать у раковины. Ни с того ни с сего она выпалила:

— Тебе, считай, повезло, что твой папа не отка-

зался от тебя после смерти мамы.

Я оторопела.

— А почему он должен был отказаться?

— Ну, вот мои знакомые три сестры… Их отослали домой, потому что приходской священник не позволил их овдовевшему отцу жить с ними в церковном приюте. Сказал, мол, так не годится, учитывая их возраст, — добавила она саркастически.

Но я все равно не поняла.

— Они что, были слишком юные, чтобы их воспитывал мужчина?

— Да нет, двум старшим было тринадцать и четырнадцать, а самой младшей — одиннадцать.

Я покраснела, когда наконец поняла, о чем она. Чтобы священник мог сказать такое… Его комментарий прозвучал для меня одновременно пуританским и непристойным.

— А ты думаешь, тебе было бы лучше дома, Брайди?

Она, не раздумывая, кивнула.

— Что бы ни случилось, да…

Нет, она же не хотела сказать, что их отец мог бы к ним приставать…

— Брайди!

— Но по крайней мере, они остались вместе. А

в доме им не позволялось разговаривать.

И снова я была сконфужена: их что, заставили дать обет молчания?

— Этим трем девочкам? — переспросила я.

— В смысле — между собой. Им сказали, что они больше не сестры.

Столь своевольная жестокость обращения с питомицами обители меня покоробила.

Но Брайди сменила тему:

— Значит, ты и твой брат…

— Мне было всего четыре года, так что я даже не знаю, возражал ли кто-нибудь, что папа воспитывал нас на ферме, — сказала я. — Когда мне исполнилось семь, а Тиму три, наш отец снова женился, на женщине с детьми, бывшими старше нас. Но для Тима я по-прежнему была маленькой мамочкой.

И тут мне в голову пришла одна мысль.

— Хотя, думаю, теперь ситуация перевернулась, потому что я работаю, как мужчина, а Тим сидит дома и готовит ужин…

Брайди рассмеялась.

— Хорошо вам!

Я вспомнила плакат, который видела утром: ВОЗДЕРЖИВАЙТЕСЬ ОТ СМЕХА И БЕСЕД В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ ДРУГ ОТ ДРУГА.

— О, будь уверена, я благодарна судьбе, — сказала я.

— Я имею в виду: вам обоим. Что вы друг у друга есть и можете друг о друге заботиться.

— Подруги, если вы не слишком заняты, — грубовато произнесла Делия Гарретт, — могу я побеспокоить вас и попросить еще горячего виски?

— Конечно, миссис Гарретт.

Тут я заметила, что Мэри О'Рахилли беззвучно плачет. От боли или от затянувшегося ожидания?

Я взяла холодную салфетку и обтерла ей лицо.

— Хотите, мы снова посадим вас на стул и снова надавим на бедра?

Но тут в палату влетела доктор Линн, в том же воротничке и галстуке и в той же юбке, что и вчера.

— Ну что, очередной день битвы, храни нас всех Господь, — сказала она вместо приветствия.

Я поспешно собрала медкарты наших трех пациенток, положив карту Мэри О'Рахилли сверху. Но, прежде чем я успела слово сказать, меня опередила Делия Гарретт:

— Я хочу домой! — громко заявила она.

— Ну конечно, хотите, бедняжка, — ответила

врач. — Но дело в том, что неделя после родов гораздо опаснее для здоровья родильницы, чем предшествующая неделя.

(Тут я вспомнила о маме, как она впервые взяла Тима на руки. И подумала о тех матерях, которых я видела в родильном отделении, как они улыбались своим младенцам, а на второй день у них начинался озноб, а на шестой день они умирали.)

Делия Гарретт прижала ладони к распухшим глазам.

— У меня даже нет этого чертова ребенка!

Доктор Линн кивнула.

— Ваша дочь сейчас в руках Господа. И нам надо позаботиться о том, чтобы мистер Гарретт и ваши малютки не потеряли еще и вас.

Делия Гарретт фыркнула и затихла.

Затем врач послушала грудную клетку Онор Уайт и велела дать ей героинового сиропа[33].

Та, задыхаясь, выдавила:

— Я не принимаю опьяняющие средства.

— Моя дорогая, это же лекарство! Мы используем его для подавления кашля при тяжелых бронхиальных заболеваниях.

---

[33] Примечания: 33

В начале XX века немецкий фармацевтический концерн «Байер» выпускал такую микстуру от кашля.

— Тем не менее…

— Миссис Уайт — член Пионерской ассоциации, — пробормотала я.

— Как и мой дядя, — заметила доктор Линн. — Но он принимает то, что ему прописывает врач.

Онор Уайт упрямо просипела:

— Никаких опьяняющих веществ!

Доктор Линн вздохнула.

— Тогда, сестра Пауэр, снова дайте ей аспирин, но не больше пятнадцати гранов[34]. И, пожалуй, горячего лимонаду.

Она вымыла и продезинфицировала руки, надела резиновые перчатки и подошла наконец к Мэри О'Рахилли. Я положила ее в обычное положение для осмотра: на бок, выставив ягодицы над краем кровати.

— О, ну вот мы и сдвинулись с мертвой точки!

Доктор Линн стянула перчатки. А я помогла Мэри О'Рахилли лечь на спину. Та покосилась на выпирающий купол своего живота.

— Она на стадии потуг, — сообщила мне врач. — Поэтому дайте ей хлороформу, чтобы предупредить риск замедления процесса.

Мэри О'Рахилли зажмурилась и тихо застонала,

---

[34] Примечания: 34

Гран — единица веса, около 0,065 г.

словно в знак протеста, почувствовав приближавшуюся волну боли.

Выходя из палаты, доктор Линн заметила:

— Но ближе к концу событий ничего ей не давайте, ладно?

Я кивнула, зная, что лекарство может попасть в организм младенца и нарушить работу его легких.

Я сняла с полки бутылку с хлороформом, налила столовую ложку на ватный загубник ингалятора и передала его Мэри О'Рахилли.

— Вдыхайте это, когда понадобится.

Она припала к ингалятору и задышала.

— У вас наконец-то раскрылась матка, — сообщила я ей.

— Да?

— Лежите вот так на левом боку, это нужное положение, но ногами нужно упираться через подушки в спинку кровати.

Я выпростала края простыни, чтобы ничто не мешало ей лечь ногами к изголовью.

Мэри О'Рахилли неловко развернулась на матрасе.

— Я привяжу это длинное полотенце около вашей головы, чтобы вы могли за него схватиться, — объясняла я. — Дождитесь новых схваток и

будьте готовы к потугам.

Мне уже так давно были знакомы физические страдания рожениц, что я чуть ли не по запаху могла учуять приближение родов.

— Смотрите на свою грудную клетку, миссис О'Рахилли, — продолжала я. — Вам придется задержать дыхание и изо всех сил тянуть полотенце — так, словно это веревка церковного колокола. Так, начали. Тужьтесь!

Роженица стала тужиться; усталая девочка стиснула зубы и хорошо справилась со своей задачей, учитывая, что это у нее было первый раз в жизни.

Потом я сказала:

— Это только начало. Отдохните минутку.

Вдруг она заканючила:

— Мистеру О'Рахилли не понравится, что меня так долго нет дома.

Мы с Брайди встретились глазами, и я едва не расхохоталась.

— Вы о нем не беспокойтесь, миссис О'Рахилли. Вы же не можете родить этого ребенка быстрее, чем он сам появится на свет, да?

— Я знаю, но…

Брайди взяла роженицу за руки и заставила их схватиться за подкову из полотенца.

— Выбросьте все эти мысли из головы, — строго наказала я. — Сейчас вам нужно думать только об этом.

На лбу у Мэри О'Рахилли выступила испарина, и она заметалась на простынях.

— Не могу!

— Нет, можете! Он уже выходит. Тужьтесь!

Но она не смогла стерпеть новый спазм боли: волна накрыла ее с головой. Она стала извиваться, рыдать и кашлять.

— Я правда не знаю как, я такая дура!

Мой взгляд скользнул на Брайди.

— Вовсе нет, миссис О'Рахилли. Природа сама знает как.

(Знает, как достичь своих целей, хотела я сказать, но не сказала. Я видела, как природа разгрызала женщин, словно ореховые скорлупки.)

— Я буду с вами, я помогу, клянусь, никуда не уйду!

— И Брайди тоже! — выдохнула Мэри О'Рахилли.

— Обязательно! — отозвалась Брайди.

Я дала роженице ингалятор, в который она впилась губами.

— О! О!

Ее сковал новый спазм.

— Тужьтесь!

Она задержала дыхание, так что ее лицо посинело, и тихо постанывала, скрипя зубами.

— Берегите силы, — напутствовала я ее на ухо. — Расслабляйтесь между схватками.

Но у нее была лишь пара минут передышки.

Покуда Мэри О'Рахилли кашляла и переводила дыхание, мы с Брайди двигали ее ноги. Я вращала ее таз из стороны в сторону и сжимала бедра, но это не помогало унять боль.

— Дыхалку дайте! — прохрипела она.

Я дала ей ингалятор, накапав еще хлороформа на загубник. Измерила ей пульс, температуру, частоту дыхания.

Волны схваток накатывали, с каждым разом становясь интенсивнее. Я прибегла ко всем известным мне ухищрениям. Я массировала стиснутые челюсти Мэри О'Рахилли. Когда у нее свело правую икру, я попросила Брайди ее размять. Так прошло сорок минут — я следила по часам.

— Сколько обычно надо тужиться? — прошептала Брайди мне на ухо.

— Всегда по-разному, — ответила я.

— Кажется, меня сейчас вырвет, — слабым голоском проговорила Мэри О'Рахилли.

Брайди убежала за тазиком.

В следующие четверть часа я заволновалась. Плод не выходил. Изможденное лицо Мэри О'Рахилли говорило мне, что продолжительные родовые схватки ее выматывают — ну и вдобавок ее организм боролся с гриппом.

Я отвела Брайди в сторонку.

— Сбегай за доктором Линн. Скажи ей, что у миссис О'Рахилли уже час как потуги. Хотя нет, постой…

Первые роды обычно могут длиться до двух часов. Но что же меня тревожило? Может быть, подумала я, вялость сокращений матки? Может быть, юная роженица настолько ослабла, что ее матке просто не хватает сил вытолкнуть плод наружу? Или ему что-то мешает? Я мысленно перебрала все возможные угрозы: воспаление, разрыв, кровотечение, инфекция.

— Скажи врачу, меня беспокоит, что у нее может быть непроходимость, — добавила я шепотом. — Запомнишь слово?

— Непроходимость, — повторила она.

И умчалась.

Меня охватила паника: я сжала себе запястье, так что оно посинело. Я не могла позволить пациенткам увидеть мой страх. Но они вряд ли следили за моими действиями внимательно:

Онор Уайт, закрыв глаза, молча молилась, Делию Гарретт охватил алкогольный дурман, ее перетянутая грудь торчала колесом, как у мужчины.

Я уперлась коленом в спину Мэри О'Рахилли и обхватила ее так сильно, что она принялась дубасить ступнями по подушкам.

Вернулась Брайди, за ней по пятам следовали двое мужчин, оба в наглухо застегнутых темно-синих кителях и в высоких яйцеобразных шлемах со звездами.

Я на секунду обомлела, потом встала и накрыла Мэри О'Рахилли простыней.

— Да как вы посмели сюда войти? Выходите, выходите! Это женская палата.

Но сотрудники дублинской городской полиции, вернувшись к двери, застыли там. Констебль, тот, что пониже, сказал:

— Мы ищем…

Но тут встрял высокий:

— Нам нужна женщина-врач. Линн. У нас есть ордер, — с этими словами он постучал себе по нагрудному карману. — Военные преступления.

Первый неуверенно спросил:

— Это же родильное отделение?

Я уже собралась ему сказать, что основное родильное находится этажом выше. Но если они

оказались настолько тупыми, что решили, будто в такой огромной больнице в родильном отделении могут лежать только три роженицы, зачем мне их поправлять? Я указала рукой на пустую детскую колыбель.

— А вы как думаете?

Высокий нахмурился и поправил ремешок под подбородком.

— Так где мы можем найти эту миссис Линн?

— Откуда же мне знать?

Но дело в том, что я никак не могла обойтись без врача именно сейчас, когда в здании не было ни одной акушерки. Если полицейские ее арестуют, посадят за решетку или снова депортируют в Англию — что станется с Мэри О'Рахилли? В первую очередь меня заботило благополучие моих пациенток, а политика могла подождать.

— И что у вас за ордер? — поинтересовалась я.

Констебль выудил из кармана листок бумаги.

— Регламент обороны региона, пункт четырнадцать-бэ, — немного запинаясь, начал он читать, — подозреваемые в совершении в настоящее время или ранее или намеревающиеся совершить деяния, нарушающие общественную безопасность…

— Боже, что это значит?

Брайди набрала воздуха, намереваясь что-то сказать.

Я бросила на нее предостерегающий взгляд.

— Я только что была наверху, — проговорила она, — но не видела там доктора Линн.

Первый полицейский сник, разочарованно опустив плечи.

— Ладно. Когда придет, скажите ей, что она должна зайти… явиться в срочном порядке в Дублинский замок[35].

— Конечно, констебль, — отчеканила я.

Прижав голову к краю матраса, Мэри О'Рахилли перепуганными глазами наблюдала разыгравшуюся сцену. Но у нее опять начались схватки. Она вцепилась в свернутое петлей полотенце и издала протяжный вопль.

Оба полицейских тотчас шмыгнули за дверь.

На сей раз я подняла ее правую ступню, уперла себе в бедро, и роженица начала тужиться. Никак.

Когда мне выпал момент встретиться с Брайди около раковины, я прошептала:

— Ты ведь это придумала — что не видела доктора Линн?

---

[35] Примечания: 35
Комплекс правительственных зданий в столице Ирландии.

Рот Брайди сложился в озорную улыбку.

— Не совсем. Мне сказали, что она в хирургии, и обещали передать твою просьбу.

Мэри О'Рахилли снова закричала.

Я поспешила к ней. Пощупала низ живота и с помощью слуховой трубы убедилась, что сердце плода бьется нормально. Схватки у нее длились уже… я сверилась со своими часами… дольше часа с четвертью, и я уже не могла нащупать голову пальцами, как будто она опустилась на дюйм. Но что же мешало младенцу выйти?

Во взгляде Брайди, обращенном на меня, сквозило такое безусловное доверие, как будто я знала все на свете, и мне все было по плечу, и у меня действительно была легкая рука.

Мочевой пузырь! Миссис О'Рахилли его не опорожнила!

— Брайди, подай, пожалуйста, судно. Поскорее!

Я убедила юную роженицу приподнять одно бедро и подсунула судно под нее.

— Вам нужно снести лишнюю жидкость, миссис О'Рахилли, чтобы в брюшной полости было больше пространства. Попробуйте помочиться. Хотя бы каплю.

Она заплакала и закашлялась.

— Там нет ничего.

Я подумала, не передавила ли голова плода мочеиспускательный канал, препятствуя выходу жидкости.

— Попробую выпустить мочу, — сказала я ей.

(Это было упрощенное описание довольно сложной процедуры. Но в отсутствие врача мне надо было попробовать.)

Я помогла Мэри О'Рахилли снова лечь на левый бок. После этого я бросилась к раковине и тщательно вымыла руки, потом нашла стерильный катетер и бутылку карболовой кислоты.

Мэри О'Рахилли прижала подбородок к груди, оскалив зубы. Она заметалась, ее глаза выкатились из орбит.

Когда схватка прошла, я сказала:

— Вы отлично справляетесь.

Она охнула, когда я обработала ее промежность холодным раствором антисептика.

Шевеля одними губами, я шепнула Брайди:

— Держи ее.

Брайди обеими руками ухватила роженицу за лодыжки.

— Миссис О'Рахилли. А сейчас, пожалуйста, полежите не шевелясь минутку.

Я ставила катетер и раньше, не часто, но никогда роженице во время схваток.

— Вы почувствуете укол, — предупредила я ее, — но только на секунду.

Она поморщилась. Сама не знаю как, но я быстро нашла вход и ввела промасленный конец катетера на полдюйма. Она издала пронзительный вопль.

Но что, если внутренние органы смещены головкой младенца… что, если я проткнула ей мочевой пузырь? Я закрыла глаза и затаила дыхание. Катетер медленно вошел вглубь…

Моча цвета жидкого чая брызнула мне на фартук. Но я быстро опустила свой конец катетера в сухое судно.

— Получилось! — воскликнула Брайди.

Мэри О'Рахилли мочилась обильно, как солдат, как лошадь, струя била, точно горный ручей. Когда все закончилось, я вытащила трубку, и Брайди понесла полное судно к раковине.

Я смахнула темную прядь волос с глаз Мэри О'Рахилли и уверенно заявила (хотя не чувствовала особой уверенности):

— Это должно помочь.

Она слабо кивнула.

Но время шло, а никакого результата не было. Ничего не помогало.

Я подумала сделать ей клизму, но, вспомнив,

как мало она ела, отказалась от этой идеи, решив, что кишечник, вероятно, не переполнен. Схватки наступали с интервалом в три минуты, для нее это была нескончаемая пытка. Невзирая на все усилия Мэри О'Рахилли, обитатель ее огромного натянутого живота не спешил на волю. А что, если его голова застряла у верхнего края входа в таз? Состояние моей пациентки ничуть не изменилось, если не считать того, что она слабела и бледнела все больше.

Я попыталась залезть в глубины памяти и точно вспомнить, что мне говорили на курсах об осложненных родах. Причиной осложнений могла быть непроходимость шейки матки, неправильное положение плода или нехватка сил у роженицы. А может быть, у Мэри О'Рахилли был слишком маленький или деформированный таз, или слишком крупная голова у плода, или у него было неправильное предлежание, или роженица была слишком изнурена, чтобы самостоятельно исторгнуть плод из себя. Господи, только бы не пришлось накладывать щипцы! Они спасли немало жизней, но во всех случаях, когда я присутствовала лично, и матерям, и младенцам наносили жуткие травмы…

Я потрогала лоб Мэри О'Рахилли. Жара нет.

Измерила пульс — больше ста и нитевидный.

Моя паника усилилась. Страдания от гриппа и от родовых схваток могли вызвать у нее шок.

Надо ввести хлорид натрия внутривенно.

— Побудь с ней, — попросила я Брайди.

Со стерильного подноса на верхней полке шкафа я взяла длинную иглу, трубку и резиновую спринцовку. Отмерила две пинты горячей воды из чайника, добавила соль и, долив немного холодной воды, довела смесь до температуры тела.

Потом обернула руку Мэри О'Рахилли чуть повыше правого локтя хирургической нитью, затянула потуже, пока не показалась голубоватая вена, а роженица, похоже, даже не заметила моих манипуляций. Почувствовав приближение очередной схватки, она ухватилась за полотенце и уперлась ногами в чулках в стойки кровати. (Подушка упала на пол, но я не смогла до нее дотянуться).

Я вонзила ей в вену иглу и постаралась как можно скорее ввести теплый солевой раствор.

Взяв ее за запястье, я отсчитала пятнадцать секунд, после чего умножила на четыре. Пульс упал до девяноста. Это хорошо. Но не увеличилось ли пульсовое давление?

— Что вы делаете, сестра?

Доктор Маколифф в своем элегантном черном костюме.

Черт побери. Мне была нужна доктор Линн с ее опытом работы в родильных отделениях. Если только ее еще не арестовали… а вдруг в коридоре она наткнулась на полицейских в синих мундирах?

— Ввожу миссис О'Рахилли солевой раствор, чтобы снять болевой шок.

Я выдернула иглу из руки роженицы и наложила на место укола чистую марлевую повязку.

— Подержи вот здесь, Брайди.

— А почему она лежит задом наперед? — поинтересовался Маколифф.

— Чтобы она могла упираться ногами в стойки изголовья.

Врач уже мыл руки под краном. Я дала ему пару стерильных перчаток.

Введя правую руку в Мэри О'Рахилли, Маколифф дождался нового спазма и сильно надавил левой рукой на верхнюю часть матки.

Роженица протяжно застонала.

Я закусила губу. Но нельзя же просто выдавить младенца из чрева матери! А если попытаться, можно нанести вред и матери, и ребенку. Уж я-то насмотрелась на разорванные и даже выверну-

тые наружу матки по причине неосторожного обращения. Но скажи я ему такое, это стало бы нарушением субординации.

— Говорите, схватки продолжаются уже час с четвертью? Но тогда голова плода должна находиться гораздо ниже.

Меня так и подмывало сказать:

— Поэтому я и послала за вами, доктор!

Но я промолчала.

— Хм… — проговорил Маколифф. — Явная диспропорциональность.

Я всегда боялась услышать это слово, обозначающее разницу между узким тазом роженицы и крупной головой плода.

А он продолжал:

— По моей оценке, затылочно-лобный диаметр головы составляет от четырех до пяти дюймов, а тазовый выход — менее четырех, но не могу сказать с уверенностью без тщательного измерения акушерским тазомером, но для этого вероятно, понадобится общая анестезия.

Моя роженица могла в любую минуту умереть, а он собрался погрузить ее в искусственный сон, чтобы с помощью инструментов и формул определить точный коэффициент успеха в решении возникшей проблемы.

— Но, в общем и целом, — продолжал Маколифф, — полагаю, требуется хирургическое вмешательство в процесс.

Я стояла и размышляла: «Как это сделать здесь, в импровизированной палате, где койки стоят впритык!»

— Но уровень смертности после кесарева сечения у нас настолько высок, что я бы попробовал прибегнуть к симфизиотомии[36]. Или, что еще лучше, к пубиотомии.

У меня сердце упало. Эти операции по расширению таза были обычным делом в ирландских больницах, потому что не наносили урон матке и не препятствовали будущим беременностям и родам. У пубиотомии перед кесаревым сечением было одно преимущество: она в меньшей степени грозила убить Мэри О'Рахилли, даже если бы ее стал проводить под местной анестезией на полевой койке молодой хирург, выучивший операцию по учебнику.

Но это значило, что потом она пролежит у нас в палате две с половиной недели со связанными

---

[36] Примечания: 36

Симфизиотомия (лоносечение) — акушерская операция, состоящая в рассечении лонного хряща во время родов, которую делают при несоразмерности между головой плода и тазом матери. Аналогичная операция — пубиотомия — предусматривает рассечение лобковой кости.

ногами, и послеоперационное состояние вполне могло нанести ей непоправимый вред: я слышала массу рассказов, как после женщины до конца жизни хромали, страдали недержанием и испытывали постоянные боли.

Я мучительно подыскивала слова, которыми могла бы выразить свои сомнения.

Мэри О'Рахилли тужилась и вполголоса постанывала, словно стараясь не привлекать к себе внимания.

Маколифф встал перед ней так, чтобы она его видела, и сказал:

— Я собираюсь сделать местную анестезию, миссис О'Рахилли, а затем помогу вам разрешиться. Это несложная процедура, после которой вы сможете без проблем родить и этого ребеночка, а потом и его следующих братиков и сестричек.

Она в ужасе смотрела на него.

Не стоило ли ему предупредить пациентку, что он собирается рассечь надвое лобковую кость?

Или это сделать мне?

— Доктор Маколифф… — взмолилась я.

— Вам просили передать, сестра Пауэр…

Я резко развернулась и увидела уже знакомую мне младшую медсестру, которая стояла, запыхавшаяся, в дверях.

— Что именно?

— Доктор Линн спрашивает: а вы не пробовали позу Вальхера?[37]

Какого еще волхва? Я ничего не поняла из этого бессмысленного нагромождения звуков. Но потом они превратились в набор немецких букв — и до меня дошло.

И спросила у Маколиффа, запинаясь:

— А если положить ее в позу Вальхера, доктор… Это немного расширит таз, и голова плода опустится вниз.

Он раздраженно скривил губы.

— Возможно, но в данный момент…

— Да, и вас просили срочно зайти в мужское инфекционное отделение, доктор Маколифф, — добавила младшая медсестра.

Я воспользовалась удачной возможностью и произнесла смиреннейшим тоном:

— Позвольте, пока вас нет, я сама положу ее в позу Вальхера, чтобы до операции убедиться, что это ей не поможет?

Мэри О'Рахилли молча переводила взгляд то на

---

[37] Примечания: 37

Густав Адольф Вальхер (1856–1935) — немецкий врач-гинеколог рекомендовал так называемые вертикальные роды, позу, когда роженица ложится на стол и, согнув ноги в коленях, свешивает их вниз, за счет чего тазовые кости раздвигаются.

меня, то на него.

Молодой хирург вздохнул.

— В любом случае мне надо сходить за хирургической пилой. А вы пока подготовьте ее к операции, хорошо?

Как только он вышел за дверь, я вместо того чтобы выбрить, вымыть и продезинфицировать лобок Мэри О'Рахилли для пубиотомии, схватила с полки «Акушерство» Джеллетта. Я принялась листать книгу, но руки так дрожали, что нужная страница с описанием позы Вальхера никак не находилась. Пришлось искать в именном указателе на букву В. Нашла: «Редко используемое положение полулежа с согнутыми в коленях ногами… может способствовать расширению таза на полдюйма, — читала я. — Применяйте не чаще, чем в течение двух-четырех сокращений матки или четверти часа». Почему? Потому что женщине очень больно? Но доктор Вальхер этого не объяснял.

Описание требовало использовать операционный стол или по крайней мере раскладную больничную койку, которую можно приподнимать с любого края. А в моем распоряжении была лишь дешевая низкая кровать. Но зато у нее не было спинки в ногах, поэтому роженица вполне

могла свесить ноги, а мне оставалось только самой их поднимать.

— Дайте-ка я помогу вам привстать с кровати, миссис О'Рахилли.

Она стала было сопротивляться, но обмякла у меня на руках, заплакала.

— Брайди, — спокойно произнесла я, — посмотри, пожалуйста, на нижней полке шкафа, там должны быть складные подпорки для рожениц.

— Какие именно?

Она уже стояла у шкафа с инвентарем.

— Давай все. И подложи их под нижнюю часть матраса, чтобы приподнять его как можно выше.

Брайди, понятное дело, не могла знать, что я задумала, но не стала задавать вопросы, а ни слова не говоря, задрала нижний край матраса повыше и прямо на каркасе кровати сложила клиновидные подпорки друг на друга в пирамиду.

Тут у Мэри О'Рахилли началась очередная схватка. Пока она кричала, вскидывалась и обмякала, я все время держала ее под мышки. Я знала, что мне надо бы измерить ей пульс, чтобы понять, не случится ли с ней снова болевой шок, но у меня не было свободной руки.

— Этого хватит, — сообщила я Брайди.

Вернее, следовало сказать: «*Надеюсь*, что этого

хватит», — потому что больше подпорок в шкафу не было.

Брайди опустила край матраса на пирамиду из подпорок. Теперь матрас стоял торчком, словно после землетрясения. Простыни смялись, но Брайди их расправила.

Слава богу, что Мэри О'Рахилли была такая миниатюрная: под рослой женщиной это шаткое сооружение не удержалось бы.

— Давай сдвинем ее ягодицы к поднятому краю матраса, — обратилась я к Брайди, — так чтобы ноги свободно свисали.

Моя помощница не поняла, зачем, но возражать не стала и помогла мне переместить юную роженицу вперед.

Поняв, что теперь ее бедра оказались выше головы, спина выгнута назад, а сама она беспомощно замерла, словно большое насекомое на иголке, и над ней высится купол живота, Мэри О'Рахилли взвыла:

— Нет!

— Доверьтесь мне! — попросила я. — Под тяжестью ваших ног матка раскроется и выпустит ребенка на волю.

(Мои слова прозвучали так, будто Мэри О'Рахилли держала младенца в плену своего чрева,

но ведь и сама она тоже была пленницей, разве нет?)

— О! О! Сейчас будет больно! — И тут вскрикнула так громко, что вопль, наверное, услышал весь этаж. Она захлебывалась в рыданиях. — Меня сейчас разорвет!

Я чувствовала себя палачом, подвергающим слабую девушку казни колесованием. Не более двух-четырех сокращений матки. Значит ли это, что надо прекратить после второго сокращения? Или после третьего? Или четвертого? Или надо дождаться возвращения Маколиффа с его пилой, чтобы он разделал ее тело как надо?

— С вами все будет хорошо, миссис О'Рахилли!

Но сказанное не принесло ни облегчения, ни отсрочки страданиям. Она была как пловец, пытающийся выплыть из стремнины: ничто не могло избавить ее от неминуемой судьбы. Воздух в тесной палате, казалось, был опасно наэлектризован.

— Держи ее покрепче, Брайди, чтобы не соскользнула.

Сама же я присела на корточки между свисавших ног Мэри О'Рахилли и, сгорбившись, стала всматриваться в алый цветок, набухший в ее промежности.

— А теперь тужьтесь изо всех сил, миссис О'Рахилли. Давайте!

Она рычала и вскидывалась всем телом, и тут на мгновение появился темный кружок.

— Я видела головку! — крикнула я ей. — Еще раз потужьтесь! На третий все получится!

Опав на матрас, она чуть слышно выговорила:

— Не могу…

— Сможете. У вас чудесно получается!

Тут у меня возникла совершенно безумная идея. Я вскочила на ноги.

— Я вижу голову вашего ребенка. Если вы ее чувствуете…

С красным от натуги лицом Мэри О'Рахилли извивалась и тяжело дышала.

Я схватила ее за правую руку, чтобы быть готовой.

Боль объяла ее всю, стиснула в своих объятьях, замерла, чтобы вдруг нахлынуть вновь.

— Тужьтесь!

Но на этот раз я переместила ее руку под живот и поднесла к промежности. Не очень гигиенично, но, возможно, сейчас ей именно это было нужно. И стоило мне опять увидеть темную макушку, я прижала к ней пальцы.

На осунувшемся лице Мэри О'Рахилли возник-

ло выражение изумления.

В воцарившейся на секунде тишине я распрямилась. Макушка размером в шиллинговую монету все еще виднелась.

— Я дотронулась до волос, — выдохнула она.

— Они такие же черные, как у вас, — сказала я.

После того как показался ребенок, Мэри О'Рахилли можно было изменить позу Вальхера. Я подняла ее правую ногу и уперла ступню себе в живот.

— Вытаскивай подпорки из-под матраса, Брайди!

Она их выдернула.

Матрас с шумом упал на каркас кровати, а вместе с ним и Мэри О'Рахилли. Я подложила ей под голову одну клиновидную подпорку и помогла занять положение полулежа.

— Мне их отнести обратно?

— Оставь, Брайди! Подержи ее за другую ногу!

Она обежала вокруг кровати и подняла левую ногу Мэри О'Рахилли.

Вжавшись в стену, Онор Уайт лежала на левой кровати с оцепеневшим лицом.

— Сейчас начнется, миссис О'Рахилли.

Она затаила дыхание и так сильно ткнула меня ногой, что я невольно попятилась.

Показалась коническая головка, липкая от крови, лицо повернуто вбок, словно устремив взгляд через палату.

— Господи воля твоя! — воскликнула Брайди.

Когда младенец наполовину выходит наружу, а наполовину остается внутри, это всегда диковинный момент: ребенок словно оказывается между двух миров. Кожа у него была здорового цвета, но больше я ничего не могла сказать.

— Головка вышла, миссис О'Рахилли, почти вся.

Тем временем я искала пуповину. Чтобы не занести в организм роженицы инфекцию, я не стала трогать ее пальцами, а лишь слегка повернула крошечное личико к позвоночнику матери и… да, увидела пуповину, обернутую вокруг шеи ребенка. В таком положении именно пуповина могла удерживать тело внутри, а то и перетянуть его, нарушив кровообращение младенца; в любом случае мне надо было высвободить его из удавки. К счастью, пуповина обвилась вокруг шеи только один раз. Я стала осторожно дергать пуповину, пока не вытянула ее на приличную длину и сняла с шеи через крошечную голову.

Торопливый врач схватил бы голову и вытянул младенца из чрева, но меня научили способу

получше. Надо терпеливо наблюдать.

Когда пришли очередные схватки, я скомандовала:

— Давайте же, выталкивайте ребенка!

Лицо Мэри О'Рахилли побагровело.

И тут произошло необычайное — сколько раз я наблюдала этот момент и не уставала видеть его снова и снова: конусообразный череп нырнул обратно внутрь, точно голова пловца под воду, и в следующее мгновение младенец выпал в мои подставленные ладони. Живой!

Брайди удивленно засмеялась, словно присутствовала на цирковом выступлении фокусника.

Я вытерла новорожденному носик и губки — а тот уже захныкал, и его мокрое тело слегка подергивалось. Девочка! С тощими ножками, темной и чуть вспухшей промежностью.

— Вы молодец, миссис О'Рахилли. У вас чудесная дочка!

Мэри О'Рахилли издала полувсхлип-полусмешок. Может быть, она не могла поверить, что тяжкий труд завершен. Или что слово «дочка» теперь относится не к ней, семнадцатилетней, а к ее крохотной дочурке. Дожидаясь, когда голубой шнурок пуповины перестанет пульсировать, я быстро осмотрела новорожденную — проверила

все пальчики на руках и ногах, не укорочена ли уздечка языка, в норме ли анус и не вывихнуты ли бедра. (Почти все младенцы рождались абсолютно здоровыми, даже у матерей, живших в нищете, словно природа изначально снабжала детей всем необходимым, как бы это ни сказывалось на здоровье их матерей.) У новорожденной не было проявлений асфиксии, хотя в последние несколько часов она была прижата пуповиной к тазовой кости. Не было и признаков того, что инфекционная болезнь матери причинила ребенку какой-то вред.

Пуповина, доставив в организм младенца последнюю порцию крови, теперь была безжизненна. Я положила младенца личиком вниз на мягкий живот матери, освободив себе руки. Пальцы Мэри О'Рахилли скользнули вниз, чтобы потрогать липкую кожу ребенка. Я завязала на пуповине два узелка и перерезала ее ножницами. Потом завернула младенца в чистую простынку и передала Брайди.

Моя рыжая помощница была невероятно воодушевлена.

— Это было потрясающе, Джулия!

Мэри О'Рахилли попросила:

— Покажите ее!

Брайди поднесла новорожденную поближе к молодой матери, чтобы та ее хорошо рассмотрела.

Прежде чем Мэри О'Рахилли смогла что-то сказать, я упредила ее вопрос:

— Младенцы часто рождаются с немного заостренной головкой, потому что совершают долгое путешествие, но через несколько дней голова округлится.

Мэри О'Рахилли блаженно кивнула. Я заметила, что в уголке ее левого глаза расплылось красное пятнышко — от натуги лопнул сосудик.

Онор Уайт сипло пробормотала:

— Кто родился в хлопотне, того любит мать вдвойне.

Я недоуменно посмотрела на нее.

— Так люди говорят, — добавила она.

Наверное, там, откуда она родом. Я никогда не слыхала такой пословицы. И стала размышлять о хлопотах — во всех смыслах, которые, должно быть, пережила Онор Уайт при рождении первенца и которые ожидали ее впереди.

Мэри О'Рахилли гладила заостренную головку новорожденной. Потом нежно отогнула ее ушко.

— Какое малюсенькое!

— Она же только-только на свет появилась, —

сказала я.

У меня не было весов, но малышка показалась мне довольно крупной.

Минут через пять из Мэри О'Рахилли выскользнула плацента — целая и на вид вполне здоровая. Даже не окровавленная. И после всех сложностей, которые пережила мать при рождении первенца, у нее не было серьезных травм. Я продезинфицировала один короткий разрыв, но он вполне мог затянуться сам. Пульс был в пределах восьмидесяти с хвостиком, так что можно было не беспокоиться.

Я положила младенца в колыбель и отправила Брайди за очередным компрессом с охлажденным мхом.

— Да, и пусть передадут доктору Маколиффу, что миссис О'Рахилли родила самостоятельно, — довольно добавила я.

Я усадила родильницу, подперев спину подушками, в позу Фаулера[38], чтобы из нее вытекла вся лишняя жидкость, наложила на живот бандаж и приладила на груди специальный бандаж для кормления, с марлевыми клапанами для

[38] Примечания: 38

Джордж Р. Фаулер (1848–1906) — американский хирург, доказавший, что положение лежачего больного полусидя препятствует застою крови в сосудах и образованию пролежней.

ее укрупнившихся коричневых сосков. Потом надела на нее свежую ночную рубашку и укрыла платком плечи.

Онор Уайт сильно раскашлялась — так громко, словно молотком били по стальному листу. Я дала ей ложку сиропа ипекакуаны и горячего лимонада, после чего она задремала.

— Миссис Гарретт, вам что-нибудь нужно?

Но Делия Гарретт отвернулась к стене. Живой ребенок — вот что ей было нужно.

Подойдя к малышке О'Рахилли, я протерла ей личико и полость рта стерильной салфеткой. Потом закапала в каждый глазик каплю нитрата серебра. Я не заметила признаков жара, насморка, закупорки дыхательных путей или сонливости; казалось, она выпорхнула из матери, не заразившись от нее инфлюэнцей. Вернувшаяся Брайди помогла мне приготовить для новорожденной ее первую в жизни ванну — в раковине. Обработав младенческую кожу оливковым маслом, я фланелевой тряпицей сняла с нее желтоватую, как у сыра, корочку, потом обмыла тельце мягкой губкой, смоченной в мыльной теплой воде, и насухо промокнула полотенцем.

Брайди указала на перетянутый обрезок пуповины.

— А эту штуковину не надо снять?

— Нет, через несколько дней она засохнет и сама отвалится.

Я обработала тельце малышки тальком, спеленала марлей и надела миниатюрный бандаж, поддерживающий малышку от бедер до грудной клетки. Потом положила между ножек сложенную пеленку, приколов ее булавками, надела рубашечку на завязках, нижнюю юбочку и теплое платьице, а на ножки — вязаные носочки.

— А теперь, миссис О'Рахилли, — сказала я, подойдя к матери, — вы заслужили долгий крепкий сон.

Юная мать поднялась в кровати повыше и попросила:

— Можно я сначала на нее погляжу?

Я поднесла ребенка к ее лицу почти вплотную, чтобы она смогла рассмотреть каждую черточку.

Мэри О'Рахилли протянула руки, чтобы взять у меня спеленатую дочку.

В обычное время мы изолировали младенцев от больных матерей и отправляли их прямехонько в палату для новорожденных, но сейчас я была уверена, что там недокомплект персонала, да и дети на искусственном вскармливании чувствовали себя не так хорошо, как грудные.

Словом, принимая во внимание обстоятельства, я решила, что малышке лучше остаться рядом с матерью, пускай даже в переполненной палате для больных рожениц.

— Хорошо, — согласилась я, — только смотрите поосторожнее, не кашляйте и не чихайте на нее.

— Не буду, что вы!

Я убедилась, что мать крепко держит младенца. Казалось, она знала, как обращаться с грудным младенцем, просто инстинктивно.

— Мистер О'Рахилли будет счастлив, да? — спросила я.

Слеза, сверкнув, выкатилась из глаза молодой женщины и повисла на нижней челюсти. Я сразу пожалела, что упомянула мужа.

— Он хотел мальчика?

Новорожденная тихо захныкала.

— Не хотите сразу дать ей грудь?

Мэри О'Рахилли вцепилась в тесемки ночной рубашки, пытаясь их развязать.

Я помогла ей. Потом приподняла марлевый клапан над одним соском.

— Пощекочите соском ее верхнюю губку!

Молодая мать смутилась.

— Правда?

— Это заставляет их открыть рот, — пояснила

Делия Гарретт. Она приподнялась на локте и с непроницаемым лицом следила за происходящим.

— Вот так? — Мэри О'Рахилли смотрела мимо меня на соседку.

Делия Гарретт кивнула.

— И как только она раскроет рот пошире, прижмите ее к соску.

Когда этот момент настал, Мэри О'Рахилли приблизила крошечное личико к своей груди, а я положила ладонь на затылок девочки и посильнее нажала.

— Вот так. Плотно и крепко.

Молодая мать ахнула.

— Что, больно? — спросила Делия Гарретт. — Может болеть в первые недели.

— Нет, просто…

Мэри О'Рахилли осеклась.

Сама я никогда не чувствовала, как младенец берет грудь, и могла только догадываться, каково тебе, когда младенческие десны смыкаются на соске. На что это похоже — на крохотные челюсти, которые устало, но торопливо жуют? Или на червяка, ползущего в черноземе?

— Она не задохнется? — громко спросила молодая мать.

— Никоим образом, — отозвалась Делия Гарретт.

Брайди наблюдала, как Мэри О'Рахилли кормит новорожденную, с выражением умиления и легкой грусти.

Интересно, подумала я, выкормила ли ее мать, которая, как она мне рассказывала, не могла ее растить. Да и вообще познала ли Брайди хоть в малой степени материнскую ласку, раз выросла среди чужих ей детей-сирот?

В палате воцарилась покойная тишина. Малышка скоро уснула у груди матери — в первые несколько дней молока там будет немного, — но Мэри О'Рахилли не хотела ее будить, даже для того чтобы мы могли сменить ей постельное белье. Однако я знала, что когда младенец проводит слишком много времени на руках у больной матери, риск заразиться гриппом возрастает, но в то же время грудное вскармливание способствует здоровому сну и развитию ребенка. Я подоткнула концы платка под плечи Мэри О'Рахилли, чтобы им обеим — матери и дочери — было тепло.

Брайди вышла из палаты, держа в одной руке поднос с грязными салфетками и простынками, которые надо было простерилизовать, и с корзиной запачканного постельного белья для

прачечной в другой.

Я заварила всем чаю. Делия Гарретт попросила три печенья, что я восприняла как верный признак возвращения к жизни.

Вернулась Брайди, схватила свой чай, отхлебнула и блаженно вздохнула:

— Прелесть!

Я отпивала по глоточку из своей чашки, пытаясь получить удовольствие от привкуса древесных стружек и пепла.

— Вовсе нет, Брайди! До войны никто бы и пить не стал такую бурду.

— Да, но ты же заварила нам свежий! — с нажимом произнесла она. — И с тремя ложками сахара.

Интересно, сколько ложек сахара позволялось сыпать в чай обитателям дома призрения, где она жила, — одну на чашку?

— И печенье!

— Ты как бодрящий эликсир, — сказала я Брайди. — То, что доктор прописал. Возьми еще печенье, если хочешь. Ты же, верно, устала до полусмерти.

Она усмехнулась.

— Ни даже на один процент, помнишь?

— Мы все живы на все сто процентов, — согла-

силась я с ней.

Допила свой чай и недовольно подумала: индийское сено…

Краем глаза я заметила, что Мэри О'Рахилли заснула. Я тихо подошла к ее кровати, вынула младенца из материнских объятий и уложила в колыбель.

— Прямо как в рассказе, — пробормотала Брайди.

— В каком рассказе?

— Про мать, которая вернулась.

— Откуда?

— Ну, с того света, понимаешь, Джулия?

— Поняла. Мать в этом рассказе умерла?

Брайди кивнула.

— Малыш все плакал и плакал, и мама к нему вернулась, чтобы убаюкать.

Мне было известно немало рассказов про привидения, но не этот. Я смотрела на ребенка О'Рахилли. И долго ли мать-привидение оставалась со своим младенцем? Не навсегда. Это вряд ли. Наверное, всю ночь, до первых петухов.

Тут меня осенило: новорожденную еще не зарегистрировали. Я нашла в столе пустой бланк свидетельства о рождении и стала его заполнять. В графу «Фамилия» я вписала: О'Рахилли. Потом

указала время рождения.

— Брайди, побудь здесь за главную, пока я схожу найду врача, чтобы он подписал свидетельство.

— Я знаю, что ничего не знаю, — процитировала Брайди.

Обернувшись, я улыбнулась и заметила:

— Ну, сегодня ты знаешь чуть больше, чем знала вчера утром.

Сестра Финниган все равно будет вне себя, думала я, направляясь к лестнице. Я уже по привычке нарушила так много правил внутреннего распорядка, меняя их к своей выгоде или соблюдая скорее дух, чем букву регламента. Но лишь временно, разумеется, в пределах обозримого будущего, на неопределенный срок, как говорилось в объявлениях. Хотя я не могла представить себе никакого будущего. Как мы сумеем вернуться к привычной жизни после пандемии? И станет ли мне легче после того, как меня снова понизят до должности простой медсестры под началом сестры Финниган? Буду ли я испытывать радость или вечное уныние, вернувшись в рамки привычных протоколов?

До моих ушей доносились обрывки разговоров, висевших в воздухе, точно клочки дыма.

— Между шестым и одиннадцатым днем… —

говорил один врач в черном костюме другому.

— Да что вы?

— Характерно для этого гриппа. Если они уйдут, вот тогда и будет.

Под «уйдут» он имел в виду умрут, догадалась я. И вспомнила Гройна с его набором цветистых эвфемизмов для смерти.

Подписать свидетельство о рождении можно было бы попросить любого врача, но я спрашивала у всех встречных, где доктор Линн, до тех пор, пока какая-то младшая медсестра не направила меня на верхний этаж больницы, в палату в самом конце коридора. Из-за двери доносилась тихая музыка, но, когда я постучала, мелодия уже угасла.

Это был крохотный захламленный бокс. Доктор Линн подняла глаза от простого стола, который она использовала в качестве рабочего.

— Сестра Пауэр…

Мне почему-то было неловко сообщать ей про полицейских. Вместо этого я спросила:

— Я не мешаю вам… петь, доктор?

Короткий смешок.

— Это граммофон. Люблю поднимать себе настроение музыкой Вагнера, когда заполняю бумажки.

Но никакого граммофона я не заметила.

Тогда она указала пальцем на стул позади себя.

— Это новая модель, без раструба, вернее, труба спрятана внутри, за стенками. Лучше смотрится.

Так вот что за деревянный ящик она тащила вчера утром.

— Я пришла сказать, что Мэри О'Рахилли родила в позе Вальхера без хирургического вмешательства.

— Вы молодец!

Доктор Линн протянула руку, чтобы взять у меня свидетельство о рождении. Я отдала ей бумагу, и она поставила свою подпись.

— Мне не нужно спуститься к вам и наложить швы матери? Вы осмотрели новорожденного?

— Нет, не надо. Они обе прекрасно себя чувствуют.

Отдавая мне документ, она сказала:

— Попрошу в канцелярии, чтобы они позвонили отцу и сообщили ему новость. Что-нибудь еще?

Я засмущалась.

— Я вот все думаю… не следовало ли мне положить ее в позу Вальхера гораздо раньше? Это могло сократить время схваток и обезопасить ее от шока?

Доктор Линн пожала плечами.

— Совсем не обязательно, если она не была готова. В любом случае не стоит в разгар пандемии терять время на ненужные размышления и сожаления.

Я растерянно кивнула.

И тут заметила на воротнике ее шубы размазанное коричневое пятно. Интересно, она знает об этом? Шикарная меховая шуба была переброшена через спинку стула, на котором стоял граммофон. На полу позади стола лежали сложенное больничное одеяло и подушка. Неужто временно заменяющая у нас врача благотворительница спала здесь, словно бездомная?

Доктор Линн проследила за моим взглядом.

— В сложившихся обстоятельствах я нечасто бываю дома, — объяснила она с шутливой интонацией.

— Вы имеете в виду инфлюэнцу?

— Ее — и полицию!

Значит, она знала о вторжении в больницу двух полицейских, которые ее разыскивали. А знала ли она, что именно я сбила их со следа? Но об этом мне было неловко ее спрашивать.

— В последнее время, когда выхожу из больницы, — продолжала доктор Линн, — я обычно

беру кеб, а не езжу на своем трехколесном велосипеде.

Представив ее в седле, я невольно улыбнулась.

— Пытаюсь сойти за вдову военного, напяливая на себя эту шубу, позаимствованную у подруги, которая замужем за графом, — добавила она, насмешливо скривив рот и мотнув головой на меха. — А еще прикидываюсь хромой на левую ногу.

Тут уж я не смогла удержаться от смеха. Описанные ею действия сильно смахивали на клоунский гэг в кинофильме.

Потом я посерьезнела:

— А можно задать вам вопрос… Это правда? Я не про вашу ногу.

— Что правда?

Доктор Линн буквально заставляла меня выговорить эти слова: то, за что вас разыскивают…

Она покачала головой:

— Не сейчас. Мы, члены «Шинн Фейн», прошлой весной протестовали против планов распространить воинскую повинность на Ирландию. Этот так называемый германский заговор был выдумкой с целью оправдать попытки властей нас разгромить, в результате чего почти все мои товарищи по движению без предъявления обви-

нений были брошены в британские тюрьмы, где и находятся до сих пор.

Неужели это на самом деле могло произойти: что власти просто-напросто сфабриковали заговор с целью контрабандного ввоза оружия. В конце концов, доктор Линн не отрицала своего участия в восстании 1916 года, так что, если в данном случае она объявляла себя невиновной, я была склонна ей поверить.

И я подумала еще об одном. Если она сейчас скрывается, прячась в клинике, где лежат больные инфлюэнцей, или занимаясь частной практикой, зачем же она тогда согласилась временно замещать врача в нашей большой больнице, где никого не знала, а многие сотрудники вроде Гройна только обрадовались бы, увидев, как ее выволакивают в наручниках? Если только не считать… Ну, конечно, тот же Гройн считал, что нам остро необходимы компетентные врачи.

— Я их направила по ложному следу, — вдруг выпалила я. — Фараонов, которые заявились сюда и вас искали.

— Правда? Ну что ж, спасибо.

Она протянула руку, чем немало меня удивила. Я ее пожала. Сильная теплая рука.

— Но завтра они могут вернуться! — почти

выкрикнула я. — Оставаться здесь небезопасно.

— О, милая моя девочка, сейчас нигде не безопасно. Но не заботьтесь о завтрашнем дне и так далее[39]…

Мне пора было возвращаться в отделение, но я медлила. Я заметила у нее на рабочем столе фотографию в серебряной рамке. Доктор Линн под руку с улыбающейся женщиной.

— Ваша сестра? — спросила я.

Кривая улыбка.

— Нет, когда меня депортировали, боюсь, моя семья пыталась объявить меня умалишенной. Даже теперь они не позволяют мне приезжать домой на Рождество.

— Сочувствую.

— На фотографии — мисс Френч-Маллен[40], моя милая подруга, у которой я живу… когда не ночую в больничных боксах. Мы познакомились в

---

[39] Примечания: 39

Из Нагорной проповеди: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Матф.6:34).

[40] Примечания: 40

Мэделин Френч-Маллен (1880–1944) — ирландская националистка и профсоюзная активистка, участница Восстания 1916 года, член партии «Шинн Фейн».

организации помощи бельгийским беженцам[41], и она финансирует мою клинику.

Да уж, что бы доктор Линн в жизни ни делала, она не выбирала легких путей. Но тут я поймала себя на мысли, что сую нос не в свои дела. И, пробормотав слова благодарности, двинулась к двери.

— Новорожденная О'Рахилли уже брала грудь?

— О да, сосет вовсю.

— Очень хорошо. Значит, питание бесперебойно поступает. Хотя эти матери из трущоб могут предложить своим детям немного. Хотя малышка будет высасывать из матери все соки, все равно шансов выжить в первый год своей жизни у нее куда меньше, чем у солдата в окопах.

Ее слова меня ужаснули.

— Неужели?

— Уровень младенческой смертности в Дублине, — сурово отчеканила она, — составляет около пятнадцати процентов — такова цена жизни людей в самых перенаселенных в Европе домах, в условиях повышенной влажности. Какое лицемерие — все увещевания властей о важности гигиены, обращенные к людям, которые вынуж-

[41] Примечания: 41

Английская общественная организация, созданная в годы Первой мировой войны для помощи беженцам из Бельгии.

дены ютиться в тесных комнатушках, как крысы в мешке. Из года в год батальоны новорожденных выгоняют в мир, как солдат на фронт, где они оказываются беззащитными перед дизентерией, бронхитом, сифилисом, туберкулезом… А смертность среди незаконнорожденных в несколько раз выше.

Я подумала о детях Онор Уайт. Разница между ними и младенцем О'Рахилли едва ли заключена в физиологии: наверное, предположила я, у детей, рожденных вне брака, куда меньше доброхотов, борющихся за их жизнь.

Доктор Линн продолжала негодовать:

— Ах, ну да, все дело в слабости организма, вздыхают представители обеспеченных слоев общества. Но, возможно, дети трущоб не были бы настолько ослабленными, если бы мы, пусть ради эксперимента, обеспечили их чистым молоком и свежим воздухом!

Ее пыл напугал, но и глубоко тронул меня.

Она смотрела на меня, склонив голову набок, словно оценивала.

— В нашей декларации[42] есть строка, которую я поддерживаю всей душой: заботиться обо всех

---

[42] Примечания: 42

«Прокламация о провозглашении Ирландской Республики» была зачитана перед главным почтамтом Дублина 24 апреля 1916 года.

детях нашего государства в равной степени.

При упоминании манифеста, который мятежники расклеивали по всему городу два года назад и в котором провозглашали свою воображаемую республику, я насторожилась; помню, отклеила тогда листок с перекошенного фонарного столба (нижняя часть листка была оторвана).

— Но как можно строить республику на основе насилия?

— Так, Джулия Пауэр. А есть ли в истории хоть одно государство, которое было основано на чем-то ином?

Доктор Линн подняла ладони вверх.

— Ну, вот вы, разве вы от чистого сердца, — добавила она, — можете назвать меня склонной к насилию?

Слезы обожгли мне глаза.

— Я просто не могу понять, как врач может взять в руки оружие, — сказала я. — Тогда погибло почти пятьсот человек.

Она не обиделась, а внимательно смотрела на меня.

— Дело вот в чем… Они в любом случае умирают, пусть не от пуль, но от нищеты. Притом, как бездарно управляется наш Богом забытый остров, мы в результате имеем то же массовое убийство,

и оно ширится. Если мы будем продолжать стоять в сторонке, никто из нас не останется с чистыми руками.

У меня голова шла кругом. Запинаясь, я проговорила:

— У меня нет времени заниматься политикой.

— Да? Но все связано с политикой, вам не кажется?

Я сглотнула.

— Мне лучше вернуться в отделение.

Доктор Линн кивнула.

— Скажите-ка мне вот что… Ваш брат — солдат, он уже вернулся домой?

Вопрос застиг меня врасплох.

— Да, Тим живет со мной. Хотя он… сильно изменился.

Доктор Линн выжидательно молчала.

— Он онемел, чтобы вы знали. Временно. Психолог говорит, он со временем выздоровеет.

(Я не солгала. Просто чуть преувеличила.)

Рот доктора Линн скривился.

— Что? Вы думаете, он не выздоровеет? — укоризненно воскликнула я.

— Я же никогда не встречала вашего брата, сестра Пауэр. Но если он побывал в аду и вернулся, как же он мог не измениться?

Она произнесла это ласковым тоном, но ее слова просто меня пришибли. Я ведь прекрасно его знала и не могла отрицать справедливость ее оценки. Мне просто надо было с этим смириться: мой братик Тим вряд ли вернется ко мне таким, каким когда-то был.

Я собралась уходить.

Врач завела граммофон.

Зазвучала песня, у которой как будто не было мелодии. Под аккомпанемент струнных пела женщина, сначала очень печально, потом ее голос зазвучал громче, нарастая, как медленно взрывающийся фейерверк.

Я не спрашивала, но доктор Линн сама пояснила:

— Ария называется Liebestod[43]. Что значит: любовь-смерть.

— Любовь смерти?

Она покачала головой.

— Любовь и смерть одновременно. Она поет над трупом возлюбленного.

Я никогда не слышала ничего подобного. Звук мощно нарастал, затем голос постепенно затихал. Музыка какое-то время еще звучала, потом

---

[43] Примечания: 43

Финальная ария оперы Вагнера «Тристан и Изольда».

замерла.

Спускаясь по лестнице, я ощущала, как дрожат колени. Прошло немало времени после того, как я съела свои полплошки овсянки. Если я задержусь на несколько минут, большой беды не будет, решила я и, спустившись в подвальную столовую, набрала там полный поднос еды, чтобы отнести к себе в родильное/инфекционное отделение.

Когда я вошла, Брайди встретила меня возгласом:

— Вот это да!

Как будто я устроила всем банкет.

— Пока я отсутствовала, как все было?

— Никаких неожиданностей, — ответила она.

— Ты молодец! — похвалила я ее, почти как доктор Линн — меня.

Никто из пациенток не проголодался, за исключением Делии Гарретт, которая попросила хлеба и ветчины. Брайди взяла тарелку жаркого, а я капусту с беконом.

— Брайди, не ешь хлеб. На нем плесень.

— У меня стальной желудок, — заверила она меня, отправляя в рот ломоть заплесневелого хлеба.

— Мне очень жаль.

Это произнесла Онор Уайт сдавленным голо-

сом, перешедшим в залп кашля.

Я встала, вытирая губы.

— Почему, миссис Уайт?

— Мне кажется, я обмочилась.

— Не беспокойтесь, такое с любым может случиться. Давай, Брайди, поменяем простыню.

Но от мокрого пятна на простыне Онор Уайт исходил не острый запах мочи, а скорее легкий молочный аромат.

Я проверила ее медкарту и убедилась, что ее срок был не раньше конца ноября. Черт побери, еще преждевременные схватки… И мне в голову невольно пришла мысль, эгоистичная и детская: «Ну, можем мы хоть пять минут спокойно посидеть!»

— Думаю, у вас отошли воды, миссис Уайт.

Она крепко зажмурилась и вцепилась в четки.

— Только не это! — Делия Гарретт резко перевернулась на бок и накрыла голову подушкой.

Я всей душой сочувствовала матери, потерявшей ребенка, и пожалела, что не могу перевести ее в другую палату.

— Вы на несколько недель раньше срока, — сообщила я Онор Уайт, — но беспокоиться не о чем.

Я пальпировала ее живот. Тазовый конец плода

прощупывался вверху, как и следовало. Но вместо того, чтобы нащупать твердую арку позвоночника, мои пальцы попали в провал, после чего обнаружили голову. Значит, плод повернулся лицом вперед. Это было более характерно для позднего срока беременности, и такое неудобное положение объясняло, отчего плодный пузырь Онор Уайт уже лопнул. Оставалось надеяться, что плод перевернется лицом вниз, прежде чем у роженицы начнутся потуги. В противном случае нас ожидали долгие и болезненные роды, серьезный разрыв, а может быть, даже (если случится худшее) щипцы.

Я взяла слуховую трубу и, двигая ее по тугой коже, стала вслушиваться, пока мой слух не уловил слабое, но бойкое сердцебиение в правой нижней части живота.

— Теперь, когда отошли воды, у вас все идет очень хорошо, — сказала я. — Сейчас я продезинфицирую руки и осмотрю вас перед тем, как поменять вам постель.

Но прежде всего я усадила Онор Уайт на судно, чтобы она опорожнила кишечник и мочевой пузырь. Потом снова уложила на мокрую простыню. Она безропотно раздвинула бедра.

Я пыталась на ощупь определить, не выпала

ли пуповина, потому что иногда петля выходила сначала и могла обвиться вокруг головы. Но, к моему изумлению, Онор Уайт уже полностью раскрылась, и моя рука в перчатке нащупала тонкий край входа в матку. Я жутко корила себя за то, что не проверила раньше.

— У вас уже были схватки, миссис Уайт?

Она кивнула и закашлялась.

— Где, в районе спины?

Еще кивок.

— Как долго?

— Порядком.

— Почему вы мне не сказали?

Она лежала с каменным лицом.

— Значит, дело сдвинулось.

Почти готовы к потугам, добавила бы я, если бы плод лежал лицом к позвоночнику.

Обычно в такой ситуации врач дает роженице морфий, после чего остается надеяться, что от сокращений матки плод перевернется, покуда мать спит, но Онор Уайт наверняка отказалась бы принимать наркотическое средство, да и в любом случае для этого еще не пришло время.

Чтобы стимулировать роды при тазовом предлежании плода (когда он расположен головой вверх), я могла бы заставить крошечного пасса-

жира перевернуться, нажимая на утробу матери, но при таком положении было лучше использовать силу тяжести. Я подняла Онор Уайт с кровати и усадила на стул.

— Пожалуйста, миссис Уайт, положите руки на колени и нагнитесь вперед.

Брайди помогла мне надеть на роженицу свежую ночную рубашку, после чего мы сняли мокрые простыни и постелили сухое белье. Действовали мы слаженно и споро.

Краем глаза я заметила, как Онор Уайт задержала дыхание и побагровела.

— Нет-нет, миссис Уайт, еще рано тужиться!

Она выдохнула и отрывисто закашляла.

— Дело в том, — объяснила я ей, — что ваш ребенок лежит не под тем углом, голова сильно давит на таз, вот вам и кажется, что вы уже готовы.

Она подавила стон.

Брайди скомкала мокрые простыни и бросила в корзину с грязным бельем.

— Когда сбросишь это по желобу в прачечную, — обратилась я к ней, — найди доктора Линн и сообщи ей, что у миссис Уайт неизменное тазовое предлежание и зев матки почти полностью раскрыт.

Я видела, как Брайди шепотом повторила фра-

зу, пытаясь точно запомнить каждое слово.

— Просто скажи ей «тазовое предлежание».

Она кивнула и пулей выбежала из палаты.

Теперь, когда я внимательно всмотрелась, то увидела, как напряглось лицо Онор Уайт, когда пришли новые схватки. Роженица так надрывно закашлялась, что мне пришлось подставить ей чашку для мокроты, и она отхаркнула что-то темное.

— Если не возражаете, миссис Уайт, выскажу свое мнение, — заговорила вдруг Мэри О'Рахилли, озабоченно глядя на нее, — мне вот помог хлороформ.

Та не ответила.

— Хотите, дам вам ингалятор, он успокоит кашель и позволит поберечь силы для потуг.

На что роженица яростно замотала головой.

Она начала меня беспокоить. Я полагала, что Онор Уайт — просто-напросто стоический тип, но, возможно, она намеренно решила подвергнуть себя родильным мукам, которые воспринимала как жестокую кару за то, что монахини называли ее вторым проступком, вторым прегрешением. Время от времени меня вызывали осматривать на дому рожениц, переживающих схватки без медицинской помощи, и очень часто даже после

моего прибытия дело приобретало скверный оборот, и у меня возникало впечатление, что домашнее заточение высасывало их жизненные силы. Среди них были не только безмужние. Одну — ей было под пятьдесят — настолько обескуражило то, что она, в ее возрасте, снова оказалась в положении, что бедняга ни единой душе, даже мужу, ничего не сказала — ее привезли в нашу больницу на кресле-каталке с торчащей из нее крошечной ножкой, и мы с сестрой Финниган пережили долгую тяжкую ночь, в течение которой пытались спасти жизнь обеим…

— Так, миссис Уайт, — сказала я, — пожалуйста, встаньте, обопритесь локтями о кровать и покачайте тазом вперед-назад.

Она беспомощно заморгала.

— Давайте, это нужно, чтобы переместить вашего ребенка в правильное положение.

Она повиновалась: встала лицом к стене и начала двигать тазом вперед и назад, точно исполняла медленный неприличный танец.

Малышка О'Рахилли по-козьи заблеяла в своей колыбели.

Я вытащила ее и показала молодой матери, как менять пеленки.

— Тут зеленая слизь!

— Поначалу так всегда бывает, — успокоила я ее.

— Ну и гадость, — нежно произнесла она.

— Как вы с мистером О'Рахилли хотите назвать вашу дочку?

— Может быть, Юнис, в честь моей тетушки.

— Мило, — солгала я.

Потом мы снова приложили малютку Юнис к груди.

Брайди бесшумно вошла в палату и принялась массировать Онор Уайт спину. Та не обратила на нее ни малейшего внимания, но и не отогнала.

— У нее сильно трясутся ноги, — сообщила мне Брайди.

— А нельзя мне просто лечь и потужиться? — ворчливо спросила Онор Уайт.

— Еще рано, простите.

А сама я прощупывала ей живот, надеясь заметить признаки того, что плод повернулся.

— Врач очень скоро придет, — добавила я ободряюще.

(Господи, молила я про себя, пусть доктор Линн не опоздает к родам. А вдруг голова застрянет и там все набухнет кровью, и я не смогу спасти мать и дитя, и они станут причиной гибели друг друга?)

Делия Гарретт уткнулась глазами в журнал, точно щитом, отгородившись им ото всех.

— Миссис Уайт, давайте попробуем встать в кровати на руки и колени, — предложила я.

— По-собачьи? — спросила Мэри О'Рахилли немного возмущенно, как будто говоря от имени своей соседки.

Но Онор Уайт молча вскарабкалась на матрас, опершись на тощую руку Брайди. Она начала в немом исступлении раскачиваться вперед-назад.

— О, о, мне надо… — начала я. — Дайте я еще раз осмотрю. Оставайтесь в этом положении.

Я продезинфицировала руки, натянула резиновые перчатки и смазала их лосьоном. Я проникла внутрь глубже, но не нащупала зева матки.

— Прошу вас!

Даже если плод все еще лежал лицом вверх, я не могла пресечь охвативший ее порыв. Покуда плод лежал затылком вперед, а подбородок был прижат к груди, она же могла успешно разродиться, ведь так?

— Хорошо, теперь лягте на левый бок и тужьтесь.

(А я молилась о том редчайшем чуде, которое природа иногда могла сотворить в последнюю минуту, — когда плод, вдруг извернувшись, нако-

нец принимал идеальное положение и легко, как пробка из бутылки, выскакивал на свет).

Онор Уайт тяжело бухнулась на кровать головой к стене — покорно, словно раннехристианская мученица.

— Какая же вы молодец, — нараспев произнесла я.

Температура не поднялась, пульс слегка учащенный, нитевидный. Я уже собралась послушать частоту сердцебиения плода и понять, нет ли там признаков патологии, но тут из-за новых схваток Онор Уайт принялась стонать.

— Опустите подбородок, — посоветовала я, — задержите дыхание и потом хорошенько потужьтесь.

Я увидела, как напряглись все ее мышцы, и по телу пробежала волна потуг.

— Не сдерживайтесь, кричите, миссис Уайт!

Но та смотрела сквозь меня.

Я обвила полотенце вокруг перекладины кровати и дала ей оба конца, чтобы она могла за них схватиться и тянуть на себя. Она лежала не задом наперед, когда можно было упереться ногами в какую-либо опору, но я не хотела, чтобы она шевелилась. Ах, какая же тесная палата — чулан, да и только!

Громко скрипнуло колесико: это Брайди вкатила в палату еще одну колыбель.

— Самое время, когда она может понадобиться, — пробормотала моя помощница.

— Господь со мной, Бог мне в помощь, спаси меня Господь! — шептала сквозь зубы Онор Уайт.

Под ее бедром расплылась красная лужа. Выход старой коричневатой крови во время схваток было делом обычным, но эта кровь оказалась довольно светлой.

Она проследила за моим взглядом и заметила ярко-алое пятно.

— Я умираю? — прохрипела она.

— О, при родах всегда много крови, — сказала я.

Когда в палате наконец появилась доктор Линн, кровотечение у Онор Уайт заметно усилилось.

Я быстро обрисовала ситуацию.

— Тридцать шесть недель, — сказала врач, — то есть осталась только неделя до преждевременных родов, значит, по крайней мере, легкие у плода достаточно развиты. В таких условиях большинство «звездочетов» появляется самостоятельно.

— Каких звездочетов? — недоуменно спросила Брайди.

Я, не оборачиваясь, объяснила:

— Так называют младенцев, родившихся лицом вверх, как будто они смотрят на звездное небо.

— Что-то меня беспокоит пульсовое давление матери, — пробормотала доктор Линн, — и кровотечение. Скорее всего, послед уже отделился.

Онор Уайт вытерпела внутреннее обследование, не проронив ни звука.

После осмотра, стоя у раковины и тщательно моя руки, доктор Линн сказала:

— У вас все протекает отлично, миссис Уайт, но нам нужно безотлагательно извлечь вашего ребенка. Сестра, пожалуйста, щипцы!

У меня свело мышцы живота.

— Французские или английские?[44] — спросила я.

— Французские.

Длинные. Я поняла, что дело плохо. Голова еще не опустилась достаточно низко.

Брайди вытаращила глаза: она ничего не понимала, но у меня не было времени ей объяснять.

Я принесла длинные щипцы Андерсона, у которых помимо изогнутых ручек было кольцо для пальца, а также карболовую кислоту, скальпель, нитки для перевязки сосудов, ножницы, тампо-

---

[44] Примечания: 44

«Английские» акушерские щипцы имеют короткие изогнутые ветви. У «французских» щипцов — прямые длинные ветви.

ны, иглу и хирургические нитки. Я наполнила шприц раствором кокаина гидрохлорида.

Сколько я повидала женщин, изувеченных акушерскими щипцами, и младенцев с помятыми или даже треснувшими черепами, обреченных всю жизнь страдать от паралича. *Не думай об этом!*

Доктор Линн попросила Онор Уайт лечь на спину.

Та вскрикнула:

— Погодите!

Она крепко вцепилась в перекинутое через перекладину кровати полотенце и стала тужиться, отчего на ее виске проступила голубоватая вена.

— Теперь готовы? — спросила врач.

Онор Уайт кивнула и так сильно закашляла, что от ее кашля могло бы ребро треснуть.

— Сделайте местную анестезию, доктор, раз она не хочет хлороформ?

Доктор Линн взяла у меня шприц с раствором кокаина гидрохлорида и вколола его Онор Уайт в брюшину, а я держала ее за ноги.

Как только анестетик подействовал, врач пустила в ход ножницы. Действуя быстро, пока не пришли новые схватки, она ввела одну плоскую ветвь щипцов глубоко внутрь, вдоль черепа пло-

да. Затем ввела вторую.

И тут Онор Уайт закричала.

Кровь стала течь интенсивнее. Я не понимала, как врач может что-то различать в этом кровавом месиве. В том-то и состоял основной парадокс применения щипцов: если ими сразу не удавалось захватить младенца, то кровотечение усиливалось.

Быстрее, быстрее.

Доктор сдвинула рукоятки щипцов и зафиксировала их в середине замком.

Онор Уайт стала корчиться и кашлять, когда боль молнией пронзила ее тело.

Я на минутку приподняла ее, чтобы она могла перевести дыхание, и обтерла выступившую слюну у нее на губах.

— Тише едешь, дальше будешь, — пробормотала доктор Линн себе под нос.

И, схватив жуткие щипцы, продолжала ими орудовать. Я втиснулась между ней и Онор Уайт, удерживая роженицу в объятьях как можно крепче, а она все извергала алую кровь, растекающуюся по простыням.

— Господи Иисусе! — задыхаясь, простонала Онор Уайт.

Доктор Линн выпрямилась и, глядя на меня,

озабоченно качнула головой.

— Никак не могу достать…

Она вынула щипцы и положила их на хирургический поднос.

— Может быть, дать ей эрготоксин для стимуляции сокращений матки? Хотя его действие так непредсказуемо…

Я еще ни разу не видела, чтобы доктор Линн обуревали сомнения.

И смущенная, принялась измерять Онор Уайт пульс, чтобы чем-то себя занять. Двадцать шесть за пятнадцать секунд, значит, частота сердечных сокращений — сто четыре. Но меня беспокоила не скорость, а слабость ее сердцебиения, которое я ощущала кончиками пальцев как едва слышную мелодию.

Я нагнулась над ее губами, чтобы услышать шепот:

— И ведь если я пойду посреди тени смертной, не устрашусь зла, ибо Ты — со мной[45].

Я приложила тыльную сторону ладони к ее посеревшей щеке: та была липкой от испарины.

— Вас не тошнит, миссис Уайт?

Мне показалось, что она кивнула, но я не была

---

[45] Примечания: 45
Псалом 23 (в католической версии).

уверена.

— У нее падает давление, доктор.

(Она в любой момент могла потерять сознание!)

Доктор Линн взглянула на меня: как мне показалось, она была озадачена.

— В таком случае вряд ли физраствора ей будет достаточно. Миссис Уайт нужна кровь, но, насколько мне известно, в больнице ее катастрофически мало. Интересно, есть ли сейчас в здании доноры?

«Доноры в стойле» — так у нас шутили.

И тут меня осенило:

— Мы, медсестры, все зарегистрированные доноры. Я дам ей кровь.

— О, но…

— Я же здесь. Вам даже не придется сравнивать наши группы. У меня нулевая[46].

Универсальный донор крови? Лицо врача просветлело.

Я бросилась за стерильным набором для переливания крови, который хранился у нас на верхней полке в шкафу.

За моей спиной послышался раздирающий

---

[46] Примечания: 46

Редкая группа крови, совместимая с любой другой группой, поэтому ее носитель является универсальным донором.

кашель Онор Уайт: ее вновь захлестнула штормовая волна схваток.

— Если можете, продолжайте тужиться, — сказала ей врач.

Онор Уайт со стоном выполнила ее просьбу. Кровать теперь напоминала кровавое море.

Я подготовила левую руку, раз десять сжав кисть в кулак.

Брайди наблюдала с таким лицом, словно стала свидетельницей таинственного ритуала.

Я проверила других пациенток. Мэри О'Рахилли умудрилась мирно спать, не потревоженная суматохой. А Делия Гарретт поинтересовалась:

— Скажите, что это вы собираетесь делать?

— Просто перельем немного крови, — ответила я как ни в чем не бывало, словно проделывала это каждодневно.

Втиснуть стул рядом с кроватью не было никакой возможности, поэтому я присела на краешек матраса и трясущейся правой рукой расстегнула пуговки на левом манжете. Страха я не испытывала, скорее меня обуял восторг от мысли, что мне предстояло поделиться тем, что было необходимо роженице.

Доктор Линн громко обратилась к ней:

— Миссис Уайт, я собираюсь влить в вас пинту

крови медсестры Пауэр.

Никакой реакции. Она вообще нас слышала?

Я снова измерила ей пульс.

— Повысился до ста пятнадцати ударов, доктор.

(Ее сердце билось быстрее, чтобы компенсировать дефицит крови: ведь она могла умереть от кровопотери).

— Брайди, — распорядилась доктор Линн, — принесите сестре Пауэр стакан воды.

Я чуть не рявкнула: «Не теряйте времени!» — но теперь сама стала пациенткой и придержала язык.

Врачу требовалась моя свежая артериальная кровь, которая поступала бы резвее в организм умирающей женщины. Поэтому я подставила запястье в надежде, что опытный врач сумеет нащупать на глубине пульсацию лучевой артерии.

Но доктор Линн не стала брать кровь оттуда.

— Нет-нет, эти маленькие артерии потом ужасно болят. К тому же есть риск кровотечения и эмболии.

— Да я не боюсь…

— Вы слишком нужны здесь, чтобы рисковать вашим здоровьем, сестра. Кроме того, я читала в одной научной статье, что в случае крайней

необходимости можно переливать кровь из вены в вену, полагаясь на силу гравитации.

В случае крайней необходимости? Это наш случай? А она раньше уже использовала такой способ прямого переливания из вены в вену?

Она положила теплую ладонь мне на сгиб локтя. Найдя наиболее удобную вену, она несколько раз похлопала пальцами по коже. Я отвернулась и осушила стакан воды, который мне принесла Брайди. Странное дело, меня всегда мутило, когда мне прокалывали кожу.

Доктор Линн со второй попытки ввела иглу, что было не так уж плохо для врача общей практики. В трубку потекла темная струя крови, и врач ловко перекрыла краник на трубке, прежде чем кровь не стала выливаться наружу. Она быстро закрепила трубку бинтом на моей руке.

Но Онор Уайт запрокинула голову, ее глаза были закрыты. Неужели мы опоздали? Ее скрутил очередной спазм. Зрелище было жуткое: словно незримое чудовище трясло ее безжизненное тело, распростертое на алых носилках.

— Давайте! — выкрикнула я.

Доктор Линн прилаживала трубку с моей кровью к другой игле. Она перетянула руку Онор Уайт, так что проступили вены, но они были

тонкие, как бечевки.

Правой рукой я дотянулась до запястья женщины и нащупала ее пульс:

— Уже сто двадцать и очень слабый.

Врач все еще не могла найти вену на руке умирающей.

— Надо нагреть! — Мой голос прозвучал почти злобно. — Брайди, будь добра, опусти чистую салфетку в кастрюлю с горячей водой!

— Я почти поймала эту мерзавку! — пробормотала доктор Линн.

Но сколько она ни водила пальцами по коже Онор Уайт, ее вены никак не прощупывались.

Когда Брайди принесла горячую влажную салфетку, я сама ее схватила, хотя мне мешала привязанная к руке трубка. Я встряхнула ею пару раз в воздухе, чтобы избавиться от излишков пара и не обжечь Онор Уайт, потом сложила ее и прижала к внутренней стороне предплечья.

— Сможете? — Доктор Линн протянула мне шприц.

Даже в возникшей спешке я невольно испытала к ней уважение: она прекрасно понимала, что сейчас весь ее опыт и знания не шли ни в какое сравнение с профессиональным опытом и навыками медсестры. Я схватила шприц, сняла

горячую салфетку с руки Онор Уайт. Там, на порозовевшей от горячей тряпицы коже голубела тонкая линия, словно ручей на дне каньона. Я ритмично постучала по голубой жилке пальцами: «Не умирайте, миссис Уайт». Неуловимый кровяной сосуд слегка набух, но и этого было достаточно, чтобы я вонзила в него иглу.

Доктор Линн поспешно взяла у меня иглу и привязала к руке неподвижной пациентки, чтобы она не соскользнула вниз.

— Вставайте, — скомандовала она мне.

Я вскочила с койки.

Как только она открыла краник, моя кровь потекла по трубке. Врач схватила мою левую руку и положила себе на плечо, чтобы поднять ее повыше. Мой локоть замер в неудобном положении. Она нажала мне на мышцу выше иглы, да так сильно, что я чуть не вскрикнула от боли. Она нажимала на мою руку, словно выдаивая из меня жизненные соки.

Услыхав шум в коридоре, я невольно дернулась. А вдруг это вернулись полицейские, все еще охотившиеся за доктором Линн?

А она то ли ничего не слышала, то ли у нее были стальные нервы. Я вспомнила, что она была капитаном в армии мятежников. И представила

себе ее в ореоле свистящих пуль.

— Так, я не могу сказать точно, сколько я у вас забрала крови, — пробормотала доктор Линн, — поэтому скажите мне сразу, как только почувствуете, что вам дурно.

Свободной рукой я схватилась за изголовье кровати — на всякий случай. Только бы кровь не начала сворачиваться. У нас не было ни минуты, чтобы заменить трубку со свернувшейся кровью или растворить мою кровь, добавив цитрат натрия, чтобы ее разжижить. Теки, теки, красный ручей, втекай в эту женщину. Не заставляй нас вырезать из нее младенца. Мать и дитя изо всех сил стараются, чтобы не идти посреди тени смертной…

Мне показалось, что белое, как мел, лицо Онор Уайт порозовело.

И вдруг она мне подмигнула.

— С вами все отлично, дорогая! — подбодрила я ее.

(Не совсем правда. Надежда в форме лжи.)

— Скоро вам полегчает, — добавила я.

Она хрипло вскрикнула.

Малышка О'Рахилли дернулась в своей колыбельке и запищала.

Онор Уайт попыталась сесть в кровати.

— Не двигайтесь! — велела доктор Линн.

Роженица заметалась.

Я прижала ладонью воткнутую в мою левую руку иглу, чтобы не дать ей выпасть, а другой ладонью одновременно накрыла другую иглу на конце трубки, чтобы Онор Уайт ее не выдернула.

— Миссис Уайт!

Неужели ее начали сотрясать конвульсии, как бедную Айту Нунен?

Нет, вроде нет. Ее лицо побагровело, она содрогалась, хватая себя за бока, словно они могли взорваться, потом стала царапать себе лицо, шею, шумно дыша, пытаясь что-то выговорить:

— Бледные ульи встают…

— Реакция на переливание, — с досадой пробормотала доктор Линн.

Я ужаснулась. О таком я лишь слышала, но никогда еще не видела.

Онор Уайт со свирепым сопением терзала себя ногтями, оставляя на коже лилово-синие царапины.

Врач закрыла краник на трубке и сняла с Онор Уайт повязку.

Брайди пыталась утихомирить женщину.

— Что с ней такое происходит?

— Кровь миссис Уайт бунтует против моей

крови, — предположила я, — хотя я — универсальный донор.

— Всегда бывают исключения, — пробурчала доктор Линн. — Мы не могли этого предвидеть.

Она выдернула трубку из иголки, торчащей в руке Онор Уайт, и моя кровь, ненужная теперь и вредоносная, брызнула на пол.

Я сама вынула иглу с трубкой из своей руки и зажала ранку, чтобы остановить кровотечение.

Мы ничего не могли сделать, чтобы унять исступленную чесотку — таким вот образом тело Онор Уайт пыталось отбиться от чужой крови. Она задыхалась, как туберкулезная. Я приложила максимум усилий, призывая ее успокоиться и глубоко дышать.

Доктор Линн мыла руки у раковины.

В такой момент зачем снова мыть руки?

А потом поняла, что надеяться было не на что, кроме как вынуть младенца из тела матери, пока та не истекла кровью до смерти.

— Вы найдете стерильные щипцы на… — громко начала я.

— Я их вижу.

Мы с Брайди схватили миссис Уайт и крепко держали ее, покуда доктор Линн вводила первую ветвь щипцов.

Онор Уайт протяжно завыла.

Потом врач ввела вторую ветвь.

— Да, — выдохнула доктор Линн. Она смотрела в пустоту, крепче сжимая рукоятки щипцы и продев согнутый указательный палец в кольцо около центрального шарнира.

— А теперь тужьтесь что есть сил, — попросила я Онор Уайт.

Но та лежала с таким видом, что ей, казалось, было не под силу даже голову поднять. И кто я такая, чтобы приказывать этой женщине прилагать усилия, которые выше ее сил?

— Вы можете надавить на дно матки? — обратилась ко мне врач.

Я приложила руку к вершине куполообразного живота Онор Уайт, подождала, когда на нее нахлынет новая волна схваток, и сильно нажала.

— Аааааа!

— Держитесь, держитесь!

И тут показалось личико.

Не торопясь, доктор Линн аккуратно вытянула зажатую в щипцах головку. Глазки новорожденного, моргая сквозь алую пелену, были устремлены к небесам. Звездочет.

Не захлебнется ли младенец материнской кровью? Я бросилась на поиски чистой пеленки,

чтобы вытереть ему нос и рот.

— Подождите! — упредила меня доктор Линн. — Еще нужны потуги.

Я встала позади Онор Уайт и приподняла ее под мышки, чтобы она смогла без усилий дышать.

— Скоро все закончится, — пообещала я ей.

(И подумала: так или иначе.)

Роженица шевельнулась, ее глаза расширились, она кашлянула, и внутри у нее словно что-то лопнуло. Когда ее снова пронзил болевой спазм, она откинулась назад так сильно, что перекладина кровати впилась мне в ребра.

И тут из нее вышел ребенок.

— Вы молодец!

— Поздравляю, миссис Уайт, — объявила доктор Линн, — у вас сын.

Я передала ей одеяльце, чтобы завернуть младенца.

И тот закричал — ему даже не потребовалась помощь акушерки.

Сначала мне показалось, что щипцы порвали ему ротик. Но потом увидела характерный рубец: он родился с заячьей губой. Но зато нормального размера, хотя появился на свет за несколько недель до срока и с кожей здорового цвета.

Доктор Линн тем временем пыталась остано-

вить кровотечение. Она массировала опавший живот Онор Уайт, добиваясь, чтобы матка выдавила послед.

Теперь пульс в пуповине замедлился. Малыш уже получил от матери все, что ему требовалось. Я попросила Брайди принести мне поднос с инструментами. Перевязала скользкий синий шнурок в двух местах и отрезала его ножницами.

— Нагрейте мне пинту физраствора, сестра!

Завернув малыша Уайта в простынку, я уложила его в колыбель и поручила Брайди присмотреть за ним.

— Сразу скажи, если увидишь, что он начинает задыхаться или у него меняется цвет кожи.

Я поспешила растворить в горячей воде хлорид натрия и принесла бутылку. Доктор Линн уже поставила свежую трубку с иглой в предплечье Онор Уайт. Я закрепила бутылку вверх дном на стойке, так чтобы солевой раствор мог поступать ей в вену.

Она была не такая красная, как раньше, и она перестала себя расцарапывать, но совершенно обессилела. Какой еще урон ее организму нанесла моя незадачливая кровь?

— Пресвятая Богородица, молись за нас, грешных, — шептала она, — ныне и в наш смертный

час, аминь.

— А вот и плацента, ну и славно!

Мясистый лоскут выполз наружу, волоча за собой огромный сгусток крови.

Доктор Линн подняла орган и, удостоверившись, что он вышел целиком, бросила в тазик.

Я измерила Онор Уайт пульс: по-прежнему учащенный и по-прежнему слабый, трепещущий, словно танцующее перышко на ветру.

— Шовные нитки, сестра!

Я вымыла дрожащие руки, прежде чем вдеть нитку в иглу.

Доктор Линн уверенно зашила небольшой разрез, который она сделала в промежности Онор Уайт.

— Дай мне руку, Джулия! — обратилась ко мне Брайди.

На внутренней стороне моего левого локтя сочилась кровь из ранки, оставленной иглой.

— Да ничего страшного!

Но она все равно хотела сделать мне перевязку.

— Не важно, Брайди, оставь!

— Ну, дай я по крайней мере…

Она перебинтовала мне руку, но неуклюже, сделав повязку слишком свободной.

В следующие четверть часа мы удостоверились, что кровотечение у Онор Уайт все-таки убавляется. Это было хотя и слабое, но какое-то облегчение. Мало-помалу ее пульс выровнялся и упал до ста, и частота дыхания тоже снизилась. Она уже могла кивать и говорить. Я не знала, почему это произошло — благодаря ли физраствору, или божественной милости, или по чистой случайности.

Мы с Брайди обмыли малыша Уайт. Я невольно глядела на крошечную щель в его губе сбоку — трещинка была короткая и не доходила до ноздрей. Где-то я читала, что древних римлян подобные младенцы приводили в такой ужас, что они их обычно топили. Но у этого кожа отливала здоровым розовым оттенком, я не обнаружила ни единого признака гриппа, и моя кровь вроде бы не нанесла ему никакого ущерба, а это доказывало, что у него и матери разные группы крови. Так странно было думать, что еще четверть часа назад эти двое составляли единое целое, а теперь их разделили навсегда.

— Он что, какой-то недоделанный? — шепнула мне Брайди.

— Ты имеешь в виду рот?

— Может, это потому, что доктор вынула его

прежде, чем он был полностью готов?

— Нет, — заметила доктор Линн через плечо, — такое бывает, Брайди. Это наследственное.

(Особенно такая наследственность характерна для бедных семей, могла бы уточнить она, но вряд ли сказала бы так в присутствии Онор Уайт. Подобные уродства словно служили признаком того, что все лишения матери наглядно проявлялись на лицах их детей.)

— Что с ним не так? — просипела Онор Уайт.

— У вас здоровый мальчик, миссис Уайт, — сообщила я, — но у него раздвоенная губа.

И я протянула ей завернутого в одеяльце младенца.

Ее покрасневшие глаза с трудом сфокусировались на треугольном ротике. Она перекрестилась неверной рукой.

— Хотите я вас усажу, чтобы вы могли его подержать?

Но ее взгляд погас, словно захлопнулась крышка секретера.

— Ей лучше полежать, чтобы стимулировать кровообращение, — пробормотала доктор Линн.

— Верно. Виновата.

(Мне бы надо было об этом помнить!)

Я бы предложила матери положить младенца

себе на грудь, но, возможно, даже его вес пушинки мог бы затруднить ее свистящее дыхание. И я просто держала его на руках около нее, так близко, как будто это она его баюкала, и его покрытая пушком головка оказалась почти вплотную к ее голове. И я была готова сразу же убрать его, если бы она раскашлялась.

Она не выказала ни малейшего поползновения его поцеловать. Слеза выкатилась из ее глаза и упала в разделявшую их пустоту.

— Bearna ghiorria, — прошептала доктор Линн.

Я знала немного гэльский, но эту фразу не поняла.

— Что это значит, доктор?

— Заячья губа, — объяснила она. — Принесите его мне через месяц, миссис Уайт, и я все исправлю.

С ее стороны это было великодушно, но говорило о том, что она не поняла статус Онор Уайт из ее медицинской карты: теперь мать и дитя будут находиться под попечительством монахинь. Впрочем, врач могла сказать это просто из вежливости, как сказала бы любой другой матери, родившей младенца с таким дефектом.

У меня еще не было возможности спросить Онор Уайт, собирается ли она кормить младенца,

но в любом случае малыш не смог бы ухватить сосок раздвоенной губой.

— Ему потребуется кормление с ложки, ведь так, доктор?

Она обдумала мой вопрос.

— Ну, по крайней мере, нёбо закрыто, что уже хорошо… Он мог бы взять бутылочку с широкой соской и прорезанной в ней крест-накрест щелью. Но его надо будет держать прямо, сестра, и следить, чтобы струя лилась медленно. Я попрошу в родильном отделении прислать сюда молочной смеси для грудничков.

— Спасибо!

Заячья губа, вспомнила я учебник, может вызывать экссудативный отит и дефекты речи. Но это ерунда по сравнению с тем, как люди потом будут пялиться на него, или отводить взгляд, или насмехаться, считая мальчика паршивой овцой в стаде. Я подумала, что через неделю это человеческое существо и его мать отправят на все четыре стороны.

И тут мне пришло в голову: все младенцы без изъянов на лице найдут приемные семьи гораздо раньше его. Закончатся ли его скитания тем, что он окажется в сиротском приюте и будет выкормлен там незнакомой женщиной за отдельную

плату, как это случилось с Брайди? И захочет ли приютская кормилица отнести его к хирургу или он так и вырастет, обреченный быть мишенью для издевательств?

— У него день рождения тогда же, что у сестры Пауэр, — объявила Брайди. — Ой, и у меня! (Ее веселый взгляд встретился с моим.) Первое ноября, как-никак большой праздник!

Онор Уайт тихо проговорила:

— День Всех Святых.

Я подумала: интересно, возрадовалась ли душа этой набожной женщины тому, что ее младенец родился в день большого церковного праздника.

Доктор Линн выпрямилась и сказала:

— Ну что ж, вроде бы все в порядке. Всем доброй ночи. — И, дойдя до двери, обернулась: — Да, забыла спросить, как вы себя чувствуете, сестра Пауэр?

— Отлично.

А я даже чашки чаю еще не выпила.

— Но вид у вас усталый. Поспите здесь, чтобы не тратить время на дорогу домой и обратно.

— Да, но…

— Вы знаете, сестра, бактериологи установили, что физическое истощение снижает сопротивляемость инфекциям?

Я улыбнулась, уступая ее доводам.

— Хорошо, доктор.

Дома у нас телефона не было, но Тим не стал бы беспокоиться; он знал, что иногда мне приходилось ночевать в больнице.

Веки Онор Уайт затрепетали.

Прежде чем дать ей уснуть, я ее подмыла и наложила два тугих бандажа — один на живот, другой на грудь, потому что она все равно не стала бы кормить, — но грудной не стала слишком стягивать, как я это сделала Делии Гарретт, чтобы она могла свободно дышать.

— Скажите, мы можем кому-то сообщить радостную новость? — спросила я тихо.

Должен же у нее быть кто-то близкий: сестра или, на худой конец, подруга. Я надеялась услышать какое-то имя.

Но Онор Уайт покачала головой. Ее веки смежились: она провалилась в сон.

Почувствовав вдруг головокружение, я села за рабочий стол. Рука у меня болела, точно я оцарапала ее о колючую проволоку, по коже расплывался синяк.

Вот если бы моя донорская кровь пошла ей на пользу или хотя бы не причинила вреда; ведь

говорят же: primum non nocere[47]. А вместо этого я видела, как моя кровь превращалась в яд и чуть ее не убила.

Брайди протянула мне чашку.

— А ведь ты им обоим спасла жизнь!

— Спасибо, Брайди.

Я залпом выпила чай. Одно в этом чае было хорошо: сладкий.

— На самом деле это доктор Линн спасла их обоих, применив щипцы.

— Ничего подобного! Я же была здесь. И могу сказать: это вы на пару их спасли.

Мне захотелось ее обнять.

По правде говоря, да, думаю, мы совместными усилиями спасли Уайтам жизнь, но этот факт меня вовсе не радовал.

— Позавчера, — начала я и сразу поправилась, — ...вчера (неужели я только вчера познакомилась со своей молоденькой помощницей?) ты упомянула младенцев, которых спускают в трубу. Что ты имела в виду?

Брайди пожала плечами.

— Дома матери и ребенка, прачечные Магдалины, сиротские приюты, — перечисляла она

---

[47] Примечания: 47

«Прежде всего не навреди» *(лат.)* — древний девиз врачей.

вполголоса. — Профессиональные училища, исправительные школы, тюрьмы… разве они не секции одной и той же трубы?

Крысы в канализационной трубе. От этой картинки у меня скрутило живот.

— Понимаешь, Джулия, я же сама выросла в этой трубе, — печально сказала она, — и я не думаю, что когда-нибудь из нее вылезу.

В дверях стояла сестра Люк в наглухо застегнутом одеянии и в медицинской маске, и молча наблюдала, как мы пьем чай.

Я подскочила и сдавленным голосом произнесла:

— Добрый вечер, сестра…

С ее появлением закончилась моя очередная смена. Я доложила ей о двух сегодняшних родах — у Мэри О'Рахилли и Онор Уайт. И дала совет, как кормить малыша Уайта:

— Держите его прямо и следите, чтобы молоко из бутылочки лилось медленно, иначе он задохнется.

А куда делась Брайди? Это было на нее похоже: вот так, ни слова ни говоря, удрать.

Но потом одернула себя: я же ее знала всего два дня.

Сестра Люк приложила палец к раздвоенной

губе младенца и вздохнула.

— Едва ли его ждет благополучная жизнь, — пробормотала она. — Приведу отца Ксавье крестить его.

Меня возмутила ее капитулянтская позиция.

— Я так думаю, вас не обучали ухаживать за новорожденными, сестра?

Она сжала губы.

— Основное я знаю.

— Многие младенцы сегодня прекрасно переносят кормление из бутылочки, и надеюсь, малыш миссис Уайт с этим справится.

— Ах, я не думаю, что из-за врожденного уродства он сам собой задохнется.

Она понизила голос до шепота старой сплетницы:

— Но, как говорили наши сестры монахини, работающие с подобными несчастными, у них гораздо больше наследственных недугов помимо этого.

Я сразу поняла, что, говоря о подобных, она, конечно, имела в виду не родившихся с заячьей губой, а незаконнорожденных.

— И частенько эти бедолаги долго не живут, словно знают, что никому они не нужны.

Мне очень хотелось сказать ночной сиделке,

что она ошибается, но разве доктор Линн не приводила такой же печальной статистики о смертности внебрачных детей?

Я отвернулась, сняла с крючка пальто и сообщила:

— Сегодня я буду ночевать в спальной палате для медсестер.

(Я не стала ей говорить, что так посоветовала доктор Линн, потому что после переливания крови я могла испытать упадок сил; мне не хотелось, чтобы у монахини возникли сомнения в моей дееспособности.)

— И вызовите акушерку из родильного отделения, если вас будет тревожить состояние миссис Уайт, — добавила я, — или если понадобится помочь миссис О'Рахилли с ее малышкой.

Сестра Люк механически кивнула два раза.

Мне была невыносима мысль, что я оставляю пациенток на попечение этой злюки.

— Доброй ночи, миссис Уайт, миссис О'Рахилли и миссис Гарретт.

Я бросила последний взгляд на младенца Уайта, чей кривой ротик напоминал сморщенный цветок душистого горошка. И вышла в коридор.

IV
Черный

Выйдя из палаты, я сразу заметила рыжую голову Брайди. Она что, ждала меня?

Перекинув тонкое пальтишко через локоть, девушка изучала новое объявление:

> ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОЛНОСТЬЮ КОНТРОЛИРУЕТ СИТУАЦИЮ, И ЭПИДЕМИЯ НА САМОМ ДЕЛЕ ИДЕТ НА СПАД.
>
> НИКТО НЕ ПОДВЕРЖЕН НИКАКОМУ РИСКУ, КРОМЕ ТЕХ БЕСПЕЧНЫХ ГРАЖДАН, КТО ПЫТАЕТСЯ ПЕРЕМОЧЬ ГРИПП НА НОГАХ.
>
> ЕСЛИ ВЫ ПОЧУВСТВОВАЛИ, ЧТО ЗАБОЛЕЛИ, СООБЩИТЕ ОБ ЭТОМ И ОТЛЕЖИТЕСЬ ДВЕ НЕДЕЛИ ДОМА.
>
> ЕСЛИ УМЕРЕТЬ НЕ ХОТИТЕ, НА РАБОТУ НЕ ХОДИТЕ!

— Джулия, — негромко произнесла она, не поворачивая головы, — неужели это правда?

— Что именно? — с усмешкой спросила я. — Что

мертвые повинны в своей смерти?

Самым смехотворным утверждением, на мой взгляд, был совет отлежаться дома две недели. И кто же мог себе такое позволить, не имея в доме армии прислуги?

Она покачала головой.

— Нет, что эпидемия идет на спад.

— Это пропаганда, Брайди. Правительство лжет.

Она, похоже, даже не удивилась.

— Прямо как в песне.

— В какой песне?

Брайди откинула голову назад и спела полным голосом, несмотря на то что мы стояли на лестнице и мимо нас сновали люди:

Твердой рукою бокалы поднимем,

Мы знаем: наш мир – в паутине лжи.

И выпьем за павших,

За всех пострадавших,

Выпьем за тех, кому завтра не жить…

Кто-то обернулся на ходу.

— Звучит жизнерадостно, — ухмыльнулась я.

— Мелодия уж точно.

— У тебя приятный голос, Брайди.

Она презрительно фыркнула.

— Это не лесть, Брайди. А теперь признайся: почему ты улизнула, когда вошла сестра Люк?

Брайди обернулась на дверь нашей палаты.

— Чтобы эта старая ворона не приказала мне отправляться прямиком в дом матушки настоятельницы, чтоб я нигде не шлялась и не прохлаждалась.

Ее забавная имитация монахини заставила меня улыбнуться.

— И куда ты теперь пойдешь?

— А я никуда и не пойду, если ты остаешься. За тобой нужно приглядывать. Так доктор сказала.

— Но я же потеряла только полчашки крови.

— И все-таки.

Я с тоской взглянула на лестницу. А я-то надеялась проводить ее до трамвая, чтобы успокоить нервы после суматошного дня.

— Хоть я сегодня и устала, спать мне что-то еще совсем не хочется.

— И мне, — призналась Брайди.

— Если ты тоже захочешь остаться здесь ночевать, сестринская спальня находится наверху.

Она пошла следом.

— А меня туда пустят, ведь я только помощница?

— Вряд ли кто-то станет поднимать шум в та-

кой-то час.

Мы поднялись на второй этаж и прошли мимо родильного отделения. До моего слуха донесся далекий крик роженицы, у которой начались схватки, и неровный плач новорожденного.

Поднимаясь по третьему пролету, Брайди призналась:

— Вообще-то я малость устала.

Я расхохоталась, еле переводя дыхание.

— Но спать еще не хочешь.

Мы добрались до четвертого этажа, но на двери, к которой я ее подвела, висела бумажка с рукописной надписью: «Мужское инфекционное (свободных коек нет)». За дверью жужжали голоса.

— Ну что ж, — сказала я. — С этим ясно.

— Значит, тут больше не спальня? — разочарованно спросила Брайди.

— Думаю, нам все-таки придется спать дома.

И я тотчас поморщилась. У Брайди не было дома, только кровать в обители. Ее жизнь подчинялась распорядку, составленному тем самым монашеским орденом, который заправлял в так называемом доме, в котором она выросла. В тайном перевернутом мире, где у детей не было дней рождения, а сестры больше не считались

сестрами: и это была лишь одна секция длинной трубы.

— А как насчет того, чтобы вылезти на крышу и подышать там свежим воздухом?

Прозвучало довольно шаловливо. Брайди обомлела.

Наверное, я так разошлась, потому что сегодня был мой день рождения. Наш день рождения. К тому же и день выдался хороший. Несмотря на затянувшиеся мучения Мэри О'Рахилли из-за трудных родов и на ужасную реакцию Онор Уайт на перелитую ей мою кровь, никто не умер. По крайней мере, в нашей палате, этом крошечном пятачке нашего больного, изнуренного войной мира.

— Хочешь сказать, мы будем карабкаться вверх прямо по крыше?

Я улыбнулась ее вопросу.

— Ну, карабкаться необязательно. Там между наклонными частями кровли разных флигелей есть плоская часть, по ней можно просто идти.

— А, ну тогда я спокойна.

Мне импонировало в этой девушке то, что она никогда не говорила «нет». Она была готова на любую авантюру, в том числе на хождение по двускатным крышам четырехэтажного здания.

Я схватила в охапку несколько одеял с полки шкафа, мимо которого мы проходили, провела Брайди в дверь без таблички, и мы стали подниматься по узкой служебной лестнице. Вышли к совсем крохотной дверке, казавшейся тупиком, но я уже бывала здесь раньше, когда после тяжелого многочасового дежурства мне нужно было передохнуть, глотнуть свежего воздуха, выкурить сигарету и просто полюбоваться городской панорамой.

— Эта дверка никогда не запирается, — сообщила я Брайди.

Мы вышли на залитую гудроном шиферную крышу. Вечер был великолепный: в кои-то веки небо темно-синее, ясное, без единого клочковатого облака. Погожим летним днем сюда в обеденный перерыв стайками высыпал медперсонал — позагорать. Но этим осенним вечером после девяти все огромное пространство крыши было предоставлено только нам двоим.

Едва заметный серп ущербной луны висел над парапетом. Одинокая струйка света уличного фонаря прорезала притихший город. Я оперлась локтями о кирпичную кладку и взглянула вниз.

— Прогуляться тоже было бы неплохо, — сказала я, — но это уж в следующий раз.

И тут меня пронзила догадка, что стоит больнице вернуться к привычному ритму и протоколам работы, помощь неквалифицированных волонтерок больше не понадобится, да и вряд ли им позволят у нас появляться. Скорее всего, Брайди поблагодарят за помощь и отпустят восвояси. И что же, я ее больше не… Но как же мне тогда изловчиться и видеться с ней?

— Я неутомимый пешеход, — говорила Брайди. — Я могу идти бесконечно. В доме каждое воскресенье мы гуськом шагали пять миль до моря.

Забавно: я представила себе, как она вышагивает следом за настоящей гусыней. А потом попыталась вообразить, как маленькая Брайди танцует на морском берегу, швыряет камешки в воду, шлепает голыми ногами по набегающим волнам и вопит от восторга.

— Вы ходили плавать?

Она помотала головой.

— Такие у нас были занятия физкультурой. Дойдя до берега, мы разворачивались и топали обратно. Нам не дозволялось держаться за руки, за это нас пороли, но мы могли болтать друг с другом, не шевеля губами.

Я не знала, что сказать.

Воздев лицо в небо, Брайди стала пританцовывать. Я тронула ее за локоть.

— Смотри не упади!

— Но звезды такие яркие, они меня ослепили!

Посмотрев на небо, я нашла Большую Медведицу и сказала:

— В Италии раньше считали, что под влиянием созвездий люди заболевают — отсюда и название «инфлюэнца».

Брайди сразу же поняла смысл сказанного.

— То есть когда приходит твой срок, твоя звезда тянет тебя… — И она резко дернула рукой, словно подсекала пойманную на крючок рыбу.

— Это, конечно, далеко не научный подход, — заметила я.

— Может, и нет. Но я слыхала, там все расписано заранее.

— Что именно?

— День, когда каждому из нас придет пора умереть.

— Но это же полная ерунда, Брайди!

Она подняла и опустила худые плечи.

— А мне не нужен научный подход, я же не медсестра.

— Но у тебя есть все задатки, чтобы стать ею. Если ты этого хочешь.

Брайди удивленно посмотрела на меня и, расхохотавшись, отмахнулась.

Я прекрасно понимала, что многие видели в этой профессии только мрачные стороны: ведь каждый день медсестрам приходилось иметь дело с вонью, кровотечениями и испражнениями, смертью. Для меня же моя профессия была призванием.

— А знаешь, Брайди, я веду учет каждой своей умершей пациентки.

— Где? В особой книге?

— Думаю, ты видела, как я это делаю.

С этими словами я достала часы и, не глядя на стрелки, положила ей на ладонь циферблатом вниз.

Брайди взвесила их на ладони.

— Они из серебра?

— Видимо, да. Часы мамины.

(Я нарочно уточнила, чтобы она не подумала, будто я на свое жалованье могла купить такую дорогую вещь.)

— Они еще хранят твое тепло, — прошептала она.

Цепочка часов, соединявшая нас в тот момент, походила на туго натянутую пуповину.

Я приложила кончик пальца к одному из криво

нацарапанных на крышке кругов.

— Каждый круг вроде полной луны обозначает мою умершую пациентку.

— Но ведь не по твоей вине.

— Надеюсь, что нет. Но трудно быть абсолютно уверенной. В нашей профессии нужно научиться с этим жить.

— А что означают маленькие кривые линии? — спросила она.

— Это полумесяцы, а не полные луны.

— Младенцы?

От этой умнички ничего не скроешь. Я кивнула.

Теперь Брайди всмотрелась внимательнее.

— А некоторые совсем короткие царапушки.

— Это мертворожденные. Или выкидыши, если они были на позднем сроке и я смогла определить, кто это — мальчик или девочка.

— То есть ты уродуешь свои дорогие часы только потому, что тебе грустно?

Я покачала головой.

— Просто мне…

— …хочется их запомнить? — закончила за меня Брайди.

— Ну, я их и так помню. Хотя часто хочу забыть.

— Они же не преследуют тебя, словно призраки?

Я не могла найти нужных слов.

— У меня такое чувство, что им хочется быть где-то зарегистрированными. Они этого хотят. Они даже этого требуют.

Брайди гладила серебряный диск.

— Это как карта мертвых. Небо, усеянное лунами.

Я забрала у нее часы и положила обратно в кармашек.

— Меня нередко преследуют призраки живых, — сказала я. — Например, мальчик миссис Уайт.

Брайди кивнула.

— Я все думаю: а что, если он, вместо того чтобы отправиться в трубу, попадет к милой молодой паре… вроде О'Рахилли… если их не испугает его заячья губа и они его усыновят…

Брайди скорчила гримасу.

— Мэри О'Рахилли — милая девочка, но мистер О'Рахилли — та еще тварь.

Я чуть не упала, услышав такую аттестацию. Это она про ее мужа?

— Он что, ее колотит?

Она прочитала по моему лицу, что для меня

это новость.

— Неужели ты не поняла?

Она вовсе не упивалась своим превосходством; ее поразила моя наивность.

Тогда все сходилось. И пугливость молоденькой О'Рахилли, и множество упомянутых ею вещей, которые могли рассердить мужа, и старые кровоподтеки на запястьях. Она сослалась на то, что, мол, на ее коже легко появляются синяки, а я, как начинающая практикантка, поверила и сразу забыла.

— Брайди, — тихо сказала я, — ты знаешь то, чего не должна знать. Особенно в двадцать два года.

Она грустно улыбнулась углом рта.

— Никто на меня ни разу в жизни не поднял руку, — продолжала я.

— Это хорошо.

— Но сейчас я начинаю узнавать такое, что мне впору сказать: я ничего не знаю.

Брайди не стала возражать.

Я медленно двинулась по плоской части крыши между скатов. И, дойдя до очередного ската, расстелила на нем одно из одеял. Потом присела на корточки, подоткнув юбку вокруг талии, чтобы обезопаситься от холода, и прилегла на липкую

шиферную плиту.

Брайди устроилась подле меня.

— Застегни пальто до горла, чтобы не замерзнуть, — посоветовала я, — и нагнись-ка вперед.

Я взмахнула вторым одеялом над нашими головами и накрыла им нас как плащом. Нет, как скатертью фокусника. Третьим одеялом накрыла наши колени.

— Расскажи мне о нем, — нарушила я тишину. — О твоем… доме. Если ты не против.

Наступила долгая пауза. Вероятно, решила я, Брайди против.

— А что ты хочешь узнать? — наконец спросила она.

— Все, что ты помнишь.

— Я помню все.

По мере того как она начала вспоминать, выражение лица быстро менялось.

— Застарелая моча и резина, — наконец произнесла она. — Эти запахи я сразу вспоминаю, когда думаю о той жизни. Многие часто писались по ночам, понимаешь, и в какой-то момент решили, что нам лучше спать прямо на водонепроницаемых резиновых ковриках, чтобы каждое утро не относить постельное белье в прачечную. И у меня в ноздрях теперь постоянно стоит эта едкая вонь.

А еще у нас была училка, которая входила в класс вот так… — И Брайди презрительно наморщила нос, изображая ту учительницу. — Каждый день она спрашивала: «От кого тут воняет? Кто тут воняет?» Но дело в том, Джулия, что мы все воняли.

— Но это же ужасно!

Она покачала головой.

— Ужасно было то, как все сразу тянули руки вверх, желая назвать имя какой-нибудь другой девочки и обвинить ее в том, что от нее воняет.

— О, Брайди…

Пока я осмыслила ее рассказ, прошла целая минута.

— И еще телесные наказания. До сих пор каждая моя кость помнит порки.

Я откашлялась.

— И за что вас пороли?

Она пожала плечами.

— Можно было схлопотать розги за то, что ты спала не в той позе. Или чихнула во время мессы. Или за то, что писала левой рукой, или потеряла из подметки гвоздик. Или за то, что у тебя кудрявые волосы. Или рыжие.

Я тронула ее пушистую янтарную корону волос, которые строптиво выбивались из заколок.

— Но почему, ради всего святого…

— Мне говорили, что это знак порочности, и подвешивали за волосы на крючок для одежды.

Я отдернула руку и прикрыла ею рот.

— А ты не могла кому-нибудь пожаловаться на плохое обращение? Скажем, школьной учительнице?

Ответом мне была мрачная улыбка.

— О, Джулия. Уроки нам давали в доме… Там и была наша школа, понимаешь?

Я поняла.

— Но, по правде сказать, не все там были такие уж монстры, — продолжала она. — Повариха, которую я застала в последние годы, ко мне прониклась. Она клала яблочную кожуру в помойное ведро сверху, и я могла ее подцепить и съесть, когда выносила помои свиньям. А однажды она положила для меня половинку вареного яйца.

Во рту у меня разлилась горечь, словно я хлебнула прокисшего молока.

А Брайди продолжала свой рассказ:

— Я не умела вязать аранские свитера[48] или вышивать орнаменты на облачениях, и мне по-

---

[48] Примечания: 48

Ирландский свитер с вязаным узором в виде продольных кос.

ручили читать новенны[49]. А мы тогда жевали свечи, бумагу, клей — все что угодно, лишь бы набить пустой желудок.

— Новенны? — переспросила я. — Девятидневные молитвы?

Брайди кивнула.

— Люди платили монастырю за то, чтобы для них читали молитвы по особым случаям.

Я была просто ошарашена: детей заставляли читать молитвы без передыха, как на заводе, детей, которые с голодухи ели клей!

— Еще мне нравилось, что, когда не надо было читать новенны, меня отправляли работать в огороде на фермы. Там я могла стащить немного ягод или репку. Даже корм для скота.

Я представила себе картину: маленькая рыжая девчонка крадется между коров к кормушке и роется там в поисках съестного.

— А когда тебя отправили на работы?

— Утром, сразу после того, как одевалась.

— Нет, в каком возрасте примерно?

Брайди не ответила, и я перефразировала вопрос:

---

[49] Примечания: 49

Новенна — традиционная католическая молитвенная практика, заключающаяся в чтении определенных молитв в течение девяти дней подряд.

— Ты помнишь время, когда тебя еще не заставляли вышивать, или полоть грядки, или читать молитвы?

Она немного раздраженно помотала головой.

— В доме надо было поддерживать порядок. Нам приходилось наводить чистоту, стряпать, ухаживать за малышами, а еще и зарабатывать, чтобы оплачивать наше содержание, понимаешь?

— Вам врали! — взорвалась я. — Государство же оплачивает содержание каждого приютского обитателя.

Брайди заморгала.

— Я читала, что монахи и монахини, которые держат такие дома призрения, состоят на службе у государства. Они ежегодно получают немалую сумму за каждого ребенка под их опекой в счет расходов на питание, проживание и все прочее, в чем нуждаются сироты.

— Правда, что ль? — проговорила Брайди с ледяной невозмутимостью. — А нам никто такого не говорил.

И я поняла, что это был такой же постыдный трюк, каким пользовались в заведении, находившемся в нескольких минутах хода от нас, в лабиринте темных улочек, где женщины вроде

Онор Уайт были вынуждены отрабатывать расходы на их нескончаемое многолетнее заточение.

— Хватит! — выпалила Брайди.

— Да, но…

— Джулия, прошу, давай не будем растрачивать этот чудесный вечер, копаясь в мерзком прошлом.

Я смирилась. Я обратила глаза к небу и стала глядеть то на одно созвездие, то на другое, перескакивая по ним, как по расчерченным мелом клеткам. Я подумала о небесных телах, сбрасывающих нам тонкие световые тросы, чтобы ими заарканить.

Я никогда не верила, что наше будущее заранее прописано с самого дня рождения. Даже если что-то и было предопределено звездами, ведь именно мы соединяли эти точки в строки, записывая историю собственной жизни. Но малыш Гарретт, родившийся вчера мертвым, и все прочие, чьи истории закончились, не успев даже начаться, и те, кто, открыв глаза, оказался в долгом кошмарном сне, как Брайди или малыш Уайт… Но кто так распорядился их жизнями, недоумевала я, или по крайней мере позволил им быть такими?

Мой желудок так громко возмутился, что Брайди хихикнула, а за ней и я.

Тут я вспомнила, что носила целый день в своей сумке, и спросила:

— Есть хочешь?

— Ну да, а что там у тебя?

— Шоколадные конфеты из Бельгии и итальянский апельсин.

— Не может быть! — восхищенно воскликнула Брайди.

— Подарки от моего брата Тима на день рождения.

Снять кожуру с апельсина оказалось куда легче, чем я думала. Из-под моих ногтей брызнул цитрусовый аромат. В свете звезд сочная мякоть под белыми перепонками казалась смуглой, почти пурпурной.

Брайди с недоверием воззрилась на очищенный плод.

— А тебе не кажется, что в дороге он сгнил?

— Да что ты! Понюхай!

Она нехотя, почти с отвращением, нагнулась и коротко вдохнула. Ее лицо озарилось радостью.

— Красные апельсины так называются, — заметила я, — из-за цвета мякоти. Они очень сладкие и почти без косточек.

Осторожно пальцами я разделила дольки и разорвала на одной тонкую перепонку. Соковые

мешочки были разных цветов — от желтого и оранжевого до фиолетового, почти черного.

Брайди опасливо куснула дольку.

— О! — Сок полился по ее губам, и ей пришлось всосать его обратно. — Какая же вкуснотища!

— А я что говорила!

— С днем рождения, Джулия!

Я слизала капельки сока с ладоней — за это главная медсестра высекла бы меня, не сходя с места.

— И тебя тоже, помнишь? Первое ноября.

— Первое ноября, — торжественно повторила она. — Я не забуду.

— С днем рождения, Брайди!

В полной тишине слышалось тихое чавканье, с которым мы поглощали апельсин.

— С тобой так легко разговаривать, — сказала я вдруг. — А Тим после возвращения с фронта — не такой.

Брайди не удивилась: «Какой не такой?», а спросила:

— Не разговаривает с тобой?

— Ни с кем. Ни слова никому. Словно ему глотку перерезали. Да только у него не глотка повредилась, а голова…

Я сама не понимала, зачем так с ней разот-

кровенничалась, зачем пыталась уравновесить булыжники жизненных горестей Брайди камушком своих невзгод.

— Обычно я об этом не рассказываю другим, — добавила я.

— А почему нет? — спросила Брайди.

— Ну, наверное, из суеверного страха, что, если рассказать, это может оказаться правдой.

Брайди склонила голову набок.

— А разве это не правда?

— Да, но… официальной правдой. Всем известной. И я буду Джулией с немым братом.

Она кивнула.

— Это тебя обижает?

— Не так.

— Печалит, — поправилась она.

Я кивнула, сглотнув слюну.

— Ну, — пробормотала она, — тогда, я бы сказала, тебе повезло.

— Повезло, что мой брат онемел?

— Что у тебя есть брат, — уточнила она. — Каким бы он ни был.

А она права, подумала я. Тима уже не переделаешь. Теперь у меня такой брат.

После паузы она сказала:

— Или что у тебя вообще есть хоть кто-то!

— О, Брайди!

Она в свойственной ей манере пожала плечами, коротко, как обезьянка.

Я шумно откашлялась:

— У Тима сохранилось характерное чувство юмора.

— Ну и хорошо.

— И у него есть сорока, которую он обожает.

— Шикарно! — насмешливо воскликнула она.

— Чудесный садовник-огородник, прекрасный повар-самоучка.

— Кто? Сорока?

Мой хохот раскатистым эхом пробежал по волнистой крыше.

Я разделила конфеты. Мы съели по одной. А потом стали играть: у кого на теплом языке медленнее расплавится вторая конфета.

Брайди, с трудом двигая языком, произнесла:

— Это как последняя трапеза перед казнью.

Тут я подумала о пациентке, подвинувшейся рассудком из-за гриппа, той, что выпрыгнула из окна и убилась. Но я ни слова не сказала, позволив Брайди насладиться своей конфетой.

Я озябла, но мне было все равно. Подняла лицо к звездному небу и выдохнула длинное облачко пара.

— А знаешь, что у других планет есть множество своих лун, а не одна-единственная, как у нас?

— Брось!

— Но это факт! Я узнала об этом из научной книги. У Нептуна — три, а у Юпитера — целых восемь… А, нет, ученые уже нашли девятую, сделав фотоснимок на очень длинной выдержке.

Брайди насмешливо склонила голову, словно я ее дурачила.

И тут меня осенило, что девятая луна Юпитера, очень может быть, и не последняя; со временем астрономы вполне могут открывать все новые и новые спутники. Может быть, если у них появятся более мощные телескопы, они обнаружат и десятую, и одиннадцатую, и двенадцатую луну Юпитера. От мысли, что там, в вышине, обретается такое сияющее множество тел, у меня голова пошла кругом. Да и здесь такое же множество тел. Суетящиеся поколения, живые, занятые своими делами… пускай даже нас куда меньше, чем бессловесных умерших.

Внизу на улице мужчина запел.

— Надо бы сбросить ему что-нибудь на голову, — предложила я.

— Не надо, — рассмеялась Брайди. — Мне нра-

вится эта старая песня.

— Ты удостоишь ее названием?

— Песня называется «Мы пали духом».

— Да у него же получается какая-то пьяная галиматья.

И она запела:

— «Разве мы пали духом?»

Она остановилась в ожидании моего ответа. Не дождавшись, сама ответила:

— «Нет! — И продолжала: — Так пусть же голоса зазвенят, споемте, друзья. Разве мы пали духом?»

Когда она запела третий куплет, я наконец брякнула свое «Нет!».

Время бежало незаметно. В какой-то момент, увлекшись долгим разговором обо всем на свете, мы с Брайди сошлись на том, что уже хорошо за полночь.

— Сегодня же День Всех Святых, — вспомнила я. — Надо бы сходить на кладбище.

— А больница не сойдет за кладбище? Тут же всегда кто-то умирает.

— Допустим, сойдет. О, мне нужно помолиться за маму!

— Она в больнице подхватила горячку после рождения Тима? — спросила Брайди.

Я покачала головой.

— Нет, дома. Такое происходит каждый день, в любой точке мира… Женщины рожают и умирают. Хотя нет, — поправилась я. — Они умирают родами. Но это же не новость. И я сама не понимаю, почему это всегда приводит меня в ярость.

— Думаю, это твоя битва, — заметила Брайди.

Я искоса поглядела на нее, а она продолжала:

— Ты давеча сказала мистеру Гройну, что женщины, как солдаты, отдают свои жизни… Но твоя работа — не рожать детей, а спасать их. И их матерей.

Я кивнула. У меня перехватило горло.

— Вообще-то их всех.

Брайди перекрестилась.

— Храни Господь миссис Пауэр, мать Джулии и Тима.

Я склонила голову и попыталась присоединиться к ее молитве.

— Да будут благословенны все усопшие, — добавила она.

Тишина объяла нас шелковым покровом.

— Это были два лучших дня в моей жизни, — заметила Брайди.

Я изумленно уставилась на нее.

— Да-да, лучшие два дня в моей жизни. Это же было приключение! Двое людей остались в жи-

вых благодаря нам — благодаря тому, что ты и я были рядом и сделали все, что в наших силах. Ты же не станешь отрицать, что это наша заслуга?

— Но… поэтому ты считаешь, что это лучшие два дня в твоей жизни, а, Брайди?

— Ну, еще я встретила тебя.

(Произнесенные ею пять слов буквально ударили меня в грудь.)

— Джулия, ты как-то назвала меня бодрящим эликсиром. Незаменимой. Разве не ты мазала мне бальзамом руки, когда едва меня знала? Поделилась со мной гребнем. И даже днем рождения. А когда я разбила термометр, ты сказала, что это твоя вина. А сколькому ты меня научила за эти два дня! Сделала меня помощницей, курьером. Помогла осознать свою значимость.

Я просто потеряла дар речи.

И в который уже раз подумала, что из Брайди могла бы выйти очень хорошая медсестра.

— А разве орден никогда не предлагал тебе получить какую-нибудь профессию?

Она скорчила гримаску.

— Когда я только приехала в Дублин, меня отдали в услужение, но хозяйка быстро отослала меня обратно — сказала, что у меня слишком дерзкий язык.

Да, я уж заметила: Брайди за словом в карман не лезла, что вполне могло нервировать вздорного работодателя.

— Иногда я хожу на поденную работу, — продолжала она. — Убираю в отелях, школах, конторах.

— Но тебе же платят…

Лицо Брайди так скривилось, что я поняла: она не получила не пенни.

— Мы все еще должны монахиням за проживание, кормежку и обучение.

— Если орден берет с тебя плату, — гневно произнесла я, — это же долговое рабство. А что, живущие там не могут просто уйти?

— Я не знаю всех тонкостей, — призналась Брайди. — Давай поговорим о чем-то более веселом.

Заметив, что она ежится от холода, я придвинулась к ней и притянула к себе под одеялом.

На небе мерцали звезды. Я рассказала Брайди сюжеты всех кинокартин с Мэри Пикфорд, которые видела. Потом других картин, которые, как мне казалось, могли ей понравиться.

Ей все понравились.

В какой-то момент беседа перетекла на детей.

— У меня детей не будет, — заявила я.

— Не будет?

— Честно говоря, не уверена, что мне захочется выйти замуж. Да и в любом случае я свой шанс уже упустила.

Брайди не сказала: «Тридцать лет — не старость», — как могла бы на ее месте возразить любая женщина. Она просто поглядела на меня.

— Красавицей я никогда не была, — продолжала я, — а уж теперь…

— Но ты красивая!

Глаза Брайди засияли.

— И вовсе ты не упустила свой шанс.

— Ну, наверное, нет.

Она обхватила меня обеими руками и поцеловала в губы.

Я не стала сопротивляться, не сказала «не надо». Я просто позволила ей это сделать.

Ей.

Я позволила этот поцелуй. Так меня никто никогда не целовал. Так.

У меня во рту словно воссияла жемчужная луна, огромная, обволакивающая, слепящая.

Это было вопреки всем мыслимым правилам, которые мне внушали всю жизнь.

И я ее тоже поцеловала. Мой прежний мир тотчас рухнул, превратился в прах, и новый, неведомый мне мир силился родиться. Нам, очень

может быть, оставалась лишь эта единственная ночь, вот почему я целовала Брайди Суини, обнимала и снова целовала, отдавшись поцелую целиком и без остатка.

Мы откинулись на холодный скат крыши, с трудом переводя дыхание.

Мои глаза наполнились слезами. Брайди сразу заметила.

— О, не плачь!

— Я не плачу.

— Тогда что?

— Уверена, твоя настоящая мать помнит день твоего рождения, — выпалила я, не подумав. — Был же момент, когда тебя дали ей на руки и она подумала: «Боже, какое чудо…»

— Скорее, какая обуза! — мрачно усмехнулась Брайди.

— Мое сокровище, — возразила я (сжимая ей руки). — Просто представь себе, как она ощутила приятную тяжесть твоего тела в день, когда ты родилась…

Брайди снова прильнула ртом к моим губам.

Ночь тянулась, мы замерзали все больше. Мы целовались и болтали, снова целовались и снова болтали. Обе ни словом не обмолвились о поцелуях, чтобы не разрушить чудесный кокон, внутри

которого мы оказались. Чтобы не думать о том, что значили для нас эти поцелуи.

Мы принялись обсуждать войну, и я невольно рассказала о лучшем друге Тима Лиаме Кэффри, как они вместе записались в армию, какими оба были сорвиголовами, как они улыбаются на фотографии, что до сих пор висит, чуть покосившись, единственная на стене в комнате Тима.

— Лиам не вернулся с фронта, — сообщила я.

— А что с ним случилось?

— Ему прострелили горло в прошлом году, в битве при Иерусалиме.

(С этими словами я взяла Брайди за палец и приложила его к своему горлу: на этом месте Тим носил свой деревянный амулет, который, хотя и спас ему кожу на шее, но не уберег его голову.) Но ей хотелось знать больше:

— А твой Тим не был с ним?

— Был. Рядом, как ты сейчас со мной. Его всего забрызгали кровавые куски друга.

— Господи! Бедняга. Все они бедняги!

Только сейчас мне в голову пришла мысль, что война, быть может, закалила и превратила их дружбу в нечто такое, чему трудно дать название и невозможно описать. Какая же я дура, что раньше об этом не подумала! Но о таком я никогда

бы и не осмелилась расспрашивать Тима, как я бы никогда не осмелилась поделиться с ним тем, что произошло между мной и Брайди на крыше больницы.

Несмотря на то что мы обе совсем окоченели от холода, ни она, ни я не собирались оттуда уходить. Во время беседы наши шевелящиеся губы много раз оказывались очень близко, и мы умолкали, чтобы опять слиться в поцелуе. Мне было так радостно, казалось, я лопну от счастья, и в промежутках между поцелуями меня прямо-таки захлестывало ликование.

Когда же впервые между нами пробежала искра, а потом разгорелась в обжигающее пламя? Я и не заметила: слишком была занята своими делами. Со всеми этим рождениями, беспорядочно происходившими после смертей, — когда бы я стала задумываться о такой ерунде, как мои новые чувства, тем более тревожиться о них?

Мы обе принялись зевать.

— Это было безумие — тащить тебя сюда, — произнесла я. — Тебе же надо поспать.

— А тебе нет?

— Я привыкла не спать, я крепкая.

— А я еще крепче, — с улыбкой заметила Брайди, — и моложе, и выносливее.

С этим не поспоришь.

— Поспим после смерти, — добавила она.

Глаза слипались, но меня переполнял такой восторг, что казалось, я больше никогда не захочу спать.

Но мы обе умолкли и, сами того не осознавая, похоже, уснули, потому что я очнулась, когда лежавшая рядом со мной на скате крыши Брайди шевельнулась. Я вытянула затекшую шею. Большая Медведица уползла в другую часть ночного неба: наверное, мы проспали несколько часов.

— Ой, мышцу свело! — воскликнула Брайди, пытаясь выпрямить ногу.

Поежившись, я призналась, что вообще не чувствую ног. Я постучала пяткой по шиферному склону. Нога была как чужая.

— Жутко хочу пить, — призналась Брайди.

Жаль, у меня не было для нее второго апельсина.

— Хочешь, спустимся в столовую и там выпьешь чаю?

— Я не хочу никуда идти.

Она смотрела на меня с такой любовью, что у меня голова закружилась. Казалось, крыша была воздушным судном, парящим над растленным миром, и с нами ничего не могло случиться, по-

куда мы держались за руки, сплетя заледеневшие пальцы так крепко, что не понимали, где чьи.

Через пару минут я предложила встать во весь рост, чтобы восстановить кровообращение. Мы помогли друг другу встать на ноги и по-собачьи встряхнулись. Даже немного потанцевали на месте, еле передвигая задеревеневшими ногами и хохоча, и белые клочки пара вылетали из наших ртов в темный воздух.

— Я бы хотела пойти в твое жилище, Брайди, и сломать его. Разобрать по кирпичику.

— Вообще-то дом каменный.

— Тогда не оставить камня на камне.

— Меня всегда до глубины души тревожат малыши, которые безутешно плачут.

Я ждала продолжения.

— Твоя подопечная плачет и плачет, а ты ничего не можешь с этим поделать.

— Какая подопечная?

— Малютка в колыбели, которую они ставят рядом с твоей кроватью, как только ты вырастаешь.

— Что значит вырастаешь? Это сколько лет — четырнадцать, пятнадцать?

Губы Брайди скривились в подобии улыбки.

— Скорее восемь или девять. И вот еще что:

если твоя подопечная набедокурит, накажут обеих. А если она заболеет, в этом тоже будешь ты виновата.

Я пыталась понять смысл услышанного.

— То есть на тебя возлагали вину за ее болезнь?

Брайди кивнула.

— А малютки болели все время. И многие из них отправлялись в яму позади приюта.

Я утратила нить повествования.

— Ты имеешь в виду, что они подхватывали какую-то болезнь, потому что играли в подвале?

— Нет, Джулия! Их туда клали… после.

— А… в могилу!

— Это была одна общая яма, без имен усопших.

Я подумала о Делянке ангелов на кладбище, где должны были похоронить так и не проснувшуюся дочку Делии Гарретт. Да, маленькие дети умирали, причем дети бедняков чаще других, а нежеланные дети и того чаще. Но все же…

— Но это так несправедливо, — воскликнула я, — возлагать ответственность на восьмилетнего ребенка за смерть младенца!

— Ну, — равнодушно сказала Брайди, — должна признать, что порой мне было так голодно, что я могла обокрасть подопечную.

— Как обокрасть?

Поколебавшись, она ответила:

— Съесть ее хлеб. Выпить полбутылочки молока и потом долить водой из-под крана.

— О, Брайди…

— Мы все так делали. Хотя от этого не легче.

У меня защипало в глазах. Чтобы выжить, эта девушка прибегала к любым возможным способам, и я, к своему удивлению, не хотела, чтобы было иначе.

— Я никому еще не рассказывала эти старые истории, — призналась Брайди.

(Она сказала «старые истории» так, словно речь шла о древних мифах про Троянскую войну.)

— И тебе, может быть, тоже больше не буду рассказывать, — добавила она.

— Почему?

— Ну, теперь ты, Джулия, знаешь, какая я.

— И какая?

Брайди очень тихо проговорила:

— Мерзкая.

— Вовсе нет!

Закрыв глаза, она прошептала:

— Было еще кое-что.

— С тобой?

— Со многими из нас. С большинством, не со-

мневаюсь.

У меня тревожно забилось сердце.

— И кто это с вами делал?

Она замотала головой, словно это было не важно.

— Рабочий и священник. Няня или училка. Она забирала к себе девочку, чтобы та согрела ей постель, а после давала ей второе одеяло.

Меня затошнило.

— Мог быть и праздничный отец, — добавила Брайди.

— Какой еще праздничный отец?

— Местные семьи иногда просили монахинь одолжить девочку на выходные, чтобы устроить ей праздник. Девочке могли подарить конфетки или монетки.

Мне захотелось заткнуть уши.

— Один такой отец дал мне целый шиллинг, — не умолкала она. — Но я не знала, что делать с этой кучей денег или куда спрятать монету, и я ее закопала в золу в поддувале печки.

— Брайди! — взмолилась я, стараясь не расплакаться.

— Наверное, она все еще там лежит.

— Ты не виновата в этой грязи. Ты чиста, как дождевая вода.

Она поцеловала меня, на этот раз в лоб.

Позади нас на крыше раздались голоса: какие-то люди вышли из той же дверки, что и мы.

Мы с Брайди отпрянули друг от друга.

Я произнесла нарочито громким и фальшиво беззаботным голосом:

— Ну, думаю, нам пора завтракать.

(А сама поклялась себе, что у нас еще обязательно будет время для новых поцелуев и новых откровений.)

Подобрав одеяла, мы прошествовали мимо санитаров, выбравшихся на крышу покурить и угадать день окончания войны, который, по их заверениям, был не за горами. В разных городах Германии, по их словам, вспыхивали мятежи, солдаты втыкали штыки в землю, воюющие державы вели тайные переговоры, кайзер был на грани отречения от престола.

Я надеялась, что в ночной тьме они не видели румянец на моих щеках.

— Хотите покурить, девчонки? — предложил один.

— Нет, спасибо, — вежливо ответила я.

Я придержала дверку для Брайди, но та споткнулась и налетела на косяк.

— Осторожно!

Она рассмеялась.

— Какая же я неловкая!

— Вот что значит всю ночь просидеть на холоде и не спать, — заметила я.

Странно: я тоже совсем не спала, но не утратила ориентации в пространстве.

Спускаясь по главной лестнице и проходя мимо больших окон, я выглянула на улицу и заметила яркие фары ползущего моторного омнибуса. Нет, это был моторный катафалк. Значит, еще одни похороны: дневная кавалькада пускалась в последний путь до рассвета. Точно черный ангел летал от дома к дому, и никто не мог поставить на входную дверь отметку, способную отогнать этого ангела прочь.

Мимо нас по лестнице устало поднимались два пожилых врача. Один из них рассказывал:

— Меня остановили за то, что у моего автомобиля горела одна фара, и я уж понадеялся, что меня отправят в тюрьму. Там хоть можно отдохнуть.

Второй немного истерически расхохотался.

— Признаться, я уже привык сосать «Марш-бросок», как леденцы…

— А что такое «Марш-бросок»? — спросила Брайди, когда врачи прошли мимо.

— Это такие таблетки, которые дают солдатам

или гражданским, чтобы побороть сонливость и стимулировать внимание. В них содержатся орех колы и кокаин в порошке.

Брайди удивленно вздела брови.

— А ты их тоже принимаешь, Джулия?

— Нет. Я однажды попробовала, но от них у меня сердце начало выпрыгивать из груди и возникла дрожь.

Она зевнула, прикрыв рот ладонью.

— Я тебя разочаровала?

— Вовсе нет.

Зайдя в туалет, мы побрызгали друг другу водой на лицо, после чего она нагнулась над раковиной и стала жадно лакать струю из-под крана, точно щенок.

Причесываясь перед зеркалом, я всмотрелась в свои глаза. Я была достаточно зрелой, чтобы верно читать свои чувства, конечно, и понимать, что я делаю. Но у меня возникло ощущение, что я угодила в любовь, словно ночью упала в яму.

На лестничной площадке мое внимание привлек вчерашний плакат:

ЕСЛИ УМЕРЕТЬ НЕ ХОТИТЕ, НА РАБОТУ НЕ ХОДИТЕ!

Захотелось сорвать его, но, вероятно, подобное

поведение было непозволительным для медсестры и приравнивалось к государственной измене.

Да они же все равно умрут, злобно шептала я, умрут в своих постелях, на своих кухнях, даже если будут исправно съедать по луковице в день. Умрут в трамвае. Или упадут на улице, если уж костлявая решит их забрать. Можно винить в этом микробов, или непогребенные трупы, или прах с полей сражений, или внезапные циклоны, или Господа. Можно винить в этом звезды. Но только не вините мертвых, потому что никто из них не желал такого себе.

Спустившись в подвальную столовую, мы с Брайди встали в очередь за овсянкой.

Сосиску она не захотела; казалось, она изрядно подкрепилась утренним хохотом.

— А что самое худшее может с тобой произойти, — спросила я шепотом, — если ты никогда не вернешься в дом матушки настоятельницы?

— И куда же мне идти, Джулия?

У меня возникла идея. Мне захотелось, чтобы сегодня она пошла со мной домой и познакомилась с Тимом. Но как это будет выглядеть — не слишком безрассудно или безумно? К тому же я не могла решить, как сформулировать приглашение: слова умирали на моих губах.

— Я вот о чем подумала… — начала я.

— Ого! Ну ты ранняя пташка!

Глэдис! Я уставилась на старую приятельницу из офтальмологии и отоларингологии.

— Ага, — только и смогла я выдавить.

— Держишь хвост трубой? — поинтересовалась она.

— Стараюсь.

Глэдис слегка нахмурилась, точно почуяла, что я сегодня какая-то не такая. Она неторопливо пила кофе. И даже не взглянула на стоявшую рядом со мной девушку в стоптанных туфлях; ей и в голову прийти не могло, что Брайди Суини хоть что-то для меня значила.

Очередь перед нами поредела.

Я сделала два шага вперед и помахала Глэдис.

— Пока-пока!

Когда она ушла, я подумала, как мне нужно было представить ей Брайди. И что бы подумала Глэдис, если бы увидела нас целующимися на крыше. Более того, что бы она сделала?

Я отдалилась от прежней жизни и уже не была уверена, что когда-то вернусь к ней.

Когда мы с Брайди вместе вошли в нашу палату, сидевшая за рабочим столом сестра Люк строго на нас посмотрела. Ей не нравилось, что

мы подружились, и она этого не скрывала.

— Ну что, надеюсь, вы обе хорошо отдохнули? — спросила сестра Люк.

Я заверила ее, что да. Если она не была в курсе, что спальню для медсестер закрыли, я не собиралась ей об этом сообщать.

В крохотном помещении терпко пахло эвкалиптом. Онор Уайт, которой сестра Люк устроила ингаляцию эвкалиптовым паром, не было видно за завесой из простыней, но я слышала ее надсадный кашель. Ее малыш лежал в колыбели, дрыгая спеленатыми ножками. Сестра Люк сообщила, что он охотно высосал две первые в его жизни бутылочки.

Я не могла не отдать монахине должное: ее предрассудки не мешали ей обихаживать пациентов.

Брайди налила себе полный стакан кипяченой воды из кувшина и залпом выпила. После чего принялась прибираться в палате, как многоопытная санитарка.

— Сегодня я выписываюсь, медсестра! — сообщила мне Делия Гарретт.

— Правда?

— Заходила доктор Линн, говорит, мне лучше отлеживаться дома.

Это противоречило протоколу, но я не стала возражать, учитывая нынешнюю ситуацию в больнице. Гарретты вполне могли позволить себе нанять частную сиделку, при том что для большинства наших пациентов пребывание в больнице было единственной возможностью получить сносный уход.

— Отец Ксавье вчера вечером уже ушел, — сказала сестра Люк, — а сейчас присутствует на похоронах, но я постараюсь найти кого-нибудь, кто мог бы покрестить этого малыша.

Кивок в сторону младенца Уайта.

Как только монахиня вышла из палаты, я встретилась взглядом с Брайди. На ее губах сияла улыбка.

— И что теперь? — спросила она.

Онор Уайт раскраснелась после паровой ингаляции. Я решила, что с нее хватит.

Я обтерла ей лицо холодной влажной салфеткой.

— Вам стало полегче, миссис Уайт?

В ответ она только забормотала очередную молитву. Я проверила ее нагрудный бандаж. Едва влажный. Молоко у нее еще не пришло. Я ослабила повязку, чтобы та не сдерживала ее свистящего дыхания.

— Брайди, сделай, пожалуйста, миссис Уайт горячего лимонаду, пока я осматриваю миссис О'Рахилли!

Молоденькая мать кормила свою дочку, чья головка уже начала скругляться. Лицо Мэри О'Рахилли выражало безмятежность, а пустой поднос рядом с ней свидетельствовал, что она хорошо поела. Но мой взгляд невольно остановился на покрывавших ее запястья темных пятнах — синяках.

И словно читая мои мысли, она упомянула его:

— Мистер О'Рахилли придет за Юнис завтра и отнесет крестить. Его впустят только в вестибюль для посетителей, а ее принесут ему.

— Очень хорошо.

Я наблюдала за ее лицом. Хочет ли она вернуться домой, к мужу, или одновременно этого боится?

Не лезь, Джулия. Брак — дело частное и таинственное.

Я обернулась к Делии Гарретт.

— Вижу, вы уже собрались. Прежде чем одеть, я сменю вам бандаж.

Сняв повязку, я увидела, что марля насквозь пропитана молоком.

Она отвернулась.

Какая жалость, эти налитые груди напрасно полны молока. Я подумала, много ли времени им понадобится, чтобы смириться с тем, что кормить некого.

Я перетянула грудь Делии Барретт свежим бандажом. Потом заглянула в ее сумку и нашла там свободное платье.

— Только не это старье!

Тогда я нашла юбку и блузку, и мы с Брайди осторожно переодели пациентку.

Я взглянула на Онор Уайт. Она уже задремала, нетронутый лимонад стоял на тумбочке. Я решила, что сон сейчас для нее — самое лучшее, больше никаких действенных лекарств у нас не было.

Ее сын в колыбельке мяукнул, как котенок, и зашевелил ножками. Для него мне не нужно было рисовать полумесяц на крышке часов. Хотя и преждевременно рожденный, малыш отличался крепким здоровьем. И его асимметричный ротик уже меня ничуть не удивлял: ну и что — две половинки верхней губы не совмещались, образуя короткую щель.

Тут меня осенило, что в венах этого маленького незнакомца течет и толика моей крови. Он всегда будет мне почти родней?

— Брайди, хочешь, покажу, как его кормить?

— Давай!

Я нашла бутылочку и соску с прорезью крестнакрест, которые сестра Люк оставила в содовом растворе после стерилизации. Я встряхнула банку с молочной смесью для кормления (пастеризованное коровье молоко, сливки, сахар и ячменный отвар, как гласила этикетка), развела водой — не холодной, а теплой, чтобы не переохладить ему желудок. И надела соску на горлышко.

Я попросила Брайди посадить младенца на согнутую левую руку. Он попытался было свернуться гусеницей, но я нежно распрямила ему шею и стала аккуратно заливать струйку смеси в кривую щель рта, замедляя струю нажатием пальца на разрез соски, точно играла на ирландской свистульке.

— Ну надо же, каков, — прошептала Брайди. — Сосать через соску не может, но заглатывает без труда.

Мало-помалу младенец Уайт на наших глазах высосал всю полагающуюся ему порцию. Он глотал с такой жадностью, точно знал, что перед ним стоит единственная задача и от ее выполнения зависит все его будущее.

Из коридора донесся баритон:

У двух мальчонок

Был игрушечный жеребенок…

Разумеется, Гройн, кто же еще!

Я взяла на руки засыпавшего младенца.

— Брайди, сходи пожалуйста, в коридор и утихомирь этого санитара!

Она выскочила за дверь.

Но в следующую же минуту въехала в палату на кресле-каталке, которую толкал Гройн. Брайди держала в руках воображаемые поводья, притворяясь, будто погоняет лошадь, и они вдвоем распевали:

Не думай, что я оставлю тебя умирать,

Ведь кроме тебя у меня нет никого на свете.

Садись-ка, Джо, ко мне в двуколку и хорош орать,

Моя коняга умчит нас, как резвый ветер.

— Здесь палата для тяжелых больных, — сказала я беззлобно, — вы, два оболтуса!

Санитар издал тихое ржание и вздыбил кресло-

каталку, поставив ее на задние колесики:

— Карета для миссис Гарретт.

Брайди слезла, виновато смеясь.

Обернувшись к Делии Гарретт с намерением извиниться, я заметила, что та слабо улыбается.

— Я пою эту песенку своим двум дочуркам.

— Они же обрадуются, когда вы вернетесь домой?

Она кивнула, и одинокая слеза вдруг скользнула к ее подбородку.

Я положила младенца Уайта в колыбель, помогла Делии Гарретт сесть в каталку и повесила на рукоятку ее сумку с вещами. Ее руки лежали на коленях, блузка была расстегнута на животе. Она была красивая, несмотря на несчастный вид.

— Спасибо вам, сестра Джулия, — сказала Делия Гарретт. — Спасибо, Брайди.

— До свиданья! — звонко пропели мы.

— Удачи, миссис О'Рахилли!

Молодая женщина не могла сказать: «И вам того же» — матери, потерявшей ребенка, поэтому она лишь грустно улыбнулась и кивнула на прощание.

Гройн покатил Делию Гарретт по коридору к лестнице.

Мы с Брайди повернулись друг к другу.

О, сколько же тайны и нежности было в ее взгляде!

А потом, ни слова не говоря, перестелили пустую кровать справа, чтобы подготовить ее для новой, неизвестной нам роженицы.

Чуть позже взошло солнце, в окно палаты ударил сноп света. Сегодня я словно видела Брайди насквозь, как будто она была сложена из костей и света и носила свою плоть как платье.

Брайди чихнула, и так внезапно, что Юнис вздрогнула и выпустила сосок.

— Извините, — сказала Брайди, — это из-за солнца.

— Я тоже иногда чихаю от солнечного света, — призналась я.

Мэри О'Рахилли снова вложила сосок в рот дочери, уже довольно умело.

Онор Уайт спала, других пациенток в палате больше не было, и я воспользовалась возможностью побеседовать по душам с Мэри О'Рахилли.

Я нагнулась над ее кроватью и шепотом сказала (поскольку я вообще не имела права этого говорить):

— Могу я задать вам один вопрос, дорогая? Это личное.

Ее глаза округлились.

— Мистер О’Рахилли когда-нибудь… злится на вас?

Беспечная жена могла ответить:

— Ну, все злятся…

Но Мэри О’Рахилли испуганно отпрянула, что подтвердило догадку Брайди.

Подойдя к ее кровати с другой стороны, Брайди спросила:

— Он же злится, да?

Молодая женщина едва слышно ответила:

— Только когда выпьет.

— Но это же возмутительно!

Брайди напирала:

— И как часто?

Мэри О’Рахилли стреляла глазами то в меня, то в нее.

— Ему тяжело сейчас, он без работы.

— Да, понимаю, — согласилась я, — это и правда трудно.

— Но в основном он добр ко мне, — стала она нас убеждать.

Я вошла в эту глубокую реку, не имея никакого плана перебраться на другой берег. Но каким советом я могла ей помочь теперь, когда Мэри О’Рахилли сказала правду? Через шесть дней или даже раньше она заберет своего ребенка домой,

а соседи уже довольно ясно дали понять, что не будут вставать между мужем и женой.

Я постаралась придать голосу твердости:

— Скажите ему, что вы больше не намерены терпеть это, особенно сейчас, когда в доме появился ребенок.

Мэри О'Рахилли изобразила неуверенный кивок.

— А ваш отец согласился бы забрать вас, если до этого дойдет? — спросила Брайди.

Она подумала-подумала и снова кивнула.

— Тогда скажите это своему мужу.

— Скажете? — упорствовала я.

А Брайди добавила строго:

— Ради Юнис. Чтобы он никогда не поднял на нее руку.

Глаза Мэри О'Рахилли наполнились слезами, и она прошептала:

— Я скажу.

Малышка отняла голову от груди и захныкала. На этом наша беседа завершилась.

— Держите ее прямо, — посоветовала я, — накройте ей лицо ладонью и слегка похлопайте по спине, чтобы она срыгнула.

Потом взглянула на Онор Уайт. Она лежала без движения, словно ее отключили от мотора,

голова безвольно съехала с подушки.

Нет. Не спит.

У меня ком подкатил к горлу. Я наклонилась осмотреть ее лицо: глаза были открыты, но она не дышала.

— Что с ней? — спросила Брайди.

Я просунула пальцы под лежавшее на простыне запястье. Кожа была еще теплая, но пульс не прощупывался. На всякий случай я дотронулась до бледной шеи Онор Уайт.

— Да пребудет ее душа в вечном покое, — прошептала я, — и пусть воссияет над ней вечный свет.

— Ах, нет! — Брайди подскочила сзади.

Я опустила веки Онор Уайт и сложила ее белые руки на груди.

Меня качнуло. Я неожиданно потеряла самообладание. Брайди положила мою голову себе на плечо, и я обняла ее так крепко, что, наверное, сделала ей больно. Затем услышала, как Мэри О'Рахилли тихонько плачет над своей малюткой.

Я заставила себя отпрянуть от Брайди и выпрямилась.

— Брайди, можешь привести врача?

Когда она вышла, я уставилась на малыша

Уайта. Он тихо посапывал и опасливо шевелил ножками. Неужели и моя кровь, и все наши усилия только ускорили уход его матери вместе с костлявой?

В палату вошла доктор Линн. Вид у нее был очень утомленный.

— Сестра Пауэр, какая жалость!

Она очень внимательно осмотрела пациентку, хотя никакой надежды на спасение уже не осталось. Потом заполнила свидетельство о смерти.

Я не утерпела и спросила:

— Это не результат переливания крови, как вы думаете?

Врач покачала головой.

— Скорее сердечная недостаточность на фоне пневмонии, плюс, вероятнее всего, трудные роды, кровотечение и хроническая анемия. А может быть, и закупорка кровеносного сосуда, повлекшая легочную эмболию.

Она натянула простыню на застывшее лицо, а затем обратила взгляд из-под поблескивавших очков на меня.

— Мы делаем все, что в наших силах, сестра Пауэр.

Я кивнула.

— Но в один прекрасный день даже этот страш-

ный грипп отступит.

— Правда? — подала голос Мэри О'Рахилли. — А откуда вы это знаете?

— Человеческий род способен в конце концов справиться с любой эпидемией, — объяснила врач. — Или, по крайней мере, находить выход из тупика. Каким-то образом нам удается худо-бедно преодолевать все напасти и уживаться с любыми новыми формами жизни на планете.

— Грипп, по-вашему, — это форма жизни? — удивленно спросила Брайди.

Доктор Линн кивнула, прикрывая зевок рукой.

— В научном смысле, конечно. Это же живое существо, не имеющее никаких злых намерений, а движимое лишь упрямой тягой к размножению, и в этом отношении очень похожее на нас.

Эта фраза меня озадачила.

— К тому же пессимизм — плохой лекарь, — добавила она. — Так что давайте надеяться на лучшее, леди! А теперь, миссис О'Рахилли, я хочу осмотреть вас и вашу чудесную малышку.

После осмотра Мэри О'Рахилли она обследовала губу малыша Уайта.

— Его уже кормили?

— Трижды.

— Какой молодец! Полагаю, теперь он filius

nullius, — резонно добавила она. — Ничейный. Приходское дитя. Видимо, его отправят в тот же приют, из которого она к нам поступила.

В трубу, подумала я. И кивнула.

— Когда все это закончится, — вполголоса проговорила доктор Линн, — мы с мисс Френч-Маллен планируем открыть частную больницу специально для младенцев из бедных семей.

— Это же прекрасно!

— Еще как! Палаты под крышей, хорошие сиделки любых вероисповеданий, лучшие женщины-врачи, которых мы только сможем нанять, свежее козье молоко…

Я поймала взгляд Брайди и чуть не расхохоталась. Ее удивило упоминание о свежем козьем молоке.

— И еще мы откроем дом отдыха в сельской местности для молодых мамочек, — добавила доктор Линн.

— Здорово, — произнесла Мэри О'Рахилли.

— Пришлю санитаров за миссис Уайт. — С этими словами врач вышла из палаты.

В ее медицинской карте не был указан никто из родственников, вспомнила я. А значит… от этой мысли меня передернуло… ее похоронят на кладбище для нищих.

Я вынула из стены гвоздь и приготовилась нацарапать скорбный символ на крышке своих часов.

— А можно я? — шепнула Брайди.

— Если хочешь.

Я передала ей часы и гвоздь.

Брайди незаметно отвернулась от Мэри О'Рахилли, нашла свободное место и аккуратно, с нажимом, нарисовала на серебре кружок для Онор Уайт.

Я подумала, сколько еще отметин в память об умерших матерях мне придется нацарапать на этих часах в будущие десятилетия. Царапины будут льнуть друг к другу, спутываться, как пряди волос.

— Как же их много! — хрипло проговорила я.

— Но подумай о других, — сказала Брайди. — О женщинах, которые продолжают жить. И растить детей.

Я взглянула на младенца Уайта. Ручки толщиной с мои большие пальцы раскинулись по простынке, точно стремились объять весь земной шар.

Вошел Гройн, прикрывшись носилками, как щитом.

— Сестра Пауэр, слыхал, вы еще одну душу

потеряли.

Можно было подумать, что я нерадивый ребенок, вечно теряющий монетки.

За его спиной маячил О'Шей, сцепивший руки, чтобы скрыть тремор.

Гройн поглядел на левую койку.

— Ага, значит, окочурилась наша великая грешница.

Я проигнорировала уничижительное клеймо, которым Гройн наградил Онор Уайт, но удивилась, откуда он узнал, что та была не замужем.

Держась не так вызывающе, как всегда, он с меланхолической ухмылкой сообщил О'Шею:

— Поехала на бледном коне…

— Вам бы все зубоскалить, Гройн! — в сердцах воскликнула я. — Мы что для вас, просто мясо?

Все так и вытаращили глаза.

— Вы хотите сказать, после известного события, сестра? — Он осклабился и рубанул себя по шее ребром ладони. — По моему мнению, да, все. Всем нам рано или поздно будет хана, крышка, капут!

Ткнув себя в грудь, он добавил:

— Включая и вашего покорного слугу.

Я не смогла придумать, чем крыть.

Гройн отвесил мне церемонный поклон и положил носилки на пол.

О’Шей помог переложить накрытое простыней тело Онор Уайт на носилки, и они унесли покойницу.

А младенец в колыбели ничем не выказывал понимания того, чего он лишился.

Я молча стала снимать с кровати постельное белье.

— Почему ты так сурова с Гройном? — тихо спросила Брайди.

— А ты считаешь его забавным? — ощетинилась я. — Эти его вечные песенки, этот его вульгарный юмор висельника… Был на войне, да не приблизился к передовой на пушечный выстрел, а теперь этот сальный холостяк околачивается здесь и надоедает страдающим женщинам пошлыми куплетами.

Мэри О’Рахилли была явно обескуражена моей запальчивостью.

Я понимала, что не должна давать волю чувствам перед пациентками.

— Вообще-то он не совсем холостяк, — заметила Брайди. — Как же это называется? Не вдовец, но мужчина, который когда-то был отцом.

У меня от волнения заколотилось сердце.

— И когда это было?

— Много лет назад, еще до войны. У Гройна вся

семья умерла от тифа.

Я откашлялась и выдавила:

— Мне жаль, я не знала. Думаю, его все равно можно назвать отцом, даже если… И много у него было детей?

— Он не сказал.

— А ты как это узнала, Брайди?

— Я спросила у него про семью.

Мне стало стыдно. Я-то сочла, что Гройн дожил до настоящего момента, не познав горечи утрат, потому что вернулся домой с войны без увечий, с не обезображенным лицом, не утратив способности чесать языком, сколько ему заблагорассудится. Я никогда не давала себе труда за его шуточками и песенками узреть душу сломленного человека. Держащегося бодрячком, но страдающего; обреченного сидеть в заточении, потерявшего всех, кого он любил, отбывая жизнь как тюремный срок. Гройн мог ведь запросто сидеть дома и пропивать свою военную пенсию, но нет, он приходил сюда каждое утро ровно в семь и таскал на носилках живых и мертвых.

— Я не хотела вас расстраивать, сестра Пауэр, — сказала Мэри О'Рахилли.

И потом, смущенно запинаясь, призналась, что у нее очень болят соски. Я принесла банку

ланолина и втерла ей в соски мазь.

Потом проверила малыша Уайта, но его пеленка была по-прежнему сухая. Он вдруг показался мне таким слабеньким и крошечным, что я подумала: а так ли уж не права была сестра Люк, посоветовав не переоценивать его шансы?

— Нам нужно крестить маленького мистера Уайта, — сказала я Брайди.

— Сейчас? — удивилась она. — Нам?

— Ну, сегодня в больнице священника нет, и в случае необходимости провести обряд дозволено любому католику.

— А вы раньше крестили младенцев, сестра Пауэр? — взволнованно спросила Мэри О'Рахилли.

— До сих пор нет. Но я видела несколько раз, как крестят детей.

(Умирающих. Но этого я ей не сказала.)

— И помню все слова, — заверила я ее.

— Но мы же не знаем, как она хотела его назвать, — запротестовала Брайди.

А ведь верно, и это меня беспокоило. Онор Уайт была такая неразговорчивая и скрытная, а мне надо было бы подумать, что наступит момент…

— Все-таки, наверное, лучше нам выбрать ему имя, — мрачно сказала Брайди, — чем оставить

это персоналу приюта, в который он попадет.

— Будешь ему крестной? — спросила я.

Она ответила коротким смешком.

— Нет, правда, будешь, Брайди? Это же серьезное дело.

— Ну, давайте же! — нетерпеливо воскликнула Мэри О'Рахилли, словно она была в цирке.

Брайди вынула младенца из колыбели и встала с ним по стойке «смирно».

Я решила не рисковать и назвать его в честь одного из общеизвестных святых. И громко предложила:

— Патрик? Пол?

— Джон? — выступила со своим вариантом Мэри О'Рахилли. — Майкл?

— Скучно, скучно, — поморщилась Брайди.

Я вгляделась в его личико. Может быть, выбрать имя с учетом последнего взмаха руки скульптора, вылепившего эту фигурку? Заячья губа; как по-гэльски выразилась доктор Линн — что-то, связанное с bearna? И я громко сказала:

— Назовем его Барнабас.

Брайди поглядела на младенца, лежащего на ее левой руке.

— Мне нравится!

Мэри О'Рахилли согласилась:

— Звучит благородно.

Брайди отвернула голову от младенца и оглушительно чихнула, вздев свободную руку, чтобы прикрыть рот.

— Извините!

Потом чихнула снова, еще громче.

Мэри О'Рахилли поинтересовалась:

— Вы здоровы?

— Подхватила простуду. Может быть, сидела на сквозняке вчера вечером.

Тут она подмигнула мне.

Я сразу вспомнила, что произошло ночью на крыше. Я покраснела?

И произнесла церемонным голосом:

— Брайди Суини, каким именем вы нарекаете этого ребенка?

Она ответила таким же церемонным тоном:

— Барнабас Уайт.

— Что вы просите у Божьей церкви для Барнабаса?

— Э-э… крещение?

Я кивнула.

— Вы, как его благодетель, готовы ли… — Традиционно эта фраза звучит так: «…помогать его родителям?» — …помогать Барнабасу?

— Готова.

В отсутствие святой воды могла сгодиться и простая кипяченая. Я принесла тазик с водой и налила воды в стакан.

— Подержи его над тазиком, Брайди!

Я взяла себя в руки и постаралась говорить ровным голосом. Следующая фраза, на латыни, была очень важной:

— Ego te baptizo, Barnabas, in nomine Patris[50]…

Начав лить воду ему на лобик, я испугалась, что он его наморщит, но нет.

— …et Filii…

Я продолжала лить воду.

— …et Spiritus Sancti[51].

В третий раз окропив младенца водой, я призвала к нему Святой Дух.

Брайди нарушила тишину:

— Что, это все?

Я кивнула и взяла у нее Барнабаса.

Она одним глотком осушила стакан.

Я удивленно взглянула на нее.

— Извини, меня мучает ужасная жажда.

Меня внезапно охватил страх, и сердце бешено забилось. Розоватый блеск веснушчатых щек.

---

[50] Примечания: 50

Я крещу тебя, Барнабас, во имя Отца… *(лат.)*

[51] Примечания: 51

…и Сына, и Святого Духа *(лат.)*.

Два пятна румянца на скулах. Никогда она еще не выглядела симпатичнее.

Я положила Барнабаса в колыбель и приложила тыльную сторону ладони ко лбу Брайди. Небольшой жар.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Немного голова кружится, — призналась Брайди, — и все.

Снова наполнив стакан водой из кувшина, она залпом выпила, ее глотка при этом ходила ходуном.

— Спокойно, спокойно, — озабоченно сказала я.

Но она только захохотала.

— Пью-пью, все никак не напьюсь.

Вот тут-то я и услышала, что голос у нее слегка осип и из недр ее легких донесся едва слышный присвист, точно порыв ветра сквозь листву вдалеке.

Я постаралась точнее сформулировать вопрос:

— Тебе что, тяжело дышать?

Она широко зевнула.

— Да я просто устала. И у меня всегда побаливает горло, когда я простужаюсь.

Но насморка, как при обычной простуде, у нее не было. Мой мозг отмечал, как часы отсчиты-

вают секунды, каждый симптом, на который я только сейчас обратила внимание.

Чихание.

Боль в горле.

Жажда.

Головокружение.

Суетливость.

Бессонница.

Нарушенная координация движений.

Нервозность.

Я вдруг поняла, что не хочу произносить это слово. Но это было именно оно: суеверие. И я подчеркнуто беззаботно сказала:

— Ну, это явно не инфлюэнца. Потому что никто ею не заражается дважды.

У нее чуть скривились губы.

— Брайди!

Она не ответила.

Меня тотчас охватила ярость.

— Ты же мне говорила, что давным-давно переболела гриппом!

(Она сказала мне в первое же утро. Два дня назад — неужели так недавно? А кажется, будто с того момента, как она влетела в мою палату без маски, без всякой защиты, прошла целая жизнь.)

Брайди отвела глаза.

— Наверное, это был обычный грипп. А может быть, это сейчас у меня обычный грипп?

Мне пришлось буквально прикусить губу, чтобы не брякнуть: «Любой грипп, которым сегодня заболевают люди, представляет опасность».

Господи! У инфлюэнцы инкубационный период составляет всего два дня, а это значит, что она подхватила его здесь, в этом крошечном очаге заражения.

Я постаралась не закричать:

— У тебя вообще что-то болит?

Слегка передернула плечами — знакомое движение.

Я взяла ее за локоть.

— Где болит, Брайди?

— Ну, немного тут и тут.

Она тронула лоб, шею, затылок.

Мне захотелось ее стукнуть, обнять.

— Где еще?

Ее рука двинулась к лопаткам, к пояснице, к бедру. Потом она торопливо отвернулась и судорожно чихнула, прикрывшись рукой.

И виновато произнесла:

— Похоже, я таки подхватила этот грипп, или он подхватил меня.

Мне пришло в голову, что щеки у нее все

же не румяные, а красные, очень яркие — как грим участницы рождественской пантомимы. (Интересно, Брайди хоть раз была на такой пантомиме?) Красный — коричневый — синий — черный…

Я услышала, как Мэри О'Рахилли ее успокаивает:

— Да этот грипп не такой уж и страшный. У меня в детстве был куда хуже.

Молодая мать, конечно, говорила это с самыми лучшими намерениями, но я была готова ее поколотить.

Собрав волю в кулак, я уверенно произнесла:

— Конечно, все будет хорошо, Брайди.

Но я заметила, что ее начало знобить.

— Главное — отдых. Давай-ка я уложу тебя в кровать.

— Где? — удивилась она.

Я на мгновение стушевалась, а потом кивнула на пустую койку справа, где раньше лежала Делия Гарретт и которую мы с Брайди перестелили только сегодня утром.

— Но… я же не рожаю.

Дело в том, что я просто не могла отправить ее в приемный покой, где она могла проторчать несколько часов. Если у нее инфлюэнца, промед-

ление было чревато опасными последствиями, и хотя оставался небольшой шанс, что это не инфлюэнца, рисковать не хотелось: в столь отчаянной ситуации нужно было прежде всего исполнять свой врачебный долг (да с кем я спорила?).

— Это не имеет значения, — сказала я, — вот, надень-ка… — Я нашла для нее в шкафу свежую ночную рубашку. — Справишься?

Брайди громко чихнула, заглушив свой ответ.

— Извини!

Наказывали за то, что чихала на мессе, вспомнила я ее рассказ.

Она стыдливо повернулась ко мне спиной и стала расстегивать пуговки своей блузки.

Потом я дала ей чистый носовой платок, сунула под язык термометр и начала заполнять медицинскую карту, как будто она была пациенткой: Брайди Суини. Возраст: двадцать два года (примерно). Я не знала многих ее данных. Мне претила мысль указать дом матушки настоятельницы монашеского ордена сестры Люк в качестве ее места жительства. Врач приемного покоя… прочерк. Я попыталась вспомнить, когда поставила ей термометр… минута уже прошла? Время текло странным образом. Я наклонилась

над Брайди и дотронулась до ее челюсти.

— Открой рот.

Ее сухие губы разомкнулись, и я взялась за термометр. Когда я его вынимала, ее губа прилипла к стеклу, кожа чуть треснула, и появилась капелька крови.

Я протерла стеклянный цилиндрик и увидела: 39,2 °С. Высоковато, но не такая высокая температура, какая обычно бывала при этом гриппе, успокоила я себя.

Выбежала из палаты. Я торопливо шагала по коридору мимо медсестер и врачей, обгоняя еле тащившихся больных. Заглянула в женское инфекционное и, поскольку никак не могла запомнить имя дежурной медсестры, просто позвала:

— Сестра? Сестра?

Маленькой монахине такая форма обращения не понравилась.

— В чем дело, сестра Пауэр?

— Моя помощница неважно себя чувствует, — звонко произнесла я фальшиво обыденным тоном. — Вы не могли бы кого-то прямо сейчас отправить за врачом?

Я не уточнила, кому понадобился врач. Я не могла признаться, что уложила в кровать волон-

терку, которая даже не прошла предварительный осмотр в приемном покое.

Монахиня сказала со вздохом:

— Хорошо.

Я сглотнула уточнение: «Немедленно!»

Вернувшись в палату, я увидела, что Брайди уже лежит под одеялом, а ее одежда сложена на стуле рядом.

(Вот тут мне стало предельно ясно, каково это расти в приюте, всегда зная, что за нерасторопность тебя ждет наказание розгами.)

Я не могла сейчас строить из себя главную по палате, потому что я так боялась, что едва дышала, но ведь кроме меня никого и не было. Как говорится, нужда заставит. Я усадила Брайди, подложив ей под спину две подушки. Принесла из шкафа четыре пропахших фосфорным раствором одеяла. Потом сделала горячее питье с виски, не пожалев спиртного. Брайди дышала немного учащенно, пульс тоже был слегка повышен. Я записала все показания в ее медкарту, стараясь подойти к делу по-научному. Во всяком случае, кашель ее не мучил.

Брайди шевельнулась под одеялом.

— А что, если эта кровать понадобится настоящей пациентке?

— Тихо! Ты и есть настоящая. Тебе давно пора отдохнуть после всей этой беготни и суеты за два дня, которые ты тут провела, помогая мне. Так что лежи и отдыхай в свое удовольствие.

Мой тон был неуместно игривым. И я добавила:

— Тебе же небось спать хочется после бессонной ночи на крыше?

Потрескавшиеся губы Брайди расплылись в лучезарной улыбке.

Я резко развернулась.

— Миссис О'Рахилли, вы не будете против, если я вас переложу на кровать у стены, чтобы у нас тут стало немного попросторнее?

Мэри О'Рахилли робко ответила:

— Конечно.

(Всякий раз наклоняясь над Брайди, я надеялась, что мне удается стереть с лица выражение испуга — испуга, но не любви. Но я бы не хотела, чтобы кто-то посторонний увидел, какими глазами я на нее смотрю.)

Поэтому я помогла Мэри О'Рахилли выбраться из-под одеяла и перебраться на соседнюю койку. Не забыла я и о младенцах. Вкатила колыбель Юнис между новой кроватью ее матери и опустевшей кроватью в середине, чтобы удалить

от чихавшей Брайди. Потом поставила рядом колыбель с Барнабасом, но слишком резко, потревожив обоих младенцев, и Юнис захныкала.

Я все пыталась вспомнить, если, конечно, кто-то мне говорил, связан ли короткий инкубационный период заболевания инфлюэнцей с более опасной формой. И могла ли Брайди побыстрому проскочить фазу болезни и встать на ноги в считаные дни?

Чтобы она не мерзла, я укрыла ей плечи и шею кашемировым платком.

Она проговорила, стуча зубами:

— Приятно!

Потом я положила на нее одеяла и подоткнула края под тело, скованное ознобом.

— А теперь мне будет жарко! — пошутила она.

— Тебе полезно потеть.

— Можно еще воды?

Я побежала и налила ей полный стакан.

Брайди чихнула раз пять подряд в свой носовой платок.

— Извини.

— Перестань, — перебила я, — тебе не за что извиняться.

Я бросила ее носовой платок в корзину с грязным бельем и дала свежий. Мне показалось или

болезненный румянец на щеках уже добрался до ее фарфоровых ушей? И теперь приобрел коричневатый оттенок? Красный — коричневый…

— Пей микстуру с виски, Брайди!

Она залпом осушила чашку. И поперхнулась.

Я нежно ее укорила:

— Маленькими глоточками!

Она пыталась отдышаться.

— Я думала, на вкус это приятнее, чем то, что я выпила.

Она с усилием проговаривала слова, я это слышала, потому что ей стало трудно дышать.

— Вот что я тебе скажу, — начала я. — Мне кажется, тебе нужно больше воздуха, вот почему у тебя так сильно бьется сердце, — оно старается восполнить недостаток кислорода. Дай-ка я положу тебе это под спину…

Я достала из шкафа клинообразную подпорку и поставила между спиной Брайди и стеной, а потом положила на деревянную рамку подушку.

— Откинься!

Ее упрямо торчавшие рыжие волосы на фоне наволочки напоминали закатное солнышко. Она прерывисто выдохнула.

Я взяла ее за пальцы и прошептала:

— Нет, все-таки признайся, почему ты мне со-

лгала, что уже переболела гриппом?

Она хрипло ответила:

— Тебе же нужна была помощница. — И с трудом сделала вдох. — Мне просто хотелось помочь. Помочь тебе.

— Но ты же познакомилась со мной всего за минуту до этого.

— Если бы я сказала, что еще не болела гриппом… — усмехнулась она (теперь она задохнулась по-настоящему), — …ты бы просто меня отослала. В палате же было так много работы. Для двоих.

Я не смогла ничего ей возразить.

— Теперь-то чего уж, — свистящим шепотом добавила Брайди. Словно она, а не я, была медсестрой.

— Не надо беспокоиться. Я как-нибудь справлюсь.

Если я верно расслышала ее слова. Она выговаривала их еле слышно, с присвистом. Мне даже пришлось нагнуться и приблизить ухо к ее губам.

И интонация у нее была какая-то странная. Восторженная, что ли. Однажды я была на лекции альпиниста, который рассказывал о своем опыте восхождения на горный пик, где его охватила эйфория, потому что там был очень разреженный

воздух. Но на горной вершине он не воспринял это как болезненный симптом, а может быть, в нем просто настолько взыграл азарт восхождения, что он не обратил внимания на свое состояние.

Я снова измерила ей температуру. Ртутный столбик подскочил до отметки 40 °С.

— Это не Брайди Суини? — раздался позади меня голос доктора Линн.

Я не отрывала взгляда от медкарты, покуда торопливо описывала состояние пациентки.

Врач перебила меня прежде, чем я успела закончить:

— Но ее надо отправить в женское инфекционное…

— Прошу вас, доктор, не переводите ее…

Она шикнула на меня, уже приставив свой стетоскоп к спине Брайди.

— Дышите поглубже, дорогая!

Даже стоя на приличном расстоянии от Брайди, я услышала свистящее дыхание.

— Кашля у нее нет, — сообщила я. — Это же хорошо, да?

Доктор Линн не ответила. Она осматривала кисти рук Брайди с обеих сторон. А я увидела, как они опухли, и не только от переохлаждения.

— Отечность распространилась на мягкие тка-

ни, — пробормотала доктор Линн.

Как же я этого не заметила? И выдавила с усилием:

— Вы не наблюдаете у нее… — но не смогла выговорить слова «синюшности», — на щеках?

Доктор Линн задумчиво кивнула.

— Ну, если будете умницей, — обратилась она к Брайди, — и если вам улыбнется удача, они вполне могут опять порозоветь!

И как часто она видела розовеющие щеки выздоровевших по сравнению с сотнями случаев, когда пятна на коже лица темнели еще больше? Красный — коричневый — синий… «Хватит!» — приказала я себе. Да, Брайди нужна была улыбка удачи, кто заслуживал этого больше, чем она?

Доктор Линн взяла Брайди за подбородок.

— Откройте-ка рот на секунду…

Брайди широко разинула рот, высунув темный, как у повешенной, язык. Врач не стала комментировать, а повернулась ко мне:

— Вы делаете все, что можете, сестра, продолжайте давать ей горячее питье с виски. А теперь, боюсь, я должна уйти. Меня ждут в женской хирургии.

— Но…

— Я вернусь, обещаю, — сказала она, выходя

из палаты.

Чтобы чем-то себя занять, я снова поставила ей термометр. Он показал 41 °С. Это не ошибка? На ее лице высыпали жемчужные бусинки испарины, они появлялись быстрее, чем я успевала вытирать их салфеткой.

— Будь умницей, наказала тебе врач, — пробормотала я. — И не пытайся говорить, так ты быстрее поправишься.

Я промокнула ледяными салфетками ее посиневшие щеки, лоб, шею. Мне пришло в голову, что Брайди не кашляла, потому что не могла; она захлебывалась скапливающейся в легких мокротой. Тонула как бы изнутри.

Часы текли как одно невыносимо затянувшееся мгновение. Время от времени я, словно механическая кукла, заставляла себя выполнять привычные действия. Дала Мэри О'Рахилли судно, как только она стыдливо попросила, я проверила ее бандаж и поменяла повязку. Проснулся Барнабас и немного поплакал. Я сменила ему пеленку и налила молочную смесь в бутылочку. Но все это время мои мысли занимала лишь Брайди.

Теперь ее щеки приобрели орехово-коричневый цвет, язык не поворачивался назвать

его оттенком красного, она учащенно, с влажным присвистом дышала. Она уже не могла удерживать в руках чашку с виски, поэтому я вскарабкалась на кровать, встала на колени и приложила чашку к ее потрескавшимся губам. Она делала глотки между судорожными вдохами-выдохами. Она раз пять подряд чихнула, и вдруг я заметила, что ее носовой платок покрылся кроваво-красными разводами.

Я уставилась на кусок белой ткани. Один лопнувший сосудик, один из тысяч, из миллионов в ее молодом упрямом теле. Кровь ничего не значила. Роженицы барахтались в лужах крови и уже на следующий день чувствовали себя прекрасно.

— По-моему, мне нужен…

— Что, Брайди?

Она никак не отреагировала.

Я стала гадать.

— Судно?

Из ее левого глаза выкатилась слеза.

Я провела рукой по простыне: она обмочила кровать.

— Не бери в голову, это случается сплошь и рядом. Ты у меня в два счета будешь лежать на сухом.

Повернув легкое безвольное тело Брайди, я

подтянула под нее левую, сухую, часть простыни, одновременно сдвинув вправо мокрую часть. Потом, развязав тесемки на мокрой ночной рубашке и стянув с нее, заметила на боках бледную кожу и темный застарелый шрам и надела сухую.

— Ты меня отчетливо видишь? — спросила я. — Не расплывчато?

Она не ответила. Температура понизилась до 40,5 °С. Я с облегчением произнесла:

— Ну, жар спадает.

Глаза у Брайди округлились и застыли, точно у рыбы. Я не была уверена, что она меня поняла. Измерила ей пульс. Такой же учащенный, но слабый. Надо было не дать ей испытать шок. И я помчалась приготовить для нее пинту физраствора. Стараясь унять дрожь в руках, я наполнила раствором наш самый большой металлический шприц.

Даже находясь в полуобморочном состоянии, она содрогнулась при виде иглы.

— Это всего лишь соленая водичка, как в море, — успокоила я ее.

(Врачи хоть раз появлялись в ее так называемом доме? Хоть раз ей делали укол?)

— Ты вколешь в меня море? — слабым голосом произнесла Брайди.

Стараясь не сделать ей больно, я с первой же попытки попала иглой в вену.

Я наблюдала. Я ждала.

Все еще жива на сто процентов, мысленно говорила я себе, хотя ее губы уже приобрели красивый лавандовый, почти фиолетовый, оттенок, а вспухшие веки были подернуты дымчатой тенью, как у Мэри Пикфорд на экране.

Физраствор похоже, не действовал, артериальное давление падало.

Когда пурпурный цвет переходит в синий? Красный — коричневый — синий — черный. Что именно говорила доктор Линн про больных с синюшной кожей, какие у них шансы на выздоровление?

Брайди что-то прошептала.

Мне показалось, что это было слово «спеть».

— Ты хочешь, чтобы я спела?

Может быть, она бредила. А может быть, она даже не ко мне обращалась. В любом случае она не могла ответить, потому что тратила все силы на очередной вдох.

Мне надо было бежать в женскую хирургию и привести доктора Линн.

— Брайди, я вернусь через минуту.

Она хоть услышала меня?

Я выскочила из палаты. Налево, бегом по коридору. Позади услышала шум. Не важно.

Но потом шум усилился, я обернулась и увидела на лестнице доктора Линн в фартуке с красными потеками на груди в сопровождении двух констеблей в шлемах. Троица спускалась по ступенькам странным образом: полицейские держали врача за руки с обеих сторон, да так крепко, что на какой-то момент ее ноги отрывались от ступенек.

— Доктор Линн!

Врач бросила на меня взгляд сквозь толпу столпившихся на лестнице зевак. Выражение ее лица было непонятным: в нем угадывалось разочарование, горечь, уныние и даже (как мне показалось) насмешка над абсурдностью ситуации. Я поняла, что она ничем не могла мне помочь и не могла помочь Брайди, потому что ее песенка была спета.

Мужчины в синей форме свернули с ней за угол и скрылись из виду.

Когда я, пошатываясь, вернулась в палату, лицо Брайди уже покоричневело, как грязная монетка. В широко раскрытых глазах светился ужас.

Я схватила ее за влажную руку.

— Ты выздоровеешь, — уверенно пообещала я.

Один из малышей заплакал, и, как мне показалось, Мэри О'Рахилли тоже заплакала, но я не отвернулась от Брайди. Она дышала с трудом, с присвистом и так учащенно, что я даже не могла уследить за числом вдохов-выдохов. Ее лицо было серо-синего цвета.

Я ждала.

Я наблюдала.

Костлявая уже проникла в палату. Я слышала, как она шаркает и посмеивается.

Но стойкость Брайди была поразительна. Она же была моложе и крепче меня, как она похвалялась. Нужда и унижение сопровождали ее всю жизнь, она глотала их, переваривала, делая своим источником силы, жизнерадостности и красоты. И разумеется, она сможет пережить и этот злосчастный день, как уже переживала все прочие дни невзгод.

Это же как тропинка в лесу, уговаривала я себя. Запутанная и едва заметная, петляющая, но все равно тропинка, а ведь каждая тропинка в конце концов куда-то выводит… Таких тропинок полным-полно в лесистых горах вокруг Дублина, куда мы как-нибудь пойдем погулять, Брайди и я, и мы будем со смехом вспоминать, как я перепугалась, когда она подхватила инфлюэнцу. Она

придет ко мне домой, познакомится с Тимом и его сорокой. Она ляжет в кровать рядом со мной. У нас будет столько времени, сколько мы захотим. А когда-нибудь мы отправимся на пароходе в Австралию и пойдем гулять по душистым Голубым горам. Я представила себе, как мы бродим по эвкалиптовым рощам и наслаждаемся оглушительным чириканьем диковинных птиц.

В уголке ее рта появилась красная пена.

Я отерла ее салфеткой.

Перед моим мысленным взором лесная тропинка в траве, по мере того как густые ветви деревьев нависали над головой, становилась все менее заметной. Теперь мы как будто шли по туннелю.

Я подумала поискать другого врача, чтобы тот вколол Брайди какое-нибудь лекарство, хоть что-нибудь. Но любое стимулирующее средство сможет лишь продлить ее страдания на несколько минут — не так ли мне сказала доктор Линн?

Туннель стал прямым. Мы обе знали, куда он ведет.

Брайди закашлялась, извергнув темный сгусток крови, который потек по ее шее.

Я сжимала ее объятьях и смотрела, как из ее ноздрей запузырились розовые капли. Сквозь кожу ее тощего запястья не прощупывался пульс.

Кожа у нее холодела, теряя накопленное тепло.

А я ничего не делала, просто сидела над ней и считала ее судорожные вдохи-выдохи. Пятьдесят три в минуту. Как быстро может дышать человек? Легко, как машет крылышками мотылек. Шумно, как падает срубленное дерево. Я все считала вдохи Брайди, пока спустя несколько секунд не услыхала еле слышный, почти беззвучный последний вдох.

Я ощутила жжение в своих сухих глазах. Уткнулась взглядом в пол. Еще совсем недавно Брайди протерла его шваброй. Я старалась найти след, оставленный ее пребыванием.

— Сестра Пауэр, прошу вас, успокойтесь.

Гройн. И когда он вошел?

Его тон был на удивление ласковым.

— Встаньте, пожалуйста.

Я поднялась с кровати, не чувствуя ног. Мой фартук весь был перемазан ее кровью. Я выпустила ладонь Брайди и положила ее руку на грудь.

Лицо Гройна пожухло.

— О, только не девочка Суини…

За моей спиной рыдала Мэри О'Рахилли.

Санитар, ни слова не говоря, вышел.

Я начала с пальцев Брайди. Я их обмыла, потом втерла бальзам в раздраженные участки кожи на

внешней стороне, осторожно промазав круговую припухлость, оставшуюся от лишая, — она была словно след от древнего форта на холме. Провела влажной салфеткой вверх по ее рукам — сначала по гладкой, потом по обожженной. Кастрюля с горячим супом, сказала она в первый день.

Какой же наивной я была, сочтя это несчастным случаем. Скорее всего, в приюте нашелся какой-то взрослый, который в воспитательно-карательных целях просто окатил ее кипящим супом.

Вошел доктор Маколифф.

Я что-то пробормотала ему сквозь зубы.

Он попытался найти отсутствующий пульс. Поднял правое веко Брайди и посветил фонариком — убедиться, что зрачок не сужается.

Тот факт, что Брайди не была оформлена как положено, заставил его взвиться.

— Вы хотите сказать, что она не была пациенткой больницы?

— Она проработала здесь три дня. Без устали. Задаром.

Наверное, я это сказала таким тоном, что доктор Маколифф прикусил язык. В графе «Причина смерти» он написал: «Инфлюэнца».

Потом он ушел, а я продолжила заниматься

Брайди.

Я не обработала еще несколько участков ее тела. Готовя ее к погребению, я словно главу за главой читала ужасающую книгу. Когда я сняла с нее второй чулок, то заметила, что палец на ее ноге растет под странным углом: не вправленный старый перелом. Вокруг грудной клетки, от спины, змеился уродливый красный рубец; в конце концов он зажил, как заживает любая рана. Я нагнулась и поцеловала шрам.

Мэри О'Рахилли попросила дрожащим голосом:

— Сестра Пауэр, а можно я уйду домой? Здесь так…

В ней проснулся инстинкт самосохранения, желание схватить ребенка и убежать. Я ответила, не повернув головы:

— Еще несколько дней, миссис О'Рахилли.

Я нашла накрахмаленную ночную рубашку, чтобы надеть на Брайди. Вытянула ей ноги, сложила руки на груди и сцепила пальцы.

Пришли Гройн и О'Шей с носилками, которые положили на пустую кровать в центре.

Я не могла смотреть, как они перекладывали Брайди на носилки. Просто не могла смотреть.

Потом взяла чистую простыню и накрыла ее.

Гройн положил мне руку на плечо, отчего я вздрогнула.

— Мы о ней позаботимся, сестра Пауэр.

Когда они вышли, в палате вновь повисла тишина.

Заплакал Барнабас, но вскоре затих. Я оглянулась и увидела, что Мэри О'Рахилли качает его на руках, шепча колыбельную.

Сестру Люк я встретила удивленным взглядом, потому что не понимала, что ее привело сюда так рано. Но за квадратом окна уже сгустилась тьма, а мои часы непостижимым образом показывали девять.

Мэри О'Рахилли все еще держала Барнабаса на руках.

Монахиня вздохнула.

— Я слышала про бедняжку Суини. Какой ужас. Вот уж воистину: мы не знаем день и час…

Во мне клокотала ярость.

Ночная сиделка повесила пелерину на крючок, поправила головное покрывало и маску, надела фартук.

— Смотрю, этот уродец цепляется за жизнь…

Она взяла Барнабаса у Мэри О'Рахилли и уложила в колыбель, словно хотела навести порядок.

Тут я наконец собралась с силами и встала.

Сделала шаг, другой. Поглядела на бутончик раздвоенной верхней губы Барнабаса. И мне пришло в голову, что это печать судьбы, знак, выделяющий этого младенца среди прочих.

— В нем нет ничего уродливого, — сказала я.

Брови сестры Люк скептически взлетели над маской.

У меня в голове вдруг созрела дикая идея. «А что если Тим…» — подумала я. Нет, это было бы нечестно по отношению к брату. У меня не было на это никакого права.

Но я продолжала мысленно себя переубеждать.

— Я ухожу домой, — сообщила я монахине.

Она небрежно кивнула. Она решила, что я имела в виду: спать.

Но я прояснила свою мысль:

— Я беру очередной отпуск.

— О нет, сестра Пауэр, полагаю, мы все здесь пока еще очень нужны.

Я сняла фартук и бросила его в корзину с грязным бельем.

— Если это мне грозит увольнением, пусть ищут замену, — твердо сказала я.

Твоя работа, сказала мне Брайди, — не рожать детей, а спасать их.

Ну, возможно, я спасу хотя бы одного. Ради

Брайди. У меня возникла непоколебимая уверенность: ей бы наверняка хотелось, чтобы я уберегла Барнабаса Уайта от трубы.

И, не став дожидаться, когда мое терпение лопнет, достала из шкафа свою старенькую кожаную сумку и положила туда все необходимое: пеленки, булавки, детскую одежду, две бутылочки с широкими сосками и банку молочной смеси. В голове у меня настойчиво вертелась строчка из популярной песенки: «Сложи все свои беды в старый саквояж…»

Сестра Люк молча следила за мной. И наконец изрекла:

— И что это вы делаете?

— Забираю ребенка с собой.

И бросила сверху на детские вещи прогулочное пальтишко.

Монахиня цокнула языком.

— В этом нет необходимости. Его оформят для передачи в дом матери и ребенка.

Я завернула Барнабаса в два тонких одеяльца и натянула вязаную шапочку ему почти на глаза.

Потом надела свое пальто и шляпку, а когда обернулась, то увидела сестру Люк, стоявшую между мной и дверью.

— Сестра Пауэр, этот ребенок — не ваш, и вы не

можете его забрать.

— Но он же вроде ничей, не так ли?

— Вы хотите сказать, что готовы стать ему приемной матерью?

Поморщившись, я ответила:

— И не буду требовать за это плату!

— Но чего же вы тогда добиваетесь?

Я напомнила себе, что у сестры Люк были самые добрые намерения: она полагала своим долгом оградить этот человеческий отброс от всех грозивших ему опасностей, в том числе и меня.

— Просто заботиться о нем, — ответила я. — Воспитать его как родного сына.

Она судорожно вцепилась в свою маску, словно у нее засвербела кожа.

— Вы утомлены и не в себе… что объяснимо после такого тяжелого дня.

Произнеси она имя Брайди, я бы разревелась.

— Все мы устали, сестра. Сейчас я иду домой отсыпаться, и Барнабас Уайт — со мной.

Сестра Люк вздохнула.

— Нам, давшим обет безбрачия, суждено испытывать странные вспышки материнского инстинкта. Но ребенок — не игрушка. И как же вы собираетесь здесь работать?

— У меня есть брат, он поможет.

(И как я посмела давать какие-то обещания за Тима?)

— После положенного мне недельного отпуска вернусь на работу, — пообещала я, не подумав. — А теперь пропустите меня!

Ночная сиделка решительно распрямила спину.

— Вам следует поговорить с отцом Ксавье, который сейчас исполняет обязанности больничного капеллана. Всякий католик, рожденный в этих стенах, находится под его эгидой.

Я невольно подумала: кто и по какому праву вверил нас воле этих стариков? И спросила:

— Разве он не на похоронах?

— Уже вернулся… Он наверху, в родильном.

— Очень хорошо, — процедила я сквозь зубы.

Нехотя я положила Барнабаса обратно в колыбель. Он был так закутан, словно я собралась с ним на Северный полюс. Я взяла его медкарту и побежала искать священника.

Родильное отделение наверху походило на лабиринт с длинными и запутанными коридорами. И как же они обходились без врача-акушера теперь, когда доктор Линн уволокли в Дублинский замок? Я прошла мимо женщин, которые кашляли, тяжело дышали, потягивали горячий чай или

виски с кипятком, отворачивались, сидели на корточках, поднимались на ноги, поглаживали свое бренное бремя, плакали. Горе беременным. Но и радость тоже. Горе и радость настолько переплелись, что их трудно было различить.

Я нашла отца Ксавье, который молился вместе с пациенткой. Увидев меня, он встал с колен и подошел, утирая нос платком.

Мне хотелось все сразу прояснить, и я выпалила:

— Я забираю ребенка домой.

Его седые кустистые брови взметнулись вверх.

Я изложила основные факты короткой биографии Барнабаса Уайта.

Священник озабоченно заметил:

— Но вы слишком молоды, чтобы взваливать на свои плечи столь тяжкое бремя.

— Мне тридцать лет, отец.

— А что, если вы выйдете замуж, сестра Пауэр, и Господь дарует вам собственного ребенка или многих?

Я не могла просто заявить: я хочу именно этого. И попыталась облечь это в слова, которые священник мог бы одобрить:

— Его мать скончалась сегодня во время моей смены. И я убеждена, что ответственность за него

возложена на меня.

— Хм… — И тут старый священник заговорил о вещах вполне практических: — Я знаю, что вы, медицинские сестры, отличаетесь добротой души, аккуратно посещаете церковь. Но мою озабоченность скорее вызывает другая сторона.

Я вдруг ощутила такую усталость, что перестала его понимать.

Он пояснил свои слова:

— Его мать была, мягко говоря, обездоленной. А если при более тщательном изучении его родословной обнаружится, что его отец был жестокосердый мерзавец или вырожденец… дурная кровь, знаете, как оно бывает?

— Но малыш не может ждать, когда мы тщательно изучим его родословную!

Отец Ксавье кивнул.

— Но имейте в виду: он, безусловно, не принадлежит вашему классу!

— Я не думаю, что младенец принадлежит какому-то классу.

— Да-да, вы мыслите весьма прогрессивно. Но факт остается фактом: вы не знаете, что вас ждет.

Я вспомнила темные колодцы младенческих глаз и заметила:

— Он тоже.

На сей раз священник ничего не ответил.

— Доброй ночи, отец.

И я двинулась к двери, как будто он дал мне свое благословение. Но услышала за спиной его шаги.

— Погодите.

Я обернулась.

— Как вы будете его называть?

— Он уже крещен под именем Барнабас.

— Нет, я имею в виду… Возможно, было бы лучше, если бы ваши соседи полагали, что он — ваш кузен из деревни?

Я об этом раньше как-то не думала — о позорном пятне приемыша, как кое-кто называл таких детей.

— Начать жизнь с чистого листа, понимаете?

Священник желал мне и ребенку добра.

— Я над этим подумаю, — пообещала я.

Я отошла назад, и отец Ксавье поднял руку, словно желая меня остановить. Но нет, он благословил меня крестным знамением.

Когда я спускалась по лестнице, мои ноги подрагивали.

На какое-то мгновение мне показалось, что я ошиблась дверью. Нет, это было наше родильное/инфекционное отделение, но вместо сестры Люк

в палате находилась незнакомая сиделка и она чем-то поила Мэри О'Рахилли с ложки.

— А где сестра Люк?

Незнакомая сиделка ответила:

— Ушла передать сообщение.

Маленькая Юнис лежала в своей колыбели. Но вторая колыбель была пуста. У меня заколотилось сердце.

— Его забрала сестра Люк, — прошептала мне Мэри О'Рахилли.

Я развернулась на каблуках.

Выходит, монахиня намеревалась сама передать его на попечение ордену, просто чтобы досадить мне?

Я пулей помчалась вниз по лестнице. Был ли еще какой-нибудь пункт больничного протокола, который я не нарушила?

Я шагнула в сторону, пропуская двух мужчин с гробом, которые выходили из дверей, — судя по тому, как они его несли, гроб был легкий, значит, пустой. Я выбежала на холодный воздух и припустила по улице.

Ночь была темная, безлунная. Я свернула за угол.

Потом еще раз.

Меня кольнуло дурное предчувствие. Может

быть, я забыла дорогу к дому матери и ребенка, вписанному в медкарту Онор Уайт? Или перепутала его с каким-то другим? Я замерла, скользя взглядом по шеренге еле заметных в темноте домов. Это оно, то высокое каменное здание на углу?

Я заметила белое одеяние сестры Люк, которая семенила в направлении входа, с кожаной сумкой на плече и с небольшим свертком под мышкой.

Я не стала ее окликать. Я берегла дыхание, чтобы ее догнать.

Когда мои туфли затопали по мощеной дорожке за спиной монахини, она обернулась.

Она была без маски, ее губы сжаты в ниточку, а единственный глаз вытаращен.

— Сестра Пауэр, что это вы… во имя всего святого… тут делаете?

— А вы что тут делаете?

Она мотнула головой в сторону серого фасада.

— Естественно, это самое подходящее место для ребенка, пока все не прояснится. Лучшее для него… и для вас… для всех заинтересованных сторон.

Я подошла ближе, и теперь меня от нее отделяли считаные дюймы.

— Я получила благословение у отца Ксавье. Отдайте ребенка!

Но монахиня еще крепче обхватила спящего Барнабаса.

— Честно говоря, сестра Пауэр, вы сейчас не в лучшей форме. Эта бедная девочка сегодня… я знаю, это вас сильно расстроило…

— Брайди Суини!

Я выкрикнула это имя так громко, что спешащие люди обернулись на меня. И добавила, уже тише:

— Одна из двадцати рабынь вашего монастыря!

Монахиня открыла рот и тут же его закрыла.

— Голодавшая, — говорила я. — Презираемая. Всю свою жизнь знавшая издевательства и грубость. Брайди для вас была всего лишь грязной сиротой. Бесплатной рабочей силой, и вы отнимали у нее все, что она зарабатывала. Скажите, когда вы отправили ее работать в мою палату, вам пришло в голову проверить, не больна ли она инфлюэнцей?

Барнабас распахнул глазки и покосился на сумрачный город вокруг.

— Да вы бредите, — выдохнула сестра Люк. — Вы говорите как помешанная. Какая связь между

Брайди Суини и этим младенцем?

Я не знала, что ответить. Но знала, что две их души каким-то образом спаяны. Одна, едва родившаяся, другая, ушедшая до срока; они прожили на этой земле считаные часы, я не сомневалась: между ними был заключен договор, и я осталась перед Брайди в долгу.

— У меня есть разрешение священника. Отдайте его мне сейчас же.

Пауза. Потом сестра Люк передала мне в руки завернутого в одеяльца Барнабаса и поставила к моим ногам сумку с детскими вещами.

Ребенок жалобно хныкнул. Я сунула его под пелерину, чтобы уберечь от морозного ноябрьского воздуха.

— И что вы людям скажете? — спросила монахиня с холодком.

Я не была обязана отвечать. Но ответила:

— Что он мой кузен из деревни.

Она фыркнула.

— Все же будут считать, что он — ваш.

Я уловила ее язвительный намек.

— А еще, чего доброго, решат, что отцом является ваш брат, — добавила она со знанием дела.

Позор для семьи. Она об этом?

Но потом мой гнев улетучился. Кто же станет

позорить такого парня, как Тим, который не мог даже ответить?

И я не стала тратить на нее свое красноречие. Подхватив сумку, зашагала по улице в обратную сторону. Я смотрела себе под ноги, на свои туфли, мерно опускавшиеся на камни мостовой, стараясь ступать осторожно, чтобы не споткнуться и не выронить свою ношу.

Что я делала — несла домой слабенького младенца, чтобы огорошить брата, который не выносил ни шума, ни помех своему привычному образу жизни? Тим и так уж настрадался более чем достаточно, какое право я имела втягивать его в собственную авантюру?

Но он был ласковый парень, мысленно возражала я себе. И заботливый от природы: без всяких слов так чудесно обо мне заботился. И уж кто бы мог оказаться в столь странной ситуации с чужим младенцем, так это именно Тим.

Но меня обуревали и тревоги сугубо практического свойства. Я сойду с трамвая, и всю дорогу до дома мне придется идти пешком. Я не могла сесть на велосипед с ребенком в руках.

А что я ему скажу, как вообще начну этот разговор, едва войдя в дом? Тим, ты не поверишь… Я встретила одну девушку… Тим, подожди, пока я

все не расскажу… Это Барнабас Уайт…

Я была не в состоянии убедить брата логикой или красноречием. Не было ли это мое состояние похоже на то, в каком оказался Тим, выбравшись из окопов и получив крещение кровью парня, которого он любил? Расскажу ли я когда-нибудь кому-то о том, что со мной приключилось… об этом горячечном или мечтательном сне последних трех дней… Если да, то этим человеком будет Тим.

Может быть, притихшие улицы города потому и выглядели такими чужими, что я показывала их Барнабасу. Среди нас появился не объявленный заранее незнакомец, посланец с далекой звезды, медлящий вынести свое суждение. Дыши, дыши свежим воздухом, Барнабас, шептала я в его покрытое пушком темя. Потерпи немного, и мы будем дома, уже недолго. Потом ляжем спать. А что еще нам делать ночью? Завтра мы проснемся и посмотрим — ну, там и посмотрим.

И я понесла его по улицам, которые выглядели так, словно мир рухнул.

От автора

Пандемия инфлюэнцы 1918 года убила больше людей, чем погибло в Первую мировую войну — примерно от трех до шести процентов человечества.

«Притяжение звезд» — художественный вымысел, основанный на реальных фактах. Почти все подробности жизни Брайди Суини почерпнуты из ряда не столь ужасающих свидетельств, опубликованных в докладе Райена 2009 года об ирландских приютах (https://industrialmemories.ucd.ie/ryan — report/). Она, как и Джулия Пауэр и прочие мои персонажи, придуманы мной, исключение составляет лишь доктор Кэтлин Линн (1874–1955).

Осенью 1918 года Линн была вице-президентом исполнительного комитета «Шинн Фейн» и директором по общественному здравоохранению. Вскоре после ее ареста благодаря вмешательству мэра Дублина ее освободили, и она смогла продолжать борьбу с гриппом в частной клинике, которую она открыла по адресу Шарлемонт-стрит, 37 (дом был арендован ее возлюбленной

Мэделин Френч-Маллен). В следующем году в том же здании Линн открыла детскую больницу «Сент-Алтанз», администратором которой была все та же Френч-Маллен. Во время всеобщих выборов, состоявшихся после подписания перемирия 11 ноября 1918 года, Линн была активисткой избирательной кампании своей подруги графини Констанции Маркевич, ставшей первой женщиной — членом британского парламента, а Линн получила место в новом парламенте Ирландии в 1923 году. Она жила вместе с Френч-Маллен до смерти последней в 1944 году. Линн продолжала работать в больнице «Сент-Алтанз» до восьмидесяти с лишним лет, ведя активную борьбу за здоровое питание и улучшение бытовых и санитарных условий проживания сограждан. Тем, кто заинтересуется ее биографией и дневниками, которые она вела на протяжении более сорока лет, рекомендую книгу Маргарет О'Хогартаг «Кэтлин Линн: ирландка, патриотка, врач» (2006) и документальный фильм «Кэтлин Линн: бунтарка-врач» (2011).

Вирус инфлюэнцы выявили только в 1933 году с помощью новейшего тогда электронного микроскопа, а первая из многих вакцин от гриппа, предохраняющих от этой болезни сегодня мил-

лионы людей, была разработана в 1938 году.

Операции симфизиотомии (рассечение хряща, соединяющего лобковые кости) и пубиотомии (рассечение хирургической пилой одной из лобковых костей) довольно часто проводились в ирландских больницах в 1940—1960-е годы, но первая была осуществлена еще в 1906 году, а последняя — в 1984-м. Начиная с 2000-х годов эти вмешательства стали предметом ожесточенных споров и судебных тяжб.

Фильм, который обсуждают Брайди и Джулия, — немая короткометражная лента «Дрейфующие сердца» (1914), которая сделала Мэри Пикфорд звездой экрана, но все ее копии, похоже, утрачены.

Я начала писать «Притяжение звезд» в октябре 2018 года, к столетию пандемии «великого гриппа». Сразу после того, как в марте 2020 года я передала первый вариант рукописи издателю, мир изменился из-за COVID-19. Я благодарна своим агентам и сотрудникам издательств «Литтл, Браун», «Харпер Коллинз-Канада» и «Пикадор» за то, что в этом новом мире мой роман был подготовлен к печати их совместными усилиями всего за четыре месяца.

Кроме того, хочу выразить благодарность всем

работникам здравоохранения, которые сильно рискуют и кому мы доверяем свою жизнь. Акушерка Мэгги Уокер великодушно пожертвовала своим временем в условиях карантина и исправила кое-какие мои неточности: как и прежде, я очень признательна за исправления, которые внесла Трейси Роу — замечательный врач и редактор в одном лице (сейчас, во время пандемии, она трудится на врачебном поприще). Хочу поблагодарить также акушерок центра «Вуманкеар» и доктора Кейзи Ашера из Лондонского медицинского научного центра — за всех принятых им младенцев и за всех матерей (я среди них), которых он спас.